

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

Очерки о жертвах политических репрессий
в СССР в 1920-1950 годов
(по материалам Фрунзенского районного отделения
Ассоциации жертв политических репрессий)

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)
3-74

Автор идеи и координатор проекта:

Кузнецов Альберт Иванович, председатель правления Фрунзенского отделения Ассоциации жертв политических репрессий.

Редакционная коллегия:

- **Кузнецов Альберт Иванович**, председатель правления Фрунзенского отделения Ассоциации жертв политических репрессий
- **Халтян Михаил Агмадович**, депутат Муниципалитета г. Ярославля
- **Дутов Николай Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского;
- **Мурзо Галина Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского;
- **Зайцева Марина Александровна**, кандидат пед. наук, нач. отдела воспитательной работы ЯГПУ им. К.Д.Ушинского

3-74 **Знать и помнить** [Текст] / очерки о жертвах политических репрессий в СССР в 1920-1950 годов (по материалам Фрунзенского районного отделения Ассоциации жертв политических репрессий) / под ред. А.И. Кузнецова; Н.В. Дутова; Г.В. Мурзо, М.А.Зайцевой. - Ярославль, 2013. - 170 с.

Редакционная коллегия благодарит за помощь в работе:

Членов правления Фрунзенского отделения Ассоциации жертв политических репрессий; студентов исторического и филологического факультетов ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; Ахметдинову Светлану Юрьевну, директора муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля», Сопредседателя Государственно-патриотического клуба, члена Общественной палаты Ярославской области. Репина Дмитрия Андреевича, заведующего отделом информационных технологий Центральной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова.

Сборник очерков «Знать и помнить» посвящен судьбам репрессированных и их семьям. В них приводятся свидетельства того, что пришлось пережить осужденным по знаменитой 58 статье УК РСФСР 1926 года, в застенках ГУЛАГа. Клеймо «врага народа» долгое время мешало жить и членам их семей, фактически ограниченных в правах. Книга рассчитана на широкий круг читателей, а ее материалы могут быть использованы при изучении отечественной истории XX века, а также в поисковой и краеведческой работе.

© Ярославль, 2013

Слово к читателям

Многолетняя трагедия 1920–1950-х гг., кровавой колесницей репрессий прокатившаяся по душам и памяти сотен тысяч людей в Советском Союзе, надолго оставила тяжёлый след в нашей истории. В связи с этим возникает очень много вопросов. Почему такое стало возможным? Почему граждане России, которые являли собой многочисленные примеры мужества и героизма на фронтах первой мировой войны в революционных событиях начала века, прошедшие гражданскую и Великую

Отечественную войну так легко склоняли свои головы на плаху беззакония?

Причём в подавляющем большинстве своём они не сопротивлялись, не протестовали, не сражались, наконец, за своё право на жизнь?

Ответом на этот и другие вопросы было отсутствие в стране демократических традиций. Столетиями население России находилось под крепостным гнѐтом, самодержавием. Практически ничего не изменилось и после Октябрьской революции, которую замыслили, готовили, осуществляли и направляли именно для того, чтобы покончить с произволом самодержавия, добиться для всех людей равных прав и свобод.

После гражданской войны были ликвидированы ревтрибуналы, а наказание стали осуществляться главным образом по судебным приговорам. Но это были лишь ростки демократических начал. Руководство страны в лице И. Сталина в корне извратило общепринятое понимание демократии. Был выдвинут крайне ошибочный тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму.

Ещё в 1926 году в Уголовном кодексе РСФСР появилась особенная часть для информирования родственников репрессированных о существе обвинения (приложение 1).

Новая волна несправедливостей обрушилась после убийства 1 декабря 1934 года в Ленинграде С. М. Кирова. Оно широко использовалось И. Сталиным для расправы со своими явными, а чаще мнимыми противниками. В связи с этим сокращались до 10 дней сроки следствия о террористических актах против представителей Советской власти. Само обвинение вручалось за сутки до суда. Дела рас-

сматривались без прокуроров и адвокатов. Обжалование не допускалось. Вынесенные приговоры к высшей мере наказания (ВМН) приводились в исполнение немедленно.

Руководители страны того времени опьянённые всевластием, безнаказанностью и безответственностью перед кем-либо, в том числе и перед собственным народом, пошли ещё дальше. С 14 сентября 1937 года дела о вредительстве и диверсиях стали рассматриваться следствием как террористические акты против представителей Советской власти.

Главная причина этого беззакония лежала уже не столько в сфере политики, но и экономики. Поэтому к вредительству в то время относили всё, что угодно, любую аварию, пожар, рухнувший пролёт цеха или автомобильный мост, железнодорожную катастрофу, простое нарушение технологической дисциплины. А подобных случаев всегда хватало. Поэтому у рядового обывателя могло создаться впечатление, особенно в воспалённом подозрительностью мозгу, что действует мощная и глубоко законспирированная организация или структура, специально занимающаяся вредительством. Но зачастую, причина подобных происшествий была совершенно в другом. Тонувшие в море или даже у причалов суда, разрушившиеся железнодорожные пути, обвалы в шахтах и многое другое – всё это происходило не по чьей-то злой воле, а по вполне объяснимым причинам: от усталости металла, халатности, или просто неумения людей. Вспомним, например, историю со сталинградским тракторным заводом, который уже после сдачи иностранными специалистами, в течение двух лет (!) не мог выйти на проектную мощность из-за отсутствия квалифицированных рабочих и специалистов. А объяснялось это тем, что на производстве оказалась масса необученных крестьян, иногда насильно вырванных из деревни, которые не имели ни малейших навыков работы на производстве, просто с техникой.

Колесо произвола и беззакония всё больше раскручивала болезненная подозрительность как самого И. Сталина, так и бездумная и жестокая исполнительность его ближайшего окружения. Здесь, конечно, сказалась и мнительность И. Сталина, его холодная беспощадность. Именно он был инициатором репрессий, по его распоряжению они проводились, он подписывал многочисленные списки с сотнями и тысячами фамилий людей, подлежащих уничтожению.

Чаще всего формальным поводом для ареста и, как правило, последующих суда и расправы, служили так называемые «антисоветские высказывания» человека, которые тут же становились известными НКВД. Поэтому никто и нигде не чувствовал себя в безопасности:

от простой уборщицы до секретаря обкома и даже самих работников НКВД – каждый из них в любую ночь, как правило, мог быть арестован.

Поэтому единичные, не редко совершенно случайные или просто неверно понятые высказывания преподносились как система, превращаясь в антисоветскую пропаганду. А под неё уже совсем легко подгонялись и незатейливый анекдот, и пересказанная новость, и безобидная шутка, и пенароком распространённый слух. При этом, зачастую дело доходило до нелепостей. Например, «раскрывались» целые антисоветские организации и структуры вплоть до районного «заготзерна» или в школе, или даже среди просто жителей одного многоквартирного дома. Одной из главных причин подобных многочисленных арестов являлись показания ранее задержанных сослуживцев, соседей, просто случайных людей. Через них «выявлялись» и вскоре забирались мнимые соучастники. Затем это выросло в целые «контрреволюционные организации». Именно через подобные «организации» подвели под расстрел многих людей, сделавших немало доброго и полезного для развития нашей страны.

Конечно, были и нечестные люди, которые попадались на воровстве, махинациях, растратах, хищениях денег и материальных средств. Но, что удивительно, их судили не как обычных воров, а по той же самой знаменитой 58-й политической статье – за вредительство. Поэтому они сегодня тоже реабилитированы и даже считаются жертвами политических репрессий.

Арестовывали людей практически всех возрастов и профессий. Ночные «вороны» увозили и дворника и крупного хозяйственного руководителя. Пострадало и много людей творческих профессий – художников, музыкантов, артистов...

Главным оружием в борьбе с собственным народом, который использовал И. Сталин, были органы НКВД. В то же время, и сами эти структуры понесли тяжёлые потери. В Советском союзе было репрессировано более 20 тысяч работников этих органов. Поводом для этого зачастую было подозрительное прошлое их родителей, иногда просто «за старые знания», (т. е. за дореволюционное образование), а также за мнимые или явные проступки.

В стране широко практиковались и повторные аресты. Людям, отсидевшим в конце 1920-х – начале 1930-х гг. несколько месяцев, а иногда даже и лет в камерах предварительного заключения, и освобождёнными судами или внесудебными органами, в конце 1930-х годов предъявлялись прежние обвинения по прежним статьям, за те же

самые, как правило, мнимые действия. И вторичные приговоры были более суровыми, как правило, высшая мера наказания.

Арест и суд был вменён в обязанность работникам НКВД всех уровней – районных, городских отделов, областных управлений, а в армии и на флоте – соответствующих особых отделов. Судили обычно карательные органы двух направлений: судебные и внесудебные. Однако, и те и другие считались законными. К судебным относились областной суд (районные и городские суды доступа к 58-ой статье не имели). Линейные суды железных дорог и воднотранспортного бассейна, Верховные суды республик и СССР. К внесудебным судилищам относились: «тройки» УНКВД по областям, «тройки» ОГПУ армии и флота, «особое совещание» при НКВД СССР, комиссия НКВД, и прокурора СССР (знаменитая «комиссия Вышинского», как её называли).

Почти все инстанции, как судебные, так и внесудебные, во все времена выносили разные приговоры, применяя наказание от самых незначительных до высшей меры. Однако, только из одно судилища – «тройки» НКВД областей и республик чаще всего исходили одинаковые приговоры всем, кто попадал в их сети ВМН – расстрел.

Приговоры к высшей мере наказания исполнялись, как правило, в областных центрах и выше. В нашей области это известно всем в настоящее время Селифонтово под Ярославлем. Не было отмечено ни одного побега из камер смертников – все осуждённые к ВМН были расстреляны. Осуждённые на различные сроки входили в систему ГУЛАГа – Главного управления лагерей. Именно этой структуре мы обязаны строительством ГЭС и водохранилищ, железных дорог, в том числе, «мёртвой дороги» на Севере и довоенного БАМа, и многим другим «стройкам социализма», где применялся бесплатный, по сути рабский труд заключённых.

В 1953–1956 гг. были отменены «тройки», «комиссии» НКВД и «особое совещание», многочисленные противозаконные указы, постановления, указания, от указов Президиума Верховного Совета СССР до решений главных репрессивных органов. При прокуратурах были созданы отделы по надзору за следствием.

Однако продолжали действовать формулировки об антисоветской агитации из УК 1926 года. Пик послесталинских репрессий приходится на 1957 г., в основном, по статье 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда). В немалой степени этому способствовал и XX-ый съезд партии (1956 г.) и внутривнутрипартийная борьба (1957 г. – заговор против Н. С. Хрущёва). Только в 1961 г. в УК была введена новая статья – 190-1 «заведомо ложные измышления». Во времена М. С. Горбачёва и

В. Н. Ельцина по всем жертвам незаконных политических репрессий была завершена реабилитация.

Поводом для составления этого сборника очерков о жертвах незаконных политических репрессий и членов их семей послужило обращение на исторический факультет ЯГПУ им. К. Д. Ушинского Кузнецова Альберта Ивановича – председателя правления Фрунзенского отделения общественной организации жертв политических репрессий г. Ярославля. Родители Альберта Ивановича были репрессированы и погибли в лагерях ГУЛАГа.

Скромный сам по себе, но очень деятельный в поисках жертв репрессий, он явился организатором всех изысканий. При его самом активном содействии студентами – историками во время архивной практики были собраны материалы и впоследствии написаны очерки. Их герои жили или до сих пор живут во Фрунзенском районе г. Ярославля.

В подготовке и выпуске данного сборника принимали участие люди разных поколений. Считаю вклад их в общее дело одинаково значимым: всеми без исключения участниками проекта руководило желание отдать дань памяти безвестным героям потрясающих своим драматизмом жизненных историй. «Никто не забыт!»

Незамысловатые по форме тексты, материал для которых был собран из письменных источников (редких публикаций, воспоминаний репрессированных и их близких, официальных документов), а также из устных собеседований с ныне живущими участниками событий студентами исторического факультета и частично отредактирован студентами-журналистами. Мы называем эти тексты очерками. Их формальная неоднородность и встречающиеся жанровостилистические погрешности легко искупаются той искренностью, глубоким сопереживанием героям и ответственностью, с которыми была выполнена молодыми авторами порученная им или добровольно взятая на себя непростая работа.

Составители: А. И. Кузнецов Н.В. Дутов, Г. В. Мурзо, М.А.Зайцева

РЕКВИЕМ ПАВШИМ ОТ РЕПРЕССИЙ

Слова
Светланы Масликовой
Музыка
Константина Ахроменко
Инициатор создания
Василий Андреев

Впервые исполнен Виктором
Волковым
на митинге Памяти жертв
политических репрессий
г. Геледжик-Кабардинка, 5 октября
2003 года

*Нам ужаса из памяти не выбить –
Тяжелым стоном в души ой пророс.
И те, кому в те годы, вышло выжить.
Состарились от боли и от слез.*

Припев:

*Спаси, Господь, от новых бед, спаси..
Всех павших от репрессии помяни.
Из памяти страх гибели сотри,
Покой и мир на землю принеси.*

*Ночами нас преследуют кошмары.
Картины, воспаленные во снах;
Покойники на деревянных нарах,
Товарные вагоны в тупиках...*

Припев.

*Худые женщины с глазами темной ночи
Годами проливают пот и кровь.
И до сих пор нам не хватает мочи
Вернуть потомству счастье и любовь.*

Припев.

*Зачем ты в души нам клеймо поставил,
Пред Богом мирный люд назвав врагом?
Тиран всех наций и народов - Сталин
Вселил нам в сердце похоронный звон.*

Припев.

*Мы не виним тебя, Господь Великий,
Но грех свой искутили мы сполна.
Сними с души тяжелые вериги,
Чтоб сердцем мы смогли простить врага.*

Акинфин Александр Яковлевич

Александр Яковлевич Акинфин родился 14 июня 1947 года в поселке Югаренок Аллах – Юньского района Якутской АССР. В свидетельстве о рождении Александра Яковлевича в графе «мать» была указана Анна Канафьевна Акинфина, а вот в графе «отец» значилось только имя Яков без указания отчества и фамилии.

Дело в том, что его отец Яков Яковлевич Вальт (Вальтд), 1919 года рождения, был репрессирован по политическим мотивам и в 1945 году выслан на спецпоселение в тот самый поселок, где спустя 2 года и родился его старший сын Александр. Родители не хотели, чтобы немецкая фамилия и принадлежность к немецкой национальности отразились в дальнейшем на судьбе их ребенка. Поэтому данные об отце и не были вписаны в свидетельство о рождении.

Но несмотря на то, что брак между родителями Александра Яковлевича, Яковом Яковлевичем и Анной Канафьевной, не был официально зарегистрирован, они всегда совместно вели домашнее хозяйство, принимали равное участие в воспитании общих детей: сына Александра и младшей дочери Лидии (в замужестве Давыдовой), появившейся на свет в 1953 году.

Александр Яковлевич рассказывает: «Детство мой отец провел в Молдавии, потом переехал в Ульяновск, откуда его сослали в Якутию, где в течение некоторого времени и проживала вся наша семья. Жили мы в маленьком деревянном доме с несколькими комнатами. Домашнее хозяйство из-за суровых климатических условий практически не вели. Мать работала в детском саду. На самом деле, в моей памяти сохранилось мало воспоминаний о жизни в Якутии, так как в то время я был ещё совсем ребенком. Помню, как в детстве ловил рыбу баночкой с баржи. Её было так много, что она тут же заполняла банку с кусочками хлеба, которую я опускал в воду».

«В Якутии в 1955 году, - продолжает Александр Яковлевич, - я пошел в школу, но первый класс так и не закончил, так как уже в 1956 году мы получили разрешение покинуть поселение. Некоторое время нам пришлось жить в Казахстане, но, как только мы получили возможность уехать в Россию, почти сразу же перебрались в Ульяновск. Жилья не было, поэтому первое время мы жили в землянке. Отец работал кузнецом в совхозе, а мать – дояркой, и вскоре мы получили свой собственный деревянный, а затем и каменный дом. В Ульяновске я снова пошел в первый класс. Закончив школу, я поступил в техникум, после окончания которого меня определили в колхоз механиком. Затем, отслужив в армии 2 года, я перебрался в Ярославль, где

проживаю и по сей день. 10 лет я проработал механиком в «Спецстроймеханизации», а затем трудился на ярославском заводе топливной аппаратуры и моторном заводе в Ярославле».

Яков Яковлевич умер 9 марта 1983 года, так и не дождавшись реабилитации, которая произошла несколько лет спустя.

Его сын, Александр Яковлевич Акинфин, репрессированный в 1947 году, вскоре после своего рождения, как сын лица немецкой национальности, доказал факт родства с Яковом Яковлевичем и был реабилитирован в 2008 году.

Сейчас Александр Яковлевич живет с женой в Ярославле, у них есть дочь и внук.

Андреева Анастасия Владимировна

Анастасия Владимировна Андреева родилась 12 июня 1928 года в деревне Слобода Николо – Эдомского района Могилевской области.

На просьбу рассказать что – нибудь о своем отце, он ответила: «Папу я не знаю совсем, когда мы подверглись репрессиям, мне было 3 года»... Вот так жизнь бывает жестока, особенно, когда власти творят беспредел, по – другому это не назовешь. Причина, по которой был арестован Щербаков Владимир Кондратьевич, отец Анастасии Владимировны Андреевой, совсем не преступление, а вера в Бога. Он просто отпел в церкви свою умершую мать. Владимира Кондратьевича Щербакова арестовали 8 декабря 1932 года. По постановлению Тройки при ПП ОГПУ по БССР от 5 марта 1933 года по статьям 72 и 76 УК БССР Владимир Кондратьевич Щербаков (1891 года рождения) был подвергнут высшей мере наказания – расстрелу. Постановление приведено в исполнение 19 марта 1933 года в Минске.

Когда его арестовали, то некоторое время продержали в заключении, после чего отпустили домой, видимо попрощаться, и расстреля-

ли. Чем мог не угодить простой крестьянин Советской власти? Это вопрос, на который теперь нельзя дать определенного ответа.

Мать Анастасии Андреевны, Христина Астафьевна, работала в колхозе. Ей было 40 лет, когда забрали мужа.

А вот это семейное воспоминание, переданное Анастасией Владимировной, наверное, является самым страшным: «Когда за отцом пришли первый раз, я лежала на красной простыне, болела корью. Эти звери подошли и спросили, что за поросята дохлые лежат, взяли меня за ноги и бросили под лавку, пусть, говорят, там умирает». Поздно вечером под лавкой кто – то начал шевелиться, все подумали, что малышка уже умерла, но она выжила!

Большая семья лишилась своего кормильца, но всё – таки смогла жить дольше. У трехлетней Анастасии, кроме мамы, ещё были сестры Анна, Варвара, Мария и брат Василий.

Из дома семью выгнали, и им долгое время пришлось скитаться, жить у родственников. Сначала поселились на ригах, где сушили зерно. Потом племянник матери приоткрыл их у себя в маленьком сарае. Надо было чем – то отапливать жилище, поэтому сестра Варвара отправилась в лес за березовыми дровами. Её заметили, показали властям домик, где жили Щербаковы, и мать забрали на 9 месяцев в тюрьму до суда. Иногда Христину Астафьевну отпускали домой, повидаться с детьми. Когда начальник милиции увидел, что дети растут без матери и отца, начал хлопотать за Христину Астафьевну, и её освободили.

У мамы Анастасии Владимировны Андреевой в деревне Пасыново, под Рыбинском, жила родная сестра. Детей тихонько отвезли туда, а брата Василия добрые люди забрали в Москву. В деревне семья жила в сарайке. Анастасия доучилась в деревенской школе до 5 класса. Она делала по хозяйству всё: и корову доила, и убирала жилье. Но когда у сестры Анны, жившей в Ярославле, родился ребенок, Анастасию забрали в город. Мать осталась со старшей дочерью.

В 1945 году Анастасия Владимировна устроилась работать парикмахером, а к 1948 году стала мастером. Так работала до самой пенсии. В Ярославле в 1953 году Анастасия Владимировна вышла замуж за Горюнова Ария Михайловича (1926 года рождения). Красивый он был, по профессии таксист, но умер рано.

26 июня 1976 года состоялся второй брак Анастасии Владимировны с Андреевым Николаем Ивановичем (1917 года рождения). Когда – то он учился в Горьковском танковом училище и, окончив его, был призван на войну. Там его контузило, он лишился половины ступни, получил первую степень инвалидности. Работал одно время на моторном заводе электриком. Умер 19 февраля 2002 года.

Сейчас Анастасия Владимировна и сама инвалид II группы, живет одна в квартире, но ей помогает племянница. В Костроме живет её сестра Мария Владимировна.

Согласно Постановлению Верховного Совета Республики Беларусь № 3323 – ХП от 18 октября 1994 года Анастасия Владимировна Андреева как дочь репрессированного реабилитированного посмертно признается потерпевшей от политических репрессий. Сам Владимир Кондратьевич был реабилитирован 10 октября 1956 года.

12 июня 2008 года Анастасии Владимировне исполнилось 80 лет, и Правление Фрунзенского отделения Ассоциации жертв политических репрессий в лице Кузнецова Альберта Ивановича сердечно поздравило её с юбилеем, преподнесли небольшой сувенир.

Никто не забывает... Ничто не забыто...

Антонова Генриетта Николаевна

Антонова Генриетта Николаевна, прошедшая в своей жизни сквозь огонь, воду и медные трубы, рассказала о себе и своей семье.

«Я родилась в 1925 году в городе Ярославле. Мой отец, Твёрдышев Николай Петрович, родился 19 февраля 1874 года. Коренной ярославец, родом он был из купеческой семьи Гарцевых. Моя мать, Шлиппенбах Адель Германовна, родилась 7 мая 1892 года. Родом она из немецкой семьи: её родители когда-то приехали в Россию на заработки.

В первые годы Советской власти в Россию стали приезжать шведы. В Ярославле они построили электромоторный завод. На улице Володарского шведы построили себе жилые двухэтажные деревянные дома, погреба и даже теннисный корт. Наша семья жила напротив них. На по-

строенный шведами завод требовались работники. Отец устроился туда на работу фотографом. Он фотографировал цехи, рабочих.

Мама окончила Марининскую гимназию и получила звание «домашний учитель», но потом переквалифицировалась и стала бухгалтером.

Папу арестовали в августе 1931 года. Осудили по 58-ой статье на 3 лет без права переписки. Его отправили в Вишеру. Отцу в то время было уже 57 лет. Мне было 6 лет, а моей сестре Эмилии не было и 4-х лет. Остались мы с мамой втроем. Бедствовали сильно. Нас выселили из квартиры в коммунальную квартиру. В 1933 году мы с сестрой поступили в 1-ую начальную школу на улице Свердлова (теперь это «Салон новобраных»). Уже к 1937 году эта школа стала школой сирот, так как у большинства детей были арестованы отцы. Я помню, что в школе постоянно звучал плач. Летом мы перешли в 44-ую школу (тогда она называлась Мологская).

В 1936 году папа вернулся и разыскал нас, но у отца не было права проживать в Ярославле. Он нашёл жильё в Норском. Помню, как мама его туда провожала. От площади Волкова мы поехали в Норское на маленьком автобусе. Отец иногда приходил к нам ночевать. Во время войны комнаты ночью проверяли. Староста ходила и проверяла у жильцов и их гостей документы. Однажды она застала моего отца, но он сказал, что только на ночь, показал регистрацию в Норском.

Шёл 1942 год. Отцу было уже 67 лет. Он страдал стенокардией. Ночью 7 декабря отец не мог уснуть, ему было очень плохо - не хватало воздуха. Мы с мамой открыли дверь и положили отца на стулья, так как другого ничего не было. Отец умер у нас на руках.

Мы с мамой пошли в милицию. Милиционер принёс с собой зеркальце, чтобы проверить, на самом ли деле умер отец. Оформил акт. Отец был похоронен 9 декабря 1942 года на Леонтьевском кладбище. Реабилитирован он был 20 октября 1989 года.

Сразу расскажу и о маме. Мама работала бухгалтером в железнодорожной больнице с начала её основания в 1934 году до последних её дней. Сотрудники её уважали и ценили. Похоронена мама на Туговой горе. 15 мая 1943 года меня отправили в Космынино на торфоразработки. Я была там до сентября. Нас поселили в длинные бараки в поселке Высокое. Мы поднимались в 4 утра. Нужно было выполнить ударную норму, чтобы получить 800 граммов хлеба. Кроме хлеба, давали похлёбку, т.е. крупу, приправленную касторовым маслом. Было ужасно невкусно, но есть хотелось. Каждый месяц выдавали пару лаптей, но мы их не носили, а выменивали в деревне на картошку.

Я вернулась с торфоразработок и в октябре поступила в педагогическое училище. Закончила его в 1946 году со званием «учитель начальных классов». По распределению я попала в школу № 33. Вскоре я вышла замуж за Антонова Бориса Павловича, завуча школы №57. Я переехала жить в Красноперекопский район. Мне было далеко добираться до работы, поэтому я перевелась в школу № 31, а потом в школу №15. После я устроилась в школу №16. Таким образом, в школах я проработала с 1946 по 1981 года. Позже я устроилась в музей-заповедник смотрителем.

Я родила 2-ух сыновей: старший - Евгений Борисович (окончил физико-математический факультет педагогического института), младший - Михаил Борисович (окончил естественно-географический факультет этого же института).

Главное счастье для меня сейчас - это мои сыновья и внуки. Они хорошие и заботливые. Ни о чём в своей жизни я не жалею.

Арсеньева Людмила Ивановна

Людмила Ивановна Арсеньевна рассказала нам свою историю: «Моего отца звали Иван Григорьевич Лобзин (1899 года рождения), а мать Ефросинья Арсеньевна Лобзина (1897 года рождения). Жили они в одном селе Ярославской губернии. После революции 1917 года, в гражданскую войну отцу было ровно 18 лет, и он пошел добровольцем, потому что в Ярославле как раз формировались части Красной Армии. Когда отец уходил на фронт, с мамой они еще не были женаты. После возвращения из армии в 1921 году они поженились. Сначала отец с мамой вели своё единоличное хозяйство.

А потом, в начале 30-х годов, начали организовывать колхозы, и мой папа стал первым председателем колхоза. Ему на то время было

32 года. Он проработал председателем примерно до 1936 - 1937 года. Потом он добровольцем поехал на Дальний Восток укреплять советскую власть. Работал разнорабочим, но так как его очень ценили, то сделали прорабом или начальником какого-то участка.

Мама работала в магазине уборщицей по несколько часов в день, так как семья была большая, и её надо было содержать. Там, на Дальнем Востоке, родилась я и моя младшая сестра. Это было в поселке Ольга Приморского края. Сестру звали Галина. Всего в семье было 8 детей. Папе не понравилось работать на севере. До 1944 года мы жили на Дальнем Востоке. Когда была война с японцами, то всем пришлось эвакуироваться, так как поселок Ольга находится прямо на берегу Японского моря. Папа очень хотел на фронт, но его не взяли, так как у него была очень большая близорукость. Его оставили там, назначив главным в рыболовецком колхозе. Этот колхоз по большей части работал на обеспечение армии продовольствием.

В это время в Ярославской области жили родители моих родителей. И когда началась эвакуация из поселка Ольга, то они начали звать нас к себе в село. Папа добился разрешения, и вся семья приехала на родину моих родителей. Мы приехали сюда в 1944 году в конце мая. Как только мы приехали, папа пошел сразу на трудфронт. Работали они где-то здесь в Михайловском, под Ярославлем. Строили склады. Его поставили прорабом. А в 1946 году в феврале отца арестовали. За что его арестовали, неизвестно, но написали, что за высказывание террористических намерений в отношении руководителей партии и правительства. Дали срок в размере 8 лет, с «поражением прав» на 3 года, но «без конфискации имущества». Мы остались без отца. Папу сослали в Коми СССР в поселок Инта. И он там жил больше 10. На севере папа занимался всем: он был и хороший печник, и строитель, и вообще мастер на все руки. Вернулся он в мае 1957 года. После возвращения ему было 55 лет, он дождался реабилитации.

Вернулся он в мае 1957 года.

Старшая сестра (Лобзина Клавдия Ивановна 1921 года рождения) была уже замужем. А вторая сестра (Лобзина Зинаида Ивановна 1923 года рождения) недавно окончила педагогический техникум и устроилась работать в школу. Но её сразу уволили с работы. Тогда она завербовалась в Ленинград на стройку, отстраивать город после войны. Третья сестра (Лобзина Антонина Ивановна) окончила 9 классов. Она хотела пойти учиться в техникум, но детей в семье было много и надо было помогать матери. Сестре тогда было около 17 лет. Брат (Лобзин Александр Иванович) отучился 6 классов. Ему тоже пришлось бросить учебу и помогать маме по хозяйству. Ему было 15 лет,

он уже работал в колхозе, возил дрова на лошадях. Зимой часто обморазивал ноги, и когда приходил домой, то всегда плакал. Мне на тот момент было 8 лет. Как раз в 1945 году я пошла в первый класс. У нас ничего не было: ни книжек, ни тетрадей, ни ручек. Писали на газетах и обоях, а ручки делали из птичьих перьев. Жилось тяжело, не было денег на одежду.

Я тоже кончила 7 классов и поступила в медучилище. Стипендия на первом курсе была 16 рублей. Потом я попросила перевести меня на вечернее отделение. Хорошо, что жила у тети: она немного подкармливала меня. И я успешно окончила медицинское училище.

Второй брат (Лобзин Николай Иванович) был творческий человек, хорошо пел, рисовал, но ему тоже не пришлось учиться. После 7 лет учебы в школе он поступил в училище и работал комбайнером. Потом пошел в армию, после чего окончил техникум в Москве.

Баташева Валентина Петровна

Я, Баташева Валентина Петровна, родилась в городе Бузулуке Оренбургской области в 1928 году. Отца моего звали Пётр Емельянович Васильев (1901 года рождения). Сначала он был директором, затем воевал на фронте, но в 1937 году его сняли с должности и отобрали партийный билет. Ему пришлось устроиться на завод слесарем, чтобы кормить нашу семью, где было 6 детей.

«Однажды ночью в 1941 году за отцом пришли, - вспоминает Валентина Петровна, - все мы уже спали. Папа открыл дверь, и ему представили документы, подтверждающие право на арест. Отец провёл всех в зал: одни совершали обыск, а другие отправились во двор искать, нет ли там чего закопанного, например, оружия. При обыске обнаружилось, что в семье нет даже куска хлеба, потому что папу уволи-

ли. Нам помогали соседки, видя, как мы голодали. Отца осудили по 58 статье. Я с сёстрами и братиком сидели на диванчике в зале, сотрудники милиции до 3 часов ночи проводили опись всего, перелистывали даже книги. Сам отец не знал, что именно ищут. Никакого компромата так найти и не смогли, но это дело не изменило. Нам стало очень странно. Сотрудники нервничали, кричали на нас, но мы яростно защищали отца и даже пытались кусать людей в форме. Они говорили, что отец утром вернётся, тем самым пытаясь хоть как-то нас успокоить. Папа стал в коридоре прощаться с нами, а мы, словно чувствуя, что больше никогда с ним не встретимся, обхватили его своими худенькими ручками. Позже соседи рассказали, как видели нашего отца, которого увозили на грузовой машине куда-то из Бузулука. Мама, Анна Алексеевна Васильева, в это время лежала в больнице с тяжёлой болезнью и уже никак не отреагировала на горестное сообщение о том, что её мужа репрессировали, даже без права переписки».

«Когда происходили все эти события, мне было 13 лет, - продолжает Валентина Петровна, - Мы остались беспризорниками. Нас стали распределять: пришли из райисполкома и забрали маленькую сестру в детприёмник, а остальных отправили в детский дом в Бузулуке. Нас увезли зимовать в деревню Ново-Алексеевка. Каждый день мы получали одну маленькую лепешечку. А недалеко был ток с горохом, и мы, несчастные дети, в час ночи шли туда, сжимая в руках наволочку, дабы набрать этого гороха, чтобы утолить постоянное чувство голода. Наутро, если мы не успевали всё съесть, горох отбирали воспитатели. Спали все вместе, чтобы не замёрзнуть. Дети в интернате даже не обучались, не мылись, вечно страдали от вшей. Некоторые не выдерживали и умирали от холода и недоедания. Я была в этом детском доме со своими двумя сёстрами. Через два месяца меня забрали в Ново-Сергеевское ремесленное училище. Затем совершенно неожиданно отправили в Оренбург, там экипировали, и далее направили в Омск. Мы ехали 6 суток в холодном вагоне, жили на сухом пайке. Там я стала работать на заводе. Кормили хорошо: 600 граммов хлеба и горячий суп всегда были на нашем столе. Общежитие тоже оказалось приличным. Каждый месяц меня приглашали в особый отдел, где я должна была рассказывать, что пишет папа, хотя я даже не знала, где он находится, да и писать ему не разрешали. Я работала по 12 часов без выходных. На нашем заводе трудились работники со всей России. При нехватке рабочих рук, нас быстро переучивали. Например, меня научили работать на токарном станке. Иногда не имея сил добраться до дома, мы с подругами ложились под отопительные трубы и спали там до утра.

Вскоре маму выпустили из больницы, но после перенесенного заболевания она не могла ходить. Дома в Бузулуке жила старшая сестра Ида, пятилетний брат Саша и сестра Тамара. Продуктами семье помогал райисполком. Однажды сестренка Галя прислала мне письмо, в котором писала, что её обижают в детском доме. Я приехала за ней и, увидев, как она болезненно выглядит, решила переправить её к маме. Вместе с сестрой мне удалось вернуться в Бузулук. Мне было 20 лет. Поскольку я вовремя не возвратилась в Омск, меня хотели арестовать, но, к счастью, помогла прокуратура.

Вскоре из Норильска в Бузулук приехали два парня. Один из них был на 12 лет старше меня, работал электриком. Я вышла за него замуж. Мой муж тоже был ссыльным. 10 лет он работал в Норильске, где крыл котлованы. В нашей семье вскоре родились двое сыновей. Жили мы в частном доме. Времена тогда были очень тяжёлые, приходилось простаивать большие очереди за карточками. Но из-за ссор, причиной которых была ревность моего мужа, наша семья распалась. Моя сестра предложила мне переехать в Ярославль, чтобы помочь её дочке, пока та учится в Медицинском институте. Я согласилась без раздумий. А мой муж вернулся в Норильск. Жить с племянницей на квартире оказалось не очень приятно, так как я чувствовала себя лишней. Кроме того, на руках у меня было двое детей. Я приняла решение вернуться в Бузулук и продать наш общий с мужем дом, выслав ему после совершения сделки часть денег.

Вернувшись в Ярославль, я купила небольшой домик на улице Мельничной. Устроилась работать уборщицей. Нередко на работе меня просили подменять кондукторов. Вскоре на моём жизненном пути повстречался водитель троллейбуса, который был младше меня на 12 лет. Он очень полюбил меня. Мы расписались. Вступив в кооператив, построили квартиру на улице проезд Ушакова, где живём и сейчас. Оба моих сына решили стать военными. Старший, Виталий, находясь в звании полковника, погиб в возрасте 40 лет в Южно-Сахалинске при загадочных обстоятельствах. Это очень большое горе для нашей семьи. Я до сих пор не могу принять его смерть. Но, к счастью, Виталий подарил мне двух замечательных внуков. Второй сын, выйдя на пенсию, занимается частным предпринимательством.

Сама я 14 февраля 1997 года поучила звание «Ветеран труда». Годы лишений и вечной борьбы вспоминать очень тяжело, но именно они закалили меня. Я научилась не отчаиваться в любой, даже самой сложной ситуации, идти до конца и всегда добиваться поставленных целей.

Белкина Екатерина Сергеевна

Белкина Екатерина Сергеевна родилась в 1927 году в деревне Дор Нешевско-Вологодского района Ярославской области. Жили на хуторе Ичелка. Отец, Лебедев Сергей Яковлевич, работал портным. «Мой папа и маме», - вспоминает Екатерина Сергеевна. Мать, Аграфена Ивановна, вела домашнее хозяйство. В семье было четверо детей: старший брат Георгий 1918 года рождения, младший брат Александр 1920 года рождения, сестра Ольга 1923 года рождения и Екатерина. Семья вела свое хозяйство, держали пчел, словом, жили своим крестьянским тяжелым трудом.

Вскоре трагическая судьба постигла семью Лебедевых. Началось раскулачивание. В 1931 году и без того небогатую семью разорили. Приходили не один раз. Однажды пришли ночью и все-все забрали: лошадь, корову, поросят, пчел. «Мы все ревели, потому что отняли кормилицу - корову... Взглянули, а у коровы - то тоже слезы... Мама просила, что бы хоть муки оставили детям... Все забрали: швейную машину отца, мамину одежду...», - с дрожью в голосе вспоминает Екатерина Сергеевна. Сергея Яковлевича арестовали 3 июля 1931 года, осудили по 58 статье. Плохо стало жить семье без отца-кормильца, да еще с клеймом жены и детей «врага народа».

Пожили Лебедевы еще немного на старом месте, а потом и с хутора-то их выгнали, имущество отобрали. Поселились они в старой избушке деревни Дор. Сергея Яковлевича отправили в Пермь, несколько писем он написал семье. «Мама даже хотела ехать к нему, но он запретил, - вспоминает Екатерина Сергеевна.

А в 1936 году из тюрьмы пришло письмо, но уже не от Сергея Яковлевича. Написала письмо уборщица, работавшая в пермской тюрьме, чтобы сообщить о смерти отца Екатерины. Так больше и не слышали ничего о нем.

Нужно было как-то жить дальше. Аграфена Ивановна занималась домашним хозяйством. Георгий пошел работать в Леспромхоз десятником, помогал семье деньгами. «Мать съездит к нему и хлеба привезет... Вот так и существовали...», - говорит Екатерина Сергеевна.

Ольга закончила семь классов, позже переехала в Ярославль, работала мотальщицей на Ткацкой фабрике на Перекопе. Александр учился в Пошехонье на педагога, в 1938 году его призвали в армию, даже дома не успел побывать перед войной. Во время войны Александр был офицером.

А Екатерина закончила только пять классов. В 1941 году началась война. Георгий добровольно пошел на фронт. Ольга последовала

за братом и тоже добровольно пошла на фронт, была шофером на грузовой машине-«полуторке».

Совсем немного оставалось до победы... Но в 1944 году в семье случилось большое горе: оба брата погибли на фронте. У Георгия осталась жена и маленькая дочка.

И до сих пор Екатерина Сергеевна не знает, где находятся могилы братьев, да и есть ли они вообще... Узнав о смерти сыновей, в 1944 году скончалась Аграфена Ивановна.

Из некогда дружной многодетной семьи остались двое - Ольга и Екатерина.

Ольга дослужила до победы, вернулась в Ярославль. Вышла замуж, родила дочерей.

Екатерина так и продолжала жить в деревне Дор, теперь уже одна, работала на лесозаготовке. Это был тяжелый труд.

В 1950 году Екатерина Сергеевна переехала из деревни Дор к сестре Ольге в Ярославль. Долго не могла устроиться на работу. Первое время торговала мороженым на улице. Позднее устроилась на «Яйцебазу». Проработала там 15 лет. Потом работала на Молокозаводе в маслоцехе до пенсии.

Замуж Екатерина Сергеевна вышла в 1954 году за военного. «Знала я Николая еще до войны, жил он в соседней деревне. Дружили. Потом его взяли служить на флот. А после службы Николай вернулся ко мне в Ярославль. «Поженились, построили дом на Слепнева», - говорит Екатерина Сергеевна. В семье Беляевых родились две дочери. Муж работал на Шинном заводе сборщиком покрышек.

Екатерина и Николай прожили вместе 45 счастливых лет. В 1998 году Николай умер. Дочери вышли замуж. А сегодня у Екатерины Сергеевны есть и внуки, и правнуки.

Сергей Яковлевич - отец Екатерины Беляевой - был реабилитирован 14 июня 1989 года, а позднее, в 2003 году, была реабилитирована и сама Екатерина Сергеевна.

Беляева Маргарита Ивановна (Осипова)

Маргарита Ивановна родилась 4 июня 1931 года и стала пятым ребенком в семье Осиповых. Иван Илларионович Осипов и его супруга, Вера Егоровна, родились в 1892 году.

До раскулачивания семья жила в Переславском районе Ярославской области, в деревне Борисово в большом доме, с уютной террасой и окнами, украшенными резными наличниками. Был у Осиповых кирпичный завод. Поскольку семья была большая, рабочих не нанимали. Трудилась вся семья. Работа была нелегкой, глину для изготовления кирпичей приходилось месить ногами.

Но 8 апреля 1933 года Ивана Илларионовича арестовали. Он был осужден особым совещанием при коллегии ОГПУ на трехлетнее заключение в исправительно-трудовом лагере. Маргарита Ивановна рассказала, что раскулачил её отца председатель колхоза, который в юные годы ухаживал за Верой Егоровной. Но та предпочла ему Ивана Илларионовича. Быть может, давняя обида председателя и повлияла на судьбу главы семьи Осиповых? Остается лишь гадать. Только много лет спустя Маргарита Ивановна узнала в Информационном центре УВД, что её отец получил трудное задание, которое не мог выполнить, и был раскулачен с изъятием всего имущества.

Завод отобрали, амбар сожгли, все вещи растащили. В доме располагалась школа, а из кухни сделали детский сад. Детей семьи Осиповых разослали по родственникам. Единственным ребенком, который остался с Верой Егоровной, был шестилетний брат. Мальчику приходилось ходить по миру, потому что есть было совсем нечего. До сих пор он не может без слез вспоминать события давно минувших дней. Маргарите Ивановне на момент репрессии не было и двух лет. Она попала в

семью своей бездетной тети по папиной линии и прожила там до десяти лет, называя Евдокию Илларионовну мамой, а дядю – папой.

«Так что у меня было две мамы», - грустно улыбаясь, рассказывает наша героиня.

Иван Илларионович отбыл на Колыме весь срок заключения и домой вернулся с подорванным здоровьем. Приходилось много работать, а это было особенно тяжело в суровых условиях исправительно-трудового лагеря. Иван Илларионович был прекрасным плотником и занимался в заключении обработкой древесины.

Однажды сестра Ивана Илларионовича послала брату кальсоны, куда вшила сто рублей, но сообщить об этом не было никакой возможности. Иван Илларионович, получив долгожданную посылку, продал кальсоны за буханку хлеба, даже не подозревая о ценности этой вещи. Только вернувшись домой, он узнал, как дорого ему обошелся хлеб.

Вера Егоровна тем временем устроилась работать на пасеку. Она любила пчел и ответственно относилась к своим обязанностям. Поэтому во время её работы пасека процветала: число домиков для пчел возросло с десяти до сорока, однако это вызвало зависть недоброжелателей. Вере Егоровне пришлось покинуть полюбившееся место работы, а на её должность взяли другую женщину. Но ненадолго. Новая работница безответственно отнеслась к своим обязанностям, и домиков для пчел осталось лишь 5. Нерадивая работница была уволена, и Веру Егоровну попросили вернуться на пасеку, приняв извинения, она вновь принялась за работу.

Иван Илларионович вернулся домой в 1936 году и устроился на торфообрабатывающее предприятие, где он работал до самой пенсии. Вместе с Верой Егоровной они вернули себе всех детей, кроме Маргариты Ивановны, которая ещё несколько лет жила у тётки.

В двенадцать лет Маргарита Ивановна пошла работать на колхоз. Работа была нелегкой, но разнообразной: сбор урожая, сенокос, посадка картофеля, обработка льна.

В 1950 году Маргарита Ивановна вышла замуж, и по иронии судьбы, её избранником стал сын того самого председателя колхоза, который в свое время раскулачивал её отца. Иван Илларионович долгое время противился их браку, но в итоге с уважением отнёсся к выбору дочери. Свадьбу всё - таки сыграли. У Маргариты Ивановны родились два ребенка, девочка и мальчик. Семейная жизнь, однако, не сложилась.

Иван Илларионович умер в 1957 году. Но реабилитирован был лишь 13 июля 1989 года заключением прокуратуры Ярославской области.

Маргарита Ивановна в 1964 году приехала в Ярославль с детьми. В свободное время она устроилась на моторный завод, где занималась шпаклевкой горючих етержей на конвейере. Работа эта тяжелая и вредная для здоровья, поэтому Маргарита Ивановна в пятьдесят лет вышла на пенсию, отмеченная с множеством почетных грамот и записей благодарностей в трудовой книжке. Кроме того, дома у Маргариты Ивановны хранится юбилейная медаль «За доблестный труд».

Сейчас у неё есть любящие внуки, девочка и два мальчика, которые гордятся своей бабушкой, так много пережившей на своем веку.

Бойко Илья Петрович

Илья Петрович Бойко родился 10 апреля 1932 года в станице Госстагавеской Краснодарского края. Сейчас это Анапский район. Илья Петрович поведал нам историю своей жизни, которая даже сдержанного человека заставила бы плакать...

«В 1929 году началось уничтожение кулачества. Моего отца, Петра Никитовича Бойко, посчитали кулаком. У него было хорошее хозяйство, небольшое кирпичное производство.

В семье росла дочь (Вера Петровна Бойко) и пять сыновей (Александр, Иван, Григорий, Георгий, Илья).

Однажды приехали комиссары в кожанках и с пистолетами. Всё, что было дома, погрузили на телеги. На две из них посадили домочадцев. Предстоял путь в Новороссийск на железнодорожную станцию.

Оттуда семью увезли в Ростовскую область, где родители какое-то время занимались сельским хозяйством.

В 1930-1931 годах всех опять погрузили на телеги и увезли на железнодорожную станцию (где-то у Новочеркасска). Оттуда железнодорожным транспортом - на Южный Урал, в Челябинскую область, на лесоразработки. Во время переезда в продуваемом товарном вагоне простудился и умер маленький Илья. Похоронили его где-то во время остановки поезда.

Прибыв на место, отец и мать (Мария Павловна Бойко) стали работать, кое-как устроились и с жильём. Со временем появилась возможность возвратиться домой. Получилось так, что мать с детьми уехала в родную станицу, а отец остался.

Жить в родной станице многолетней женщине было негде. Родственники боялись наказания за общение с приехавшими и родства не признавали. Вся семья считалась «опасными людьми». Мать купила сарай - оборудовали его под жильё.

Я родился в голодный 1932 год. Мать с трудом доставала пищу. Старшие братья смотрели на меня и ждали, когда я умру: лишний рот. Основным их питанием были щавель, корни, дикie груши и яблоки. Как - то выжили. В 1934 году за высокие показатели в работе отца освободили, и он вернулся к семье. Купили новый сарай. Время шло.

Наступил 1937 год. Старшая сестра вышла замуж. Родители вступили в колхоз «Красный табаковод». Отец начал работать в бригаде по производству кирпича. Жизнь продолжалась.

24 декабря 1937 года вновь пришли комиссары и арестовали отца, мать и бывших дома детей. Забрали всё, даже продукты, которые были заготовлены на зиму. Всю семью погрузили на телеги. Я же в это время сидел в крапиве и наблюдал за происходившим. Мать не знала, куда я пропал, кричала. А комиссар ей сказал: «Если он подохнет тут один, советская власть не пострадает». Телеги уехали.

Я прятался до вечера, а потом выполз и пошел в опустошенную хату. Собрал тряпье, какое было, и лёг спать. На следующее утро я проснулся оттого, что скрипнула дверь. Передо мной стоял милиционер. Он привёл меня в дом, который в летнее время служил детским садиком. Милиционер нашёл старушку, которая открыла дом. Я осмотрелся: здесь было две комнаты, стояли детские кровати. «Вот здесь ты будешь жить, - сказал мне милиционер, - а бабушка будет тебя кормить». Вскоре он ушел. Бабушка принесла мне двенадцатилитровое ведро и сказала, чтобы я ходил сюда в туалет. Заперла. Так я стал жить один. Бабушка приносила мне раз в день еду и передавала

еще через форточку. Милиционер тоже иногда проводывал меня. Он принес мне пальто, шапку-ушанку и ботишки.

В этот неотапливаемом доме я прожил до апреля. Получив ботишки, я разбил окно и ушел. Знал я какого-то дядю, который как-то при встрече угостил меня конфетой. Я пришел к этому человеку и сказал, что никуда не уйду. Так я остался у него жить.

В 1938 году начали возвращаться мои братья. Старший собрал всех остальных братьев и меня в том числе. Мы организовали жильё в сарае. Братья стали работать в колхозе.

Еще да семья воссоединилась, нужно было платить налог, что мать была сделать не в состоянии. И в 1937 году её осудили на три года. В этом же году осудили и отца - за что и насколько не известно. Мать отсидела три года где-то в Ростовской области. В 1940 году она была освобождена.

Началась война. Два старших брата ушли в армию. В станице нас называли «врагами народа». Мать пришла на призывной пункт и спросила комиссара, почему же они в армию берут сыновей «врагов народа». А комиссар ей ответил: «Мамаша, Отечество в опасности! Сейчас главное - борьба с врагом».

В августе 1942 года территория от Кубани до Новороссийска была оккупирована немцами. Моя сестра, Вера Петровна Бойко, с приближением немцев ушла в партизанский отряд. В партизанский отряд ушёл и мой брат Григорий Петрович.

На оккупированной территории остались я, мама и брат Георгий, который был старше меня на 5 лет. Так мы жили год. Никаких известий о судьбах других братьев не имели. Мать сильно переживала. Помню, когда бы я ни проснулся, она всегда стояла перед иконой на коленях.

Вскоре началось освобождение оккупированных территорий. В 1943 году был освобожден и наш Краснодарский край.

Георгий был призван в армию и отправлен на Западный фронт. На одной из станций эшелон простоял неделю, после чего маршрут изменили, и Георгий оказался на строительстве военно-грузинской дороги через Кавказский хребет.

Почти до конца войны известий о братьях не было. После победы узнали, что все они живы.

Старший брат, Александр, начал войну с отступления от западных границ и дошёл до Воронежа. Был снайпером. Под Воронежем в боях он лишился обеих ног. Будучи в тяжелом состоянии, он не писал писем. Когда же написал, мы были очень рады. Вскоре он приехал. Прожил до 90 лет.

Второй брат, Иван, воевал под Сталинградом, дошёл до Берлина. Оттуда Иван отправился на Дальний Восток, на Японский фронт. Там его ранило в голову. Прожил брат 84 года.

Георгий и Григорий стали офицерами советской армии.

Помню, был у меня друг Гриша Стрижко. Немцы сказали, что будут переправлять людей в Германию. Забрали и семью моего друга. Собрали их в большом магазине. Я пришёл попрощаться с Гришей. Подошёл к нам немец и сказал, что я тоже поеду в Германию. Я стал сопротивляться. Какой-то работник из полицейского отряда подтвердил, что я не с ними. Я убежал.

Через час после этих событий подъехала машина, 127 человек погрузили в неё и повезли в карьер недалеко от Анапы. Кого убили, а кого стали заталкивать в карьер живьём. На память приходит и такой случай (мне тогда было 11 лет). В нашей школе немцы устроили госпиталь. Идём как-то с ребятами и видим яму, покрытую бурьяном. Мы открыли её, а там младенцы и дети. Позже мы узнали, что немцы откармливали голодных детей, а потом забирали у них кровь для раненых немцев. Трупы детей выбрасывали в яму.

Война закончилась. Милиционер, который помогал мне, снова поддержал, сказал, что надо учиться. Я последовал его совету. Учился я до 7 класса бесплатно. А вот 8-10 классы были платные.

В 1952 году я закончил 10 классов. Секретарь райкома партии Оськин Николай Павлович говорил, что мне надо поступать в сельскохозяйственный институт. Но работники военкомата уговорили меня поступать в военное училище. Для того чтобы учиться в военном училище, нужны были документы, в первую очередь свидетельство о рождении. Я пришёл в райвоенкомат, но моих документов там не было. Нашли только справку о моём рождении. Пришлось мне ехать в райисполком за свидетельством о рождении. Там нашли свидетельство о рождении в 1930 году Бойко Ильи Петровича. Тогда женщина, которая работала там, сказала, что меня отдадут под трибунал, так как я просрочил на 2 года службу в армии. Я был в замешательстве. Но дома мать мне всё разъяснила. Она рассказала мне об умершем брате Илье, которого она родила в 1930 году. Я поехал опять в райисполком, пояснил сложившуюся ситуацию. Но властям нужно было всё досконально проверить. По этому делу затеяли суд. Нашли свидетелей, которые видели моего умершего брата Илью, видели, как он умирал. Меня же отправили на медкомиссию устанавливать мой истинный год рождения. В конце концов, всё закончилось хорошо: мне выдали свидетельство о рождении.

После всех этих событий я был направлен в зенитное училище - Житомирские краснознаменные войска противовоздушной обороны страны. Я сдал экзамены: две пятерки по физике и математике и одна четверка.

Машинной комиссии из семи человек я рассказал свою биографию. Сказал и о том, что моя семья числится во «врагах народа», но братья мои прошли всю войну и были награждены. Решением комиссии я был принят в училище. В 1954 году я закончил его и был направлен в Московский военный округ противовоздушной обороны страны. Из Москвы я перебрался в город Горький: был и командиром взвода, и старшим офицером, и командиром батареи, и секретарем комсомольской организации, и замкомандира дивизиона по политической части.

В 1966 году я написал письмо в Верховный Совет СССР с просьбой разобраться в причине осуждения моего отца и моей семьи. Ответа не было 6 месяцев. Потом меня вызвали в комитет безопасности города Горького. Верховным Советом СССР мой отец был реабилитирован за отсутствием состава преступления в 1966 году. Оказывается, он был осужден «тройкой» за подготовку покушения на товарища Сталина. Был расстрелян.

Я поступил в военно-политическую академию, закончил её. Воспитывал молодёжь. Работал в Ярославском ракетно-зенитном училище. Имею 4 грамоты от ЦК Компартии.

**Бубель Мария Васильевна о своем отце
Куприянове Василии Петровиче**

Василий Петрович Куприянов родился в 1896 году в деревне Бушунха Грязовецкого района Вологодской области в семье крестьянина-середняка Петра Ивановича Куприянова.

Отец Василия занимал должность волостного старшины, владел пятнадцатью десятинами земли, тремя коровами и лошадьё. Все пятеро детей Петра Ивановича получили хорошее образование и занимали руководящие должности в различных отраслях народного хозяйства.

В 30-е годы Василий Петрович Куприянов работал в конторе колхоза в деревне Бушуиха, а затем был переведен в г. Грязовец на должность директора мясотреста. К этому времени он уже был женат и воспитывал четверых детей. Жена Василия Петровича официально нигде не работала, занималась хозяйством и детьми. Семья жила хорошо, дружно. Был большой добротный дом, корова, теленок, куры, огород. Все дети примерно учились.

Но 4 декабря 1937 года семью Куприяновых настигла беда. В дом неожиданно пришла милиция с обыском. Искали брошюры контрреволюционного характера. Хоть милиция ничего и не нашла, Василий был осужден по статье 58 на 10 лет. Позднее стало известно, что протокол суда был сфальсифицирован. Василий Петрович вину свою не признал.

Жена была твердо убеждена, что ее муж не виновен, внушала это и детям. В 1939 и 1940 годах она писала письма в Москву с просьбой пересмотреть дело. Однако получила отказ: - отвечали, что Куприянов В.П. осужден справедливо.

С арестом Василия Петровича для семьи настали невыносимо тяжелые дни. Жене его, чтобы прокормить четверых детей, пришлось браться за любую работу, сдать комнаты в наем, а потом пришлось продать корову и всё, что нашло хоть какой - то спрос. На вырученные деньги купили соль, спички, мыло, зерно, тетради, ручки, кур и 2-х коз. Все это выручило семью в начале войны. Дети с ранних лет работали, помогали матери.

Василий Петрович Куприянов умер 10 марта 1941 года, но семья не узнает этого до конца войны.

Дети репрессированного Василия Петровича еще долго будут терпеть несправедливость. Им трудно приходилось и в школе, и после её окончания, и в дальнейшей жизни. Так, например, дочь Василия Мария была вынуждена отказаться от предложения любимого человека выйти за него замуж и уехать за границу. То, что она дочь репрессированного, могло сказаться на судьбе молодого офицера. Затем Марию без всякой на то причины лишили общежития. Через некоторое время девушка полюбила вновь, вышла замуж. Ее избранником вновь стал офицер, служивший в то время в Москве в штабе командующего войск ПВО. Уже через полгода муж Марии был переведен в Ростов-на-Дону. Молодая женщина не хотела портить карьеру своему мужу и вернулась к маме.

Только 18 ноября 1955 г. дело Василия Петровича Куприянова было пересмотрено, а 21 февраля 1956 г. он был реабилитирован.

Василевская Надежда Николаевна

Родилась в на спецпоселении, куда в 1931 году выселили из родных мест мою бабушку Пелагею Игнатьевну с сыновьями Николаем и Петром. У Николая уже была своя семья - жена Мария Матвеевна и двое детей: Анна, Валентина и Алексей.

Их отправили в спецпоселение, потому что муж Пелагеи Игнатьевны, мой дедушка Дмитрий Фаддеевич Василевский, 1867 года рождения, категорически отказался вступить в колхоз. Жили они в селе Нагорное Вуздукуевского района Оренбургской области. Семью Василевских объявили кулацкой и «раскулачили», то есть лишили всего нажитого ими имущества. А потом в один из дней в село нагрянули милиционеры. Они арестовали дедушку, посадили в телегу, связав ему руки, и увезли в районный центр. Больше семья Дмитрия Фаддеевича уже не видела.

Всех других членов семьи, и детей, и взрослых, - всего 7 человек - нашим ходом повели на железнодорожную станцию, которая находилась за 10 километров от села. С собой разрешили взять лишь то, что можно одеть на себя и унести в руках, то есть практически ничего.

В нашей семье из поколения в поколение передается рассказ о том, как по дороге на станцию 15-летняя Анна попросилась в туалет. Над окранный молодой солдата она зашла за какие-то сараи. И там солдат вдруг предложил Анне бежать вместе с ним. Бежать сейчас же, немедленно, пока их не увезли из родных мест в далекий и неизвестный Казахстан.

- Смотри, потом поздно будет, - сказал солдат.

Но не доверилась ему Анна:

- Уж лучше я останусь с родными...

Везли их в так называемых «телячьих вагонах», грязных и холодных, битком набитых обездоленными, истощенными, больными людьми. Вагоны с выслаемыми часто отцепляли от поезда, они подолгу стояли на глухих разъездах и полустанках. Но из вагонов наружу выпускали лишь один-два раза в сутки, и то очень ненадолго. Солдаты раз в день поднимали в вагон бак с жидкой баландой. Ложек не было, выдали всем жестяные кружки. Люди черпали мутную водяную жижу и пили, сытыми никогда не бывали. К тому же иногда

даже этой баланды на всех не хватало... Когда поезд шёл, оправлялись тут же, в вагонах, - и старые, и малые. Многие были больны, стонали, выли, плакали без слез, жаловались друг другу на несправедливость. Страдали от обиды - ещё недавно были людьми уважаемыми, со всеми правами, и вдруг в одночасье стали изгоями; ещё больше мучила неизвестность. Умерших хоронили тут же, за насыпью железной дороги.

Дорога заняла больше месяца. На место, в Казахстан, прибыли в марте 1931 года. В степи ещё лежал снег, но уже начало слегка прогревать солнце. «Нас, - рассказывал позже отец, - заставили рыть себе землянки. Тем, кто был уже не силах долбить перемерзшую землю, разрешали занять землянки, вырытые ранее доставленными сюда выселенцами. В этих землянках лежали вместе и мертвые, и те, кто ещё дышал, но обессилел настолько, что уже не мог двигаться...»

Кругом свирепствовали тиф, туберкулез, дизентерия... Фельдшер тоже из репрессированных осмотрит больного, но помочь ничем не может, скажет только: «Крепись, браток!» Иногда даст совет: укутай вай горло, держи в тепле ноги. А как их будешь держать в тепле, если в землянках темно и холодно? Бабушка наша тоже свалилась, долго болела, но в конце концов сумела оклематься. Охрану сняли, потому что она была не нужна: во-первых, бежать некуда - кругом на сотни верст голая степь, во-вторых, если бы кто-то и отважился на побег, он из-за истощения всё равно не смог бы осилить дальнюю дорогу.

Весной среди высланных распространилась хорошая весть. Оказывается, геологи нашли в этих местах месторождение каменного угля, и правительство страны приняло решение о строительстве здесь шахт для его добычи и нового города, в котором станут жить шахтёры. Поэтому сюда и завозили рабочую силу.

Сегодня мы можем прочесть в энциклопедии, что Карагандинский угольный бассейн - один из крупнейших в мире. Что освоение его начато в 1930 году, когда заложили 4 разведочно-эксплуатационные шахты. В 1931 году было начато сооружение 19-ти наклонных шахт общей мощности 250 тысяч тонн угля в год и закончено строительство железной дороги Акмолинск-Караганда. Кстати, Караганда считается городом лишь с 1934 года, после того, как одноименная железнодорожная станция получила бурное развитие в связи с быстрым ростом добычи угля.

Площадь Карагандинского угольного бассейна - около 3, 6 тысячи квадратных километров. Геологи разведали там в отложениях карбона - пятого подразделения палеозоя - до 30 рабочих пластов угля мощностью 0, 6 - 8 метров каждый. Угли в основном каменные.

Из угля составляют свыше 90 миллиардов тонн. Добыча производится главным образом подземным способом. На базе Карагандинских углей было построено несколько металлургических комбинатов и коксоплавильный завод, работал железнодорожный транспорт Казахстана и прилегающих к нему районов. Более половины добываемого здесь угля шло на получение кокса для заводов черной и цветной металлургии.

Чуждо обо всем этом в энциклопедии - и невольно задумываюсь о том, какими усилиями и какими жертвами обеспечивалась освоение и развитие угольного бассейна. А ещё о том, что у истоков его освоения находились мои родители, хотя и не по своей доброй воле.

Все, кто мог стоять на ногах, были посланы на строительство Карагандинских шахт. Мой отец попал на строительство шахт, а потом и уголь из них добывал. Мать и сестра Анна сразу стали работать на шахтах - приходили домой все черные от угольной пыли, одни зубы желают, и помыться негде. Денег за работу, конечно, не давали, но зато регулярно кормили скудным обедом и давали крошечный сухой паек. И люди стали понемногу оживать...

И родилась 4 октября 1934 года. В землянке жить невозможно с грудным ребенком, решили строить дом из самана. Начали собирать на полях солому и сухую траву, смешивать её с глиной и навозом, который давали нам казахи, державшие скот. Наконец, с большим трудом построили домик-мазанку в поселке №20 Майкудук. И хоть домик был совсем малосенький, без всяких удобств, то-то было у нас радости!

К сожалению, в этом домике не пришлось пожить нашей бабушке. Она снова заболела и вскоре умерла. Скорей всего, не от болезни, а от переживаний - очень горевала о Дмитриии Фаддеевиче, отлично понимая, что уже никогда не увидимся с ним на этом свете. Отец послал письмо односельчанам в Погромное, указал им свой адрес. И вскоре оттуда пришла весточка: односельчане написали, что пришло письмо и от деда. Он сообщал, что находится в тюрьме в городе Котласе Архангельской области, что кормят там очень плохо, бьют и что он сильно болеет. Отец тут же написал в Котласскую тюрьму. Не скоро, но ответили из тюрьмы, что гражданин Василевский Д.Ф. тогда-то ослеп, а такого-то числа скончался. Мы читали и плакали... Наверное, это известие и подкосило нашу бабушку.

Невольно размышляю сейчас о том, за что же пострадала наша семья? Да, у них был хороший дом, большой двор, полный всякой живности, земли 10 десятин. Но ведь все работали, не покладая рук, от рассвета до темна. Да, в страдные поры сенокосы или жатвы, когда

для земледельца дорог каждый день, дед нанимал работников из тех людей, у кого земельный надел был невелик или его вообще не было. Но ведь он со всеми расплачивался по справедливости, никого не обижал и никто на него не обижался. Почему же с ним советская власть поступила так несправедливо? Не хотел вступать в колхоз – вот и оказался изгоем.

Мой отец Николай Дмитриевич воевал с Германией, с 1915 по 1918 год находился в плену в Австро-Венгрии и Албании. После освобождения из плена до 1921 года служил в Красной Армии. Правда, в Великой Отечественной войне он не участвовал... Впрочем, что значит – «не участвовал»? Он не был на фронте, потому что получил бронь: стране очень был нужен уголь, работали по 16 – 18 часов – «всё для фронта, всё для победы над врагом!» Работала и мама, она получила глаукому от угольной пыли, почти ослепла... Вот как доставалась нам Победа.

Росла я слабенькой, болезненной девочкой. Очень хотелось учиться, но в классе я тоже была изгоем: меня не приняли ни в пионеры, ни в комсомольцы – «Дочь врага народа, тебе нет места среди нас!» Всегда полуголодная, плохо одетая и обутая, я всё-таки сумела окончить в Караганде финансово-экономический техникум. Работала сначала рядовым бухгалтером, потом главным в Карагандинской фармацевтике.

К тому времени, когда я ценой невероятных усилий выбилась «в люди», наша родные все умерли. Дочь моей старшей сестры Анны Елена окончила Ташкентский институт текстильной промышленности. Вышла замуж за ярославца и уехала с ним на Волгу. В Казахстане я осталась одна.

Я тоже вышла замуж, но жизнь моя не сложилась: я не могла иметь детей – на этой почве муж со мной развелся. Трудно жить одной в чужих краях. Хоть я и родилась в степи, своими эти места не считала. В нашей семье все мечтали о возвращении в Россию. Но не сбылись их мечты. Навещая могилки родителей, с горечью вспоминала их слова о том, что ничего нет милей и ближе родной земли.

А мне повезло: сумела приехать в Россию. Произошло это так. Нежданно-негаданно познакомилась с прекрасным человеком. У него умерла жена, погибли в автокатастрофе дочь со своим мужем и мужем младшей сестры. Старшая дочь, у которой уже было двое своих детей, взяла на воспитание и двоих сыновей погибшей сестры. К ним-то и приехал в Казахстан Василий Иванович Сухотин.

Родился Василий Иванович в Орловской области, но жил в Тихвине и Ленинграде, работал на Ижорском заводе сталеваром. Когда

они покинули семью, моя племянница Елена пригласила нас в Ярославль. Купили небольшой частный домик на Суздальском шоссе. Но случившееся так, что очень скоро он пошёл под снос, а мы получили просторную квартиру со всеми удобствами в многоэтажном доме.

Живем и радуемся, заботимся друг о друге. В райсобесе Фрунзенского района меня приняли в члена Ассоциации жертв политических репрессий. Возглавляют эту Ассоциацию прекрасные люди – председатель Альберт Иванович Кузнецов и его ближайший помощник Алексей Андреевич Семешота. После реабилитации на душе стало легче. Жаль, родители мои не дожили до этого дня.

У единственной моей родственницей – племяннице Еленой – бываю часто. Спасибо ей, что пригласила в Ярославль. И сам город наш с мужем очень понравился, и люди здесь замечательные – добрые, отзывчивые. Нашли мы в этом славном городе и друзей. В ярославцах живут чувства сознательности, справедливости, достоинства. За всё это они заслуживают большого уважения.

Глуховы Иван Степанович и Галина Николаевна

"После того, как молодая советская республика прокатилось кровавой колесницей по моей семье и лишила меня малой Родины, дважды затопив ее искусственным морем, я не разлюбил свою Отчизну, мало того, я до сих пор готов служить ей верой и правдой. Я не в обиде..."

И.С. Глухов, заслуженный рационализатор РСФСР

Семья Глуховых является, с одной стороны, примером того, как жизнерадостные, способные и целеустремленные люди могут стать жертвами собственных добрых устремлений, а с другой - показывает

колоссальный размах репрессий 1937 -1938 гг., поглотивших советскую Родину и унесших жизни сотен тысяч человек.

Галина Николаевна Глухова родилась в городе Азов Ростовской области 2 января 1930 года и вместе с родителями, Николаем Афанасьевичем Горским и Марией Михайловной, жила в городе Шахты. Отец и мать работали в шахте. В 30-е гг. семья вынуждена была переехать в Азов к родителям отца. К этому моменту, кроме маленькой Гали, у них был сын Виктор, родившийся в 1935 году.

Поселившись у деда, семья не встретила поддержки, а даже столкнулась с необоснованной жестокостью с его стороны: он не разрешал купать детей в доме - только в подвале, где была кухня. «Однажды мама понесла воду с улицы и простудилась, - вспоминает Галина Николаевна. - А дед решил выгнать семью из дома, велел молодым отстраивать собственный дом. Во время строительства мама заболела туберкулезом, в 1937 году родила третьего ребенка Володю, в 1939 году умерла».

Трое детей, среди которых девятилетняя Галя самая старшая, остались с отцом. Летом помогали ему по хозяйству, зимой - по дому. Так жили два года. Когда в 1941 году началась Великая Отечественная война, отец объяснил детям, что он должен идти на фронт. Насобирав рыбы, заготовил сундук муки, патоки, то есть запас еды.

Получив повестку, семья была готова к расставанию, но как единственный кормилец трех детей отца оставили до особого распоряжения. Однажды он зашел за детьми в садик и услышал, как воспитательница учила малышей тому, что фашистов надо убивать. Отец сказал: "Детей надо учить добру, а когда они вырастут, - то сами во всем разберутся". Незадолго до этого молодой вдовец предлагал ей вступить с ним в брак, но она обиделась, приняв это за оскорбление. Вероятно, решив отомстить, она написала на него донос, в котором указала факт ведения им фашистской пропаганды.

18 октября 1941 года Николая Афанасьевича Горского арестовали. В доме все обыскали и оставили плачущих детей на произвол судьбы. Лишь спустя несколько лет Галина Николаевна узнала, что ее отец был расстрелян 27 октября 1941 г.

Сразу после ареста отца в дом пришел дед и забрал у детей все заготовленные продукты, оставив их без куска хлеба. Люди боялись им что-либо дать: обвинят в "подкармливании" детей «врага народа». Только одна соседка тайно ночью носила им молоко. Галина Николаевна ходила к солдатам в воинскую часть, находившуюся в трех километрах от дома, с бидончиком за супом.

В конце 1941 года младшего мальчика Володю усыновили, а Витю с матерью перевезли в детский дом города Новочеркаска. Дети свои-своими глазами видели, как пылают города, обстреливаемые немцами.

Возврата для эвакуации детского дома не было. Директор решил использовать для этой цели подводки, на которые нагрузили еду и сотни маленьких детей. Отступали вместе с армией до Дона, где были поставлены барьеры, сооружались переправы, шла эвакуация заводов и заводов под непрерывными обстрелами немцев.

Добравшись до Дона, директор распряг лошадей и ночью переправил на старинных ребятами через реку на лошадях в плыв. Шестеро детей оставили с воспитательницей на другом берегу. Воспитательницу ночью переправили военные, а дети спрятались под подводами. Оставших самых маленьких детей во время отступления поселили в детском саду одной из деревень. Однако Галина Николаевна своего брата Витю там не оставила: весь этот страшный путь они прошли вместе.

Ночная переправа, дети попали под фашистский обстрел, во время которого прятались под подводами. Удивительно, но их не зацепило, хотя было много убитых и раненых. На подводах оказались сахар и танковое масло - ребята подкрепились и вскоре были посажены на баркас. Когда лодка доплыла до середины Дона, в воздухе появился фашистский самолет. Казалось, это конец, но все обошлось: выстрелов не было. Переправившись через реку, группа детей двинулась до ближайшей деревни, где попыталась узнать дорогу на Ставочеркасск. Оказалось, что местные жители видели мужчину, похожего на директора их детского дома, и указали, что он находится в школе в этой деревне. После воссоединения было решено продолжить путь. До города Сальска, Ростовская области шли деревнями, где детьми добродушные хозяева принимали у себя в домах.

В Сальск пришли ночью и сразу сели на поезд с ранеными, шедший в тыл. Дети ходили по вагонам и давали солдатам концерты. Добравшись до Армавира, ребята пошли в парк, где директор вручил им мешок с пряниками, вызвавший всеобщую радость. Пряники были разделены поровну, но удовольствие длилось недолго: Армавир внезапно тоже начали бомбить.

Дети вместе с воспитателем и директором побежали на станцию, где думали найти бомбоубежище, но увидев стоявший поезд с пшеницей и кукурузой, забрались в него и поехали, как позже выяснилось, в Махачкалу. Не успел поезд выехать за город, как за ним устремился фашистский самолет.

Ожидая новой бомбардировки, дети спрятались в кукурузу, и опять повезло: самолет пролетел, ни разу не выстрелив. Доехав до Махачкалы, пересели на пароход с беженцами, шедший через Каспийское море. К моменту, когда группа детей добралась до Красноводска, все были голодные и хотели пить. К счастью, директор разрешил им набрать винограда в местных виноградниках. Не вернувшись на станцию, они обнаружили, что директора уже нет. Галя с Витю сами доехали до Ташкента, где узбеки отвезли их на лошадях в детский дом, находившийся в горах Киргизии.

Но на этом злоключения ребят не закончились. Детский дом находился в плачевном состоянии: детей кормили отходами, мест не хватало, воспитатели за нарушение дисциплины жестоко наказывали, среди постояльцев буйствовали эпидемии. Чтобы хоть как-то наестся, дети бегали через холодную реку за кукурузой. Галя болела тифом, а зимой 1942 года началась брюшная эпидемия, которая уносила жизни более 5 детей в день. Заболел и ее брат Витя.

Вспоминая те страшные картины, Галина Николаевна не может сдержать слез: "У мальчиков в корпусе во время эпидемии все лежало на полу на простынях, покрытые потом, а по их телам бегали мушкетеры". Витю девочки отнесли в лазарет и он перенес эту страшную болезнь.

Вскоре директора и воспитательницу арестовали, а детей пригласили в районный городок давать показания. В детский дом был назначен новый директор, и положение нормализовалось. Когда Галя подросла ее с подружками направили учиться в город Ташкумыр, находившийся в 110 км. от детского дома. До этого города дети с воспитательницей шли пешком, останавливаясь в селениях, где их кормили кобыльим молоком местные жители. Придя в город, воспитатель определила их в ФЗО в электрогруппу, где срок обучения был 3 месяца.

После окончания учебы девочек назначили телеграфистками на 100 номеров, обслуживающих работников шахты. Поскольку есть было нечего, (телеграфисткам не полагалось бесплатное питание), они решили пойти работать в шахту спустицами. В городах была эпидемия малярии - Галина Николаевна перенесла и этот недуг. Во время болезни ей сказали, что Витю отправили в детский дом №1 города Ош. После этого они с братом так и не виделись.

Катя Машкова, которая ехала к мужу в госпиталь, полюбила Галя и без документов взяла ее с собой в город Каканд в Узбекистан. Там девочку определили в ФЗО сахарного завода.

Оказавшись в Узбекистане, Галина Николаевна стала писать письма домой, желая узнать хоть что-нибудь о судьбе своего брата. В детстве на ее письма ей сообщали, что ее брат умер во время переезда, заболел возвратным тифом и воспалением легких. Так Галина Николаевна потеряла еще одного близкого человека.

Но жизнь продолжалась: учеба в ФЗО, экскурсии на завод. Выпущенная группа праздновала 9 мая 1945 года и это была двойная радость: страна праздновала победу.

По распределению Галина Николаевна была направлена на сахарный завод города Зирабулак Самарканской области, где проработала до 1946 года пока не вернулась на Родину, в город Азов. По документам при ней документов не было (она не отработала положенных два года), до Красноводска юная Галя ехала на подножках и на крышах поездов.

В Красноводске ей посчастливилось познакомиться с семьей с сахарного завода: молодые люди взяли ее с собой на военный пароход. Галина Николаевна, даже в самых откровенных беседах никогда ничего не рассказывала о расстреле отца, а если кто и спрашивал, то говорила, что он пропал без вести. По дороге домой ее не покидали мысли о том, что в родном Азове все знают о расстреле отца.

Приехав в город, обнаружила, что дом уже не принадлежит их семье, все вообще сильно изменилось. Галина Николаевна отправилась в дело, который взял ее к себе. Она могла пойти на работу либо на телефонную станцию как телефонистка, либо на сахарный завод. Но еще с детства у нее была мечта стать врачом. Благодаря содействию деда Галину Николаевну взяли санитаркой в операционную в одной из городских больниц. Там не было даже носилок, больных перемещали на руках, а бинты сами стирали, гладили и скатывали.

Для работающих сотрудников была открыта вечерняя школа медсестер, которую стала посещать девушка.

По окончании школы Галина Николаевна была направлена на противомалырийную станцию, где делала прививки от малярии. Через несколько лет в 1948 году она уехала в Белоруссию, где работала хирургической медсестрой. Там Галина Николаевна познакомилась с человеком, с которым прожили потом более 50 лет.

Иван Степанович был офицером, переведенным на службу в Белоруссию. Позже они переехали в Новгородскую область, затем в летнюю часть Калининской области, а в 1960 году в Ярославль.

Ивану Степановичу Галина Николаевна смогла рассказать о расстреле своего отца. Оказалось, что их судьбы объединяло больше, чем

казалось на первый взгляд. Он тоже не понаслышке знал, что значит быть сыном «врага народа».

Иван Степанович Глухов родился в несуществующем ныне селе Городище: сейчас оно покоится на дне Рыбинского водохранилища. Треть села носила фамилию Глуховы, ведь у деда было 6 сыновей и дочка. Все они не покладая рук трудились в поле. Братья Глуховы вели общее хозяйство и по очереди, начиная со старшего, строили друг другу добротные дома. У них была мельница, в которой мололи не только свое, но и соседское зерно. В 1929 году отца Ивана Степановича и еще двух его братьев арестовали, назвав их «полупомещиками», «контрреволюционным активом». У них было конфисковано все имущество, исключая разве что одежду.

Довезли арестованных до Череповца, вместе с маленькими детьми погрузили в товарный вагон с нарами по стенам и буржуйкой по середине. Иван Степанович, которому было всего 6 лет, спал у двери вагона в легкой одежде. Голод и сквозняки привели к тому, что мальчик заболел и через несколько дней был снят с эшелона. Он не помнит, где и когда его лечили, но в итоге ребенок все-таки оказался вместе с семьей на разъезде Пинозеро Мурманской железной дороги в лагере ссыльных. Там семья Глуховых, как и другие семьи приговоренных, жила в огромных брезентовых палатках. По периметру полотняного квадрата располагались нары, в центре две железные бочки, приспособленные под печки. Спали вповалку, тесно прижавшись друг к другу, взрослые и дети. Печки надо было топить круглосуточно: на них готовили пищу и растапливали снег для воды. Детей использовали на подсобных работах. Они отыскивали, пилили и перетаскивали дрова, поддерживали огонь в печи, обваливали палатки снегом для сохранения тепла. Взрослые строили Нива - ГЭС, железную дорогу. От тяжелой работы и болезней часто умирали.

В этом лагере Иван Степанович потерял мать, которая умерла от крупозного воспаления легких, и младшего брата Виктора, умершего от цинги. Через какое-то время мамаина сестра Татьяна Александровна взяла опеку над маленьким Ваней и забрала его в Череповец. В 1933 году неожиданно вернулся из лагеря отец, которого за добросовестный труд освободили досрочно. Поначалу он перебивался случайными заработками: чинил сапоги, валял валенки, пилил дрова. Но через некоторое время получил должность лесника в Городище. Даже после первого ареста его предпринимательский пыл не остыл. Он стал собирать живицу - сосновую смолу, которую использовали в химической промышленности. Кроме того, он организовал меленький государственный заводик - смолокур. С

каждой товарницей вручную выкорчевывал столетние сосновые стволы и превращал в древесный уголь, смолу и деготь. Все бы хорошо (и мама была им очень довольна), но в Степане не угасало чувство ненависти. Он купил себе лошадь, смастерил повозку, создал небольшую мастерскую. Жизнь налаживалась. Тут же очнулись завистники: «Уж не Ваня Степан развился!» - и снова настроили депешу. В 1937 году Степан Филиппович снова арестовали. По решению «тройки» Центр Ленинградской области от 15 сентября 1937 года Глухов Степан Филиппович был приговорен к расстрелу. Где он похоронен никто не знает.

Семью Ивана Степановича все время травлили, называли «врагами народа». Глуховы были реабилитированы только в 1989 году.

Во время Великой Отечественной войны Иван Степанович воевал в 47-й полку легендарной 100-й стрелковой дивизии. Всю войну он прошел пешком с автоматом в руках и гранатой за поясом, а за спиной висела рация. Многого пришлось пережить: Воронеж, Курская дуга, Днепр, освобождение Освенцима. Иван Степанович получил ранение в ногу и был контужен. Заслужил две боевые медали «За отвагу» и «Орден Красной Звезды». Во время войны он вел дневники, что было строго запрещено. В послевоенные годы Иван Степанович встретил Галину Николаевну, они создали семью, у них появилось двое детей.

Иван Степанович Глухов закончил авиационное училище и стал заниматься разработкой и усовершенствованием оборудования реактивных самолетов. Всего в его послужном списке 168 изобретений. Его волновала не только техническая сторона полета, но и состояние пилота. Он придумал приборы, позволяющие летчику чувствовать себя в «Миге» более уверенно. В 1968 году Иван Степанович получил медаль «Заслуженный рационализатор РСФСР», которой очень гордится.

Тот факт, что семья была в 1989 году реабилитирована, позволил Глуховым избавиться от ощущения незащищенности в мире, где их считали «врагами народа». А ведь они были такими же русскими, любили свою землю, труд на ней, который приносил достаток и радость. Мама именно к светлому будущему не была сломлена в них никакими преградами. В своем фронтовом дневнике Иван Степанович написал: «Жизнь для меня непостижимое, неприступное, непреодолимое препятствие. На всю жизнь я солдат, штурмующий эту крепость». Желание творить добро сохранялось у Ивана Степановича до последних дней жизни, и его жена, Галина Николаевна, сейчас учит своих внуков тому же.

Горельшева Светлана Нестеровна

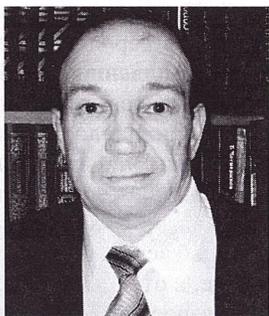
Жизнь Светланы Нестеровны была очень тяжелой. Жили они в Хмельницкой области, в большом селе с названием Зеленцы. Отец Светланы Нестеровны Нестер Прохорович Шемчук родился в 1914 году на Украине. В 30-е годы служил на Морфлоте около 5 лет. В это время у него была жена, с которой он развелся перед самой войной и женился на матери Светланы Нестеровны, Матрене Семеновне. Потом ушел на войну, где был морским разведчиком. Светлана Нестеровна рассказала нам, что он брал «языков». О том, что Нестер Прохорович был в плену, никто не знал, поэтому он какое-то время спокойно жил со своей семьей. Им пришлось усыновить двух мальчиков, Ивана и Дмитрия. Они были сыновьями брата Матрены Семеновны. Сам брат погиб на войне, а жена брата умерла от тяжелой болезни.

В 1948 году родилась Светлана Нестеровна. Когда ей было 9 месяцев, отца забрали в тюрьму как «изменника родины». «Мать осталась с детьми одна, а отца посадили на 4 года», - вспоминает Светлана Нестеровна. - Все дети были маленькие, и поэтому работать еще не могли. Братья Иван и Дмитрий помогали маме по хозяйству и приглядывали за мной, потому что я была маленькой». Сама Светлана Нестеровна уже в 4 года пасла гусей. От отца тоже была помощь: он присылал заработанные деньги семье. Письма пи-

...он не знал, так как был неграмотен, и просил писать весточки...
...он снова товарищей. Потом вернулся отец. Свой срок он от...
...в Красноярском крае, в городе Норильске. Там он работал,
...в горной промышленности. «В ГУЛАГЕ над заклю...
...животными надевались: совали раскаленные куски железа к
...и тут волей-неволей приходилось хватать рукой. Так многие
...себе руки до кости...», - рассказывает Светлана Несте...
...Насте выхода из тюрьмы отец устроился работать в колхоз,
...и мать, и работали они там долгое время. Денег не платили, ра...
...за трудом, так называемые «палочки». Мать работала вос...
...в детском садике, а отец на тяжелой мужской работе. Ко...
...старший сын Иван повзрослел, уехал жить в Челябинск. Чуть
...уехал к брату и Дмитрий.

...Когда Светлана Нестеровна повзрослела и закончила школу, по...
...отцу она пыталась поступать в медицинский институт в Ярославль.
...в Ярославле она училась и работала. Жила в общежитии. Здесь же
...она вышла замуж. Молодые поженились, вскоре родился сын, ко...
...назвали Сергеем. Но судьба снова сыграла злую шутку: Серге...
...умер в самом расцвете сил во время военных действий в Афгани...
...умер раньше, чем его дедушка Нестер Прохорович. Нестер
...Прохорович умер через 2 года, упав с повити, когда разгружал сено.

...Сейчас Светлана Нестеровна живет со своим мужем в Ярославле.
...У нее есть дочь и маленькая внучка. Ее отца реабилитировали как
...жертву политических репрессий. Светлану Нестеровну как подверг...
...нувшую политическим репрессиям тоже реабилитировали.

Гресс Владимир Ефимович

Владимир Ефимович Гресс родился 9 сентября 1951 года в посёлке совхоза «Шахтёр» Яшкинского района Кемеровской области в семье Ефима Михайловича Бабинца и Екатерины Францевны Гресс.

Отец Владимира Ефимовича много лет служил в рядах Красной армии, принимал участие в Великой Отечественной войне. В звании полковника Ефим Михайлович продолжал службу в Кемеровской области, где и женился на Екатерине Францевне Гресс, немке по происхождению.

Помимо Владимира Ефимовича в семье росло ещё трое братьев — старший — Олег (1948 года рождения) и два младших — Александр и Виктор (1952 и 1955 года рождения).

Ефим Михайлович и Екатерина Францевна были рабочими совхоза, обязанности свои выполняли добросовестно. Они старались сделать всё, чтобы «поставить детей на ноги». Как рассказывает сам Владимир Ефимович, детство его было не хуже детства других детей современников. Как и многие, семья Грессов в те годы жила бедно, их положение не было наихудшим, потому что были живы и работали оба родителя. Семья была дружной, размолвок между братьями и их родителями почти не возникало. Братья всегда поддерживали друг друга и были опорой для родителей. Особенно Владимиру Ефимовичу запомнилось, что мать каждый день вынуждена была ходить отмечаться к участковому инспектору, поскольку она в 1941 году была подвергнута административной репрессии по национальному признаку (немка) и направлена в Кемеровскую область, где по достижении шестнадцатилетнего возраста зачислена на учёт спецпоселения. Очень тяжело было делать это зимой, так как женщине приходилось преодолевать неблизкий путь в лютый мороз, а хорошей тёплой обуви

у неё не было. Возвращалась она обыкновенно в весьма плохом расположении духа, но даже тогда не позволяла себе грубо обидеть детей.

Владимир Ефимович вспоминает, что друзья в детстве у него были несмотря на то, что отношения со многими сверстниками складывались достаточно сложно. Некоторые одноклассники дразнили его («немка» и «финском»), несколько раз доходило даже до драки. Однако Владимир Ефимович предпочитает не вспоминать обидчиков и говорит, что, разумеется, зла ни на кого не держит и отлично понимает причины такого поведения одноклассников.

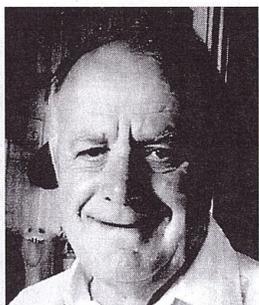
Ефим Михайлович был уволен из армии. Основанием для этого послужила национальность его супруги.

В 1948 году Екатерина Францевна нашла свою старшую сестру Варвару, которая в тот момент проживала в Казахстане. Через некоторое время семья переехала в Казахстан, где супруги работали на фабрике обувной фирмы «Ала-Тау».

Владимир Ефимович после окончания десятилетки в 1968 году работал на этой же фабрике в ткацком цехе. В 1969 году его призвали в армию. На стечении обстоятельств, службу он был должен проходить в Германии. Затем участвовал в боевых действиях в Египте и снова вернулся в Германию в свой полк. Здесь же в 1973 году родилась его первая дочь — Ольга. А в 1977 году, вернувшись в Россию, Владимир Ефимович поступил в Академию МВД в Ленинграде, закончил её, стал начальником отдела в милиции, проявил себя человеком недюжинной смелости и ума. В 1984 году, уже в Ярославле, родилась его вторая дочь — Елена. Даже выйдя на пенсию в 1993 году в должности начальника отделения учетных инспекторов Ярославского РОВД, Владимир Ефимович Гресс продолжал трудовую деятельность сначала на ТЭЦ-3, а затем в ОАО «Славнефть», откуда в связи с сокращением штата был вынужден уволиться в январе 2012 года.

Владимир Ефимович был реабилитирован 18 октября 1991 году ГУВД Кемеровской области.

В настоящий момент он проживает в Ярославле вместе с супругой Надеждой Константиновной и, будучи человеком скромным не любит говорить о своей жизни, искренне считая свою судьбу обыкновенной и ничем не примечательной.

Данилов Фёдор Степанович

Фёдор Степанович родился 30 марта 1936 года в деревне Ловколово Кингисеппского района Ленинградской области. Отцом Фёдора Степановича был Данилов Степан Сергеевич (1898 – 1938), который происходил из зажиточной ижорской семьи, принимал участие в первой Мировой войне. Потеряв жену и дочь Ирину, Степан Сергеевич женился второй раз. Его избранницей стала Ермолаева Дарья (Тарья Тара по – ижорски) Емельяновна (1895–1976). Для Дарьи Емельяновны это замужество тоже не было первым. Предыдущий супруг, являясь офицером русской армии, трагически погиб в 1915 году. На протяжении последующих семи лет вдова жила и работала в хозяйстве погибшего супруга. Затем она вышла замуж за вдовца Степана Сергеевича Данилова.

Именно в браке Степана Сергеевича и Дарьи Емельяновны родился Фёдор Степанович. Он стал третьим и самым младшим ребенком в семье Даниловых. Старшего сына звали Алексей. Он родился в 1927 году. Средним был Владимир 1929 года рождения. Семья проживала вблизи Финского залива, занимаясь рыбной ловлей. По рассказам матери во время ужина пришли люди и приказали главе семейства проследовать с ними, дав на сборы один час. В это же время были арестованы практически все мужчины деревни. Семья ничего не знала о дальнейшей судьбе отца – никто ничего не сообщил. Как выяснилось позже, постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 29 марта 1938 года Данилов Степан Сергеевич был осужден за участие в финской шпионско – диверсионно – повстанческой организации и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Фёдор Степанович признается, что конкретных воспоминаний, связанных с отцом, у него не сохранилось. Это и не удивительно, ведь на момент репрессии он был ещё ребенком.

Несчастная, убитая горем женщина осталась совершенно одна с тремя малолетними детьми без каких – либо средств к существованию. Можно только догадываться, какой ужас, страх и отчаяние испытывала беззащитная мать троих детей. Рассчитывать на какую – либо помощь со стороны государства к этой категории семей, да и просто сочувствующих, по запуганных людей, в преддверии бесчеловечных ужасов войны не приходилось.

В начале военных действий гитлеровской Германии территория Ленинградской области была оккупирована, значительная часть местного населения была перевезена в немецкий трудовой лагерь. Семья Даниловых не избежала этой участи. В памяти мальчика хорошо сохранились воспоминания о пребывании семьи в этом лагере, где матери приходилось много работать. Фёдор Степанович вспоминает, как он с братьями бежал в деревянной обуви. Мать сначала где – то выращивала свеклу, затем работала в пекарне.

После завершения военных действий и тяжелейших испытаний плена семья вернулась в Россию. Местом принудительного поселения стала деревня Сухмень Угличского района Ярославской области. Здесь семья переживала страшный голод. Единственной едой были выращенные на полях замерзшие и полусгнившие капуста и картошка. Дарья Емельяновна даже при смерти считала себя «врагом народа», поскольку тотальным являлось воздействие официальной пропаганды. И сам Фёдор Иванович говорит о том, что до момента реабилитации, он держал в большом секрете биографию отца.

Фёдор Степанович рассказал любопытную историю о том, как он вдруг стал русским, в то время как отец и мать были ижорами. В свидетельстве о рождении национальность родителей прописана не была. В 1943 году, когда Фёдор Степанович поступил в ремесленное училище, возникла необходимость оформления паспорта. «Взяли свидетельство о рождении, а национальность не написана. Данилов вроде русский, так и записали. Вот так я и стал русским!», - улыбаясь, рассказывает Фёдор Степанович. Когда пришло время оформлять справку о реабилитации, юрист сообщил, что печать на свидетельстве о рождении не просматривается. Был направлен запрос в ЗАГС, откуда пришла повторное свидетельство о рождении. В графе «национальность» у родителей были записи: «ижор» и «ижорка». «Вот если бы подлинные записи были сделаны изначально, то не знаю, где бы я сейчас был, на Колыме, наверное!», - шутит Фёдор Степанович.

После обучения в ремесленном училище Фёдор Степанович получил специальность регулировщик радиоаппаратуры и отработал сорок лет на Радиозаводе, а затем работал механиком в поселке Великом.

Сейчас Фёдор Степанович – любящий отец и счастливый дедушка, у которого три замечательных внука. Он очень жизнерадостный и весёлый человек.

Драган Галина Александровна (Смирнова)

Родилась Галина Александровна 19 апреля 1937 года в семье Александра Александровича (1903 года рождения) и Анастасии Владимировны (1910 года рождения) Смирновых.

Для Александра Александровича это был уже второй брак. В первом браке он со своей супругой жил в деревне. Анастасия Владимировна была нянечкой и ухаживала за девочкой Эльвирой, родившейся в 1925 году. В скором времени мама маленькой Эли тяжело заболела и умерла. После долгих душевных переживаний Александр Александрович принял решение жениться во второй раз, а в качестве спутницы выбрал Анастасию Владимировну и не ошибся. Семья получилась очень крепкая.

В 1932 году у них родился мальчик, которого назвали Александром в честь отца, а в 1935 году на свет появилась девочка Людмила. Галина Александровна была самым младшим ребенком в семье.

Одно время Александр Александрович работал кондитером, но затем сумел получить образование. В 1936 году он окончил Ярославский Техникум Резиновой Промышленности по специальности «Производство минеральных красок и лаков». Ему была присвоена квалификация техника – технолога. По этой специальности он пошел работать на завод «Победа рабочих».

Александр Александрович был добрым и отзывчивым человеком. Он всегда был готов оказать помощь ближнему. По рассказам жены, он всегда помогал в учебе своей однокласснице, жившей по соседству.

Причину репрессий в отношении отца Галина Александровна не знает, но предполагает, что поводом мог стать донос одного из завилых подчиненных. Когда Александра Александровича арестовали, то ему даже не дали обнять подошедшего со слезами на глазах четырехлетнего сына.

Приговором Ярославского суда от 2 ноября 1936 года Смирнов Александр Александрович был осужден по статье 58-10 ч. I УК РСФСР.

Когда супруга репрессировали, Анастасия Владимировна была на пятом месяце беременности. Она осталась с тремя малолетними детьми на руках. Александр Александрович из места заключения Карельской АССР не вернулся. Он умер 18 декабря 1938 года. Галина Александровна никогда не видела своего отца даже на фотографии.

Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 4 марта 1960 года приговор был отменен за недоказанностью обвинения.

Семья с трудом выжила. Помогала сестра Александра Александровича и бабушка. Для того, чтобы содержать семью, Анастасия Владимировна была вынуждена тоже пойти работать на завод «Победа рабочих». Детей «врага народа» никуда не брали учиться. Окружающие относились к трагедии семьи с пониманием, и никто даже не мог подумать о том, чтобы как-нибудь задеть или оскорбить ребят. Галина Александровна с гордостью говорит о том, что мать хорошо справилась с воспитанием детей. Все ребята выросли честными, справедливыми и трудолюбивыми.

В 1956 году Галина Александровна в первых рядах отправилась осваивать целину по комсомольской путевке. Для этой поездки отбирали лучших, в их число попала и наша героиня. Здесь Галина Александровна познакомилась со своим будущим мужем, Василием Ивановичем, который работал трактористом. Он был прекрасным человеком, необычайно красивым и умным. Молодые люди решили официально зарегистрировать брак, но сделать это с первого раза им не удалось. Дело в том, что ЗАГС находился в другом населенном пункте. Когда молодая пара приехала для заключения брака, то выяснилось, что в этот день ЗАГС не работал. Свадьбу сыграли 19 декабря 1957 года, но уже в Ярославле. В счастливом браке супруги прожили 49 лет.

У Галины Александровны родился сын, которого назвали Александром в честь деда. Затем в семье родилась дочь Людмила. Галина Александровна не только занималась воспитанием детей, но и работала на Ярославской Текстильно-Галантерейной фабрике ткачихой.

Галина Александровна всегда ответственно и добросовестно выполняла свою работу. За это она много раз была премирована дирекцией фабрики и комитетом профсоюзов.

Сейчас у ее детей Александра и Людмилы свои семьи и дети. Внуки часто радуют счастливую Галину Александровну, приезжают в гости. Любопытно, что Галина Александровна не только бабушка, но уже прабабушка. В скором времени на свет появится четвертый правнук.

Добрынина Надежда Антоновна

Я жила с родителями в сельской местности Винницкой области, на Украине. Мой отец Антон Иванович Колодий (1903 года рождения) работал зубным техником в селе, хорошо знал и портняжное дело. Мне было три месяца, когда его арестовали и отправили в тюрьму. Мама осталась со мной и бабушкой. Пошла работать на ферму дояркой. Ей приходилось очень тяжело. Когда началась Великая Отечественная война, мы оказались на оккупированной территории. Чтобы нас не отправили в Германию, мама вышла второй раз замуж: женщин, у которых были репрессированы мужья, немцы отправляли с детьми в Германию. Семья наша стала большой: кроме меня и бабушки, с нами жили трое детей от чима от первого брака. Отчим ушел на фронт, вернулся с фронта раненым. Я была самая младшая в нашей семье. Чем могли, все помогали маме. Вот и я в возрасте пяти лет помогала сажать картошку. То ли от недоедания, то ли по какой-либо другой причине, но в один день при посадке картошки я вдруг поняла, что ничего не вижу. Я ослепла. Врачи не могли мне помочь. Село наше было большое, жили и врачи, и музыканты, и учителя. К соседям приехал на каникулы сын, студент 4 курса медицинского института. Мама решила и к нему обратиться. По его совету мне стали регулярно давать рыбий жир. До сих пор помню его вкус. Как объяснить, не знаю, но помню, что гуляла со старшей сестрой по селу,

под сильный летний дождь, и вдруг я вижу лужи на земле. Слишком неприятно было это переживание для меня. Только в возрасте 9 лет я начала учиться в школу, закончила 4 класса, осталась работать в селе, сначала в сельском хозяйстве, а потом на маслозаводе.

Отец был арестован в декабре 1937 года, как сказали нам позже, по доносу. Никаких сведений об отце нам в то время собрать не удалось. На все запросы ответ был один: «Местонахождение установить не представляется возможным». Согласно архивным документам отец был расстрелян в феврале 1938 года. Спустя десятилетия, после массового обращения к Н.С.Хрущеву, удалось добиться реабилитации.

Еланцева Вероника Александровна

Хождение по мукам

Я родилась в семье скромных служащих: отец Крайнов Александр Гаврилович был кадровым военным, мать Лидия Яновна работала фельдшером в больнице. В семье нашей было трое детей, я — младшая. Жили мы в городе Казани, на родине отца.

Мне было два года, когда арестовали папу. Мама рассказывала, что отца, получившего военное образование, выходца из обедневшей дворянской семьи, подозревали в неблагонадежности, часто приходили из ГПУ с проверкой документов. Он был вынужден уйти с военной службы на гражданскую. На момент ареста он работал помощником главного бухгалтера одной из больниц Казани, где работали мама. Арестовали папу в декабре 1937 года: пришли ночью и увезли. На следующий день после ареста папы, его сестра заставила маму собрать документы, вещи и уехать из города, так как оставаться в Казани было рискованно: как жену врага народа её могли арестовать в любую минуту. Так началось наше странствие по России. О судьбе папы никто не знал: ни мама, ни сестра отца.

Чтобы избежать ареста, мама долго нигде не задерживалась: так она спасала нас, своих детей. Мама уезжала с нами на север, где по её мнению, мог быть отец. Потом мы переехали в Свердловскую область. Во время войны маме удалось поработать в городе Асбесте, в лагере заключённых, но в 1944 году ей снова пришлось пуститься с нами в бегство: она боялась «внимания» НКВД.

В этот раз мы направились к западным границам страны и оказались в Тернопольской области, где мама устроилась работать в сельской местности. Все эти годы она думала об отце, страстно мечтала

отыскать его, но всё безуспешно. Потеряв надежду увидеть его, она приняла решение ехать в Польшу (мама была полькой). Но в это время в Западной Украине бесчинствовали бендеровцы, убивали и русских, и поляков. Были перекрыты все границы. Начались облавы.

В 1951 году мама решила переехать в Одессу, где жила до замужества и где были её родственники. Здесь мама встретила подругу, которая работала врачом в Магадане и приехала на родину в отпуск. Подруга говорила, что встречала в Магадане человека по фамилии Крайнов (это наша фамилия).

Мама тут же собралась в дорогу и без денег уехала вместе с сыном в Магадан. Ехали они три месяца. Мама зарабатывала деньги прямо в поездах: была и уборщицей, и грузчицей. По приезду в Магадан сразу начала поиски отца. Она нашла человека по фамилии Крайнов, но это был не папа, а только однофамилец. Здесь, в Колымских краях, она и осталась, работала в больнице, на фельдшерских пунктах, пока не ушла на пенсию. Мама умерла в 1977 года, так и не узнав ничего о судьбе папы.

Я же училась в Одессе в школе, поступила в медицинское училище и после окончания его поехала по комсомольской путёвке в Магадан на освоение новых земель, там вышла замуж, вырастила двоих детей и проработала сорок три года фельдшером-акушером, как и моя мама.

Вот такая судьба моей семьи. Моя мама всю жизнь искала отца, не теряла надежду встретить его, пускалась на его поиски. Сколько себя помню, мы были всегда в дороге, с узелками за плечами. И в этих условиях мама смогла, сумела (каким образом?) сохранить фотографию отца – нашу семейную реликвию. Что похоже на подвиг.

Мама, несмотря на невыносимые трудности, которые ей пришлось испытать, дала нам всем образование и воспитала добрыми, честными людьми, не прививала нам ни злобы, ни ненависти, ни чувства мести.

В 1994 году моя дочь послала запрос о судьбе моего отца, своего деда. Пришёл ответ: отец был арестован в декабре 1937 года и расстрелян в январе 1938 года как враг народа. Приговор вынесен прощеловутой «тройкой».

Енилин Виктор Нефёдьвич

Виктор Нефёдьвич Енилин – человек с очень интересной судьбой. Из немногих, кого он посвятил в перипетии своей жизни.

Родился 23 ноября 1941 года. Место жительства в свидетельстве о рождении записано как «Кашпирский рудник». Он находится у поселка Новокашпирский к югу от Сызрани. В этом руднике добывают горючий сланец. Особенно он был незаменим в годы Великой Отечественной войны, после того, как немцы заняли Донбасс. Рядом находился сланцеперерабатывающий завод, где делали ихтиоловую мазь. В детстве любило её запах. Рудник этот начали строить в 1929 году. Естественно, стали необходимы рабочие руки. Туда и сослали семью Енилина (семью отца) и семью Прошкиных (семью матери). Именно там отец и мать познакомились, поженились. Брак не был зарегистрирован.

Мама, Мария Петровна Прошкина, родилась 17 февраля 1915 года. Она рассказывала, что при раскулачивании её отец, Петр Мордарианович и старший брат Степан, когда отбирали у них коней, оказали сопротивление. Они вскочили на коней и ускакали. Это был ноябрь 1931 года. Конечно, их потом поймали. О дедушке больше никто ничего не слышал. Видимо, его расстреляли. На Кашпирский рудник были отправлены его жена Евфросинья, моя мама, дядя Коля, дядя Ваня и тётя Настя. Бабушка там и умерла. Дядю Ваню во время войны взяли на фронт. После форсирования Днепра он пропал без вести. Но потом кто-то сказал, что видели его в санитарном поезде. Невеста хотела забрать его оттуда, но ей не разрешили. Тётя Настя во время войны работала в Куйбышеве на авиазаводе.

Я мало что знаю о репрессиях против семьи отца. Дедушка Николай Семёнович не любил говорить об этом. Семья была большая,

поэтому и земли было очень много. Раскулачили в 1930 году. И также отправили на рудник. Дед работал главным конюхом. Отец в шахте. Кроме них, на рудник были отправлены братья и сёстры отца: дядя Аркадий, тетя Рая, тетя Оля, дядя Виталий. Началась война, дядя Виталий и дядя Аркадий ушли на фронт. Дядя Виталий вернулся только в 1952 году. Он был под Берлином, а потом в Японии. Дядя Аркадий прошёл и Финскую войну. Был тяжело ранен в войне с Германией. Вернулся осенью 1946 года без семи ребер и лёгкого. Умер в 1978 году.

Отца забрали на фронт в августе 1941 года. Под Москвой он был тяжело ранен. Долго пролежал в госпитале то ли в Казани, то ли в Горьком. При освобождении Смоленска в августе 1943 года погиб. Там и похоронен: Ярцевский район, деревня Посняки, братская могила.

На этом семейном руднике и нашли друг друга мать и отец. Родилось у них два сына - мой брат Юрий и я. Брат родился 6 марта 1940 года. Когда Юрия пришли регистрировать, в ЗАГСе сказали, что нет такого имени Нефёд, а есть имя Мефодий. И он стал Мефодьевич. А меня позже записали Нефёдьевич. А имя своё отец получил не случайно. Дедушка сказал, что, когда у них с женой Ульяной Яковлевной родился в 1912 году первенец, пришёл помещик с богатыми подарками. Фамилия его была Нефёдов. В честь него и назвали моего отца Нефёдом.

Мама рассказывала, что отец, уходя на фронт, просил: «Если родится сын, назови его Виктор. Производное от Виктории, что означает «победа». Как я уже сказал, отец ушел на фронт в августе 1941 года, а я родился в ноябре. Мы никогда друг друга не видели.

Мама работала в шахте. На пенсию она вышла в 45 лет, в 1960 году. На 88-ом году жизни она умерла.

Я жил в руднике почти 20 лет. В 1961 году я окончил среднюю школу рабочей молодежи и поступил в Горьковский институт инженер-механиков водного транспорта. В 1966 году окончил институт и был направлен на работу в пароходство «Волга-Танкер». С 1966 года по 2008 год проработал именно там. Сначала я работал в Волгограде, потом в Ярославле (в 1981 году я перевёлся сюда). В Волгограде я женился. У меня трое детей. Старший сын Игорь работает в Волгограде, младший сын Дмитрий работает в Санкт-Петербурге. Дочь Елена живёт в Ярославле.

Реабилитирован я 27 декабря 2001 года».

Ершова Валентина Федоровна

1937 год. До сих пор многие люди содрогаются от ужаса, когда вспоминают эту дату. По всей стране тысячи ни в чем невиновных людей, многие мужчины, были арестованы и расстреляны. Обезумевшие от горя матери и жены не знали, как им жить дальше. Многие дети в кровавом 1937 году остались сиротами.

Беда не обошла стороной и семью Валентины Федоровны Ершовой: уроженки деревни Поречье Левцовского сельсовета Ярославского района Ярославской области. Она родилась 20 июля 1937 года в большой и дружной семье Федора Ивановича и Евдокии Ивановны Курницыных. Её дед по отцовской линии – зажиточный крестьянин – был владельцем кузницы. Кроме того, он имел личное подсобное хозяйство, которое состояло из 2 лошадей и 2 коров. Сейчас многим покажется странным, что в те времена это было настоящим богатством!

Начавшаяся в 30-х годах коллективизация изменила их жизнь. Курницыны лишились кузницы, которая приносила неплохой доход, и часть необходимых в хозяйстве лошадей. Всё это, как и имущество других зажиточных крестьян, было изъято властью и передано в колхоз. Теперь их хозяйство состояло всего лишь из одной коровы: жили бедно, но не голодали.

Но, как говорится, беда никогда не приходит одна, и уже в конце 1937 года новое испытание обрушилось на дом Курицыных. 11 декабря 1937 года отца Валентины Федоровны вызвали в город. В родной дом в положенное время он не вернулся. Обеспокоенная долгим отсутствием мужа, Евдокия Ивановна решила отправиться вслед за ним и узнать, что же случилось. Оказалось, что её мужа посадили. Причиной ареста было заглашение, написанное председателем сельсовета. Дело в том, что Федор Иванович, будучи человеком не только грамотным, но и добрым, пользовался огромным уважением в деревне. Крестьяне

часто обращались к нему за советом. Председателю это не нравилось, поэтому он и написал заявление, обвинив отца Валентины Федоровны в том, что тот не совершал. В результате, из-за обычной человеческой зависти честный человек долгое время провел в заключении. Но, в конце концов, нашлись люди, которые поддержали Федора Ивановича. Крестьяне, собрав в его защиту 135 подписей, отвезли их в тюрьму и вскоре Федор Иванович был отпущен на свободу.

В тюрьме он провел полгода. Это время оставило глубокий след в жизни его семьи. После ареста мужа все заботы легли на плечи Евдокии Ивановны, которой приходилось в одиночку поднимать шестерых детей. Было трудно, но все испытания лишь ещё больше сплотили семью Курицыных. Дети, понимая, как тяжело матери, старались ей помочь. Старшая дочь занималась домашним хозяйством, нянчилась с младшими. Ей приходилось носить самую маленькую в семье, Валентину, которой было меньше полугода, к деревенским женщинам кормить грудью, так как Евдокия Ивановна постоянно была на работе.

Не прошел бесследно арест и для самого Федора Ивановича. Сильные переживания и плохое питание сказались на его здоровье: у него развилась язва желудка. Но он выдержал испытания, выплавил на его долю, и спустя шесть месяцев вернулся домой. Может показаться странным, но тюрьма нисколько не озлобила его. Он остался добрым и отзывчивым человеком. Валентина Федоровна вспоминает: «После освобождения отец получил возможность подать на своего обидчика в суд за клевету».

После возвращения домой Федор Иванович работал заведующим на животноводческой ферме. «Поскольку ветврач жил за 12 километров от нашей деревни, - рассказывает Валентина Ивановна, - отцу неоднократно приходилось самому лечить животных. Все знали, что папа всегда был готов помочь, поэтому, если у кого - то овца заболела или корова не могла отелиться, шли к нему. И он помогал. Всегда. Безвозмездно. Даже не думал о том, что за помощь можно что - то просить».

В 1963 году Федор Иванович Курицын умер.

По - разному сложилась жизнь у детей Федора Ивановича. С началом Великой Отечественной войны ушли на фронт, защищали Родину от фашистских захватчиков.

Валентина Федоровна прожила трудную, но интересную жизнь. После окончания школы она прошла курсы организаторов машинно-счетного бюро, некоторое время работала оператором машинно-счетной станции в Статистическом управлении Ярославской области.

... стала начальником планового отдела хлебозавода на ... проработала 28 лет.

... жизнь Валентины Федоровны тоже сложилась весьма ... вышла замуж, родила и воспитала прекрасного сына.

... Валентина Федоровна в основном живет на даче и ... свободное время проводит со своими любимыми

Заборова Лилия Ивановна

Мы хотим поведать вам историю человека, пережившего один из самых тяжелых периодов в истории нашей страны. То, что случилось с Лилией Ивановной в период репрессий, могло произойти с каждым из нас.

Но как рассказывает она сама: «Сначала мы жили в Курской области. Мой папа считался кулаком, так как имел большое хозяйство: 2 лошади, мелкий скот. Была еще и своя мельница, на которой отец работал с родственниками не покладая рук, чтобы прокормить большую семью. В 30-е годы пришли люди из Особого отдела и забрали всё, что было раньше называлось, «на общее дело» в колхоз. После этого папа с матерью и с моим братом переехали в Ярославль. Отец устроился работать в пожарную часть. Жили мы в хороших условиях, в большой квартире. Отец в разговоре с мужиками случайно сказал, что в колхозе живётся плохо. После этого на него доложили в особый отдел, и в 1933 году его осудили: дали 10 лет лагеря. Он отсидел все 10 лет. Рассказывал потом, что рядом с ним жили очень умные люди: вожди, ученые и т.д. Их избивали, унижали и оправдывали это тем,

что они «враги народа». Отец рассказывал, что он работал в лагере поваром, и к нему часто приходили люди просить еду, так как кормили впроголодь. Отец и хотел бы дать еды, но за ним строго следили и за нарушение запрета могли жестоко наказать. Отец говорил, что на его глазах умирали десятки, а то и сотни людей.

А в то время, когда отца отправили в лагерь, Лилия Ивановна со своим братом Валерием и мамой остались одни. Из квартиры их выселили в барак, который находился возле железнодорожного моста. Всего барачников было около 34, в каждом из них было по 30 комнат с площадью каждой в 12 кв. м. В такой маленькой комнате им пришлось жить вчетвером: с ними ютилась еще их землячка из села Волобуевка Курской области. Условия были ужасны. Туалет находился в конце барака. Воды было мало, и за ней надо было всегда ходить на улицу. Помимо того, барак нужно было отапливать. Дров не было, их приходилось воровать с ближайшего склада или проходящих мимо поездов. Лилия Ивановна вспоминает, как ее брат, который был старше её на 3 года, забирался в вагон и скидывал дрова, а потом они собирали их и несли в барак для растопки печи. Еды не хватало, поэтому мама Лилии Ивановны работала день и ночь за гроши на нескольких работах. Днём - на шинном заводе в специальном цехе, где делали камеры для военных самолетов, по 12 часов в сутки, а потом приходила и подрабатывала тем, что где-то стирала, где-то мыла. Того, что она получала, все равно не хватало, так как надо было купить еды на троих.

Приходилось выменивать вещи на еду или какие-то жизненно необходимые товары. Как говорит сама Лилия Ивановна, «мать осталась в одном платье...». Иногда приходилось есть очистки картошки и других овощей, чтобы хоть как-то выжить. «Обычным же людям в войну давали деньги на детей, если кормилец уходил на фронт вспоминает Лилия Ивановна, - а нам ничего никто не выплачивал, хотя отец тоже воевал». Так и проходила жизнь Лилии Ивановны. В 1945 году отец пришел после войны живой, но с ранением в ногу. Всё должно было измениться, но за прошлые «грехи» отца семью в покое не оставили. Мать выгнали с работы за проф. непригодность (так как она много болела и была слаба). Она смогла устроиться только уборщицей на асбестовый завод, где отец работал в отделе снабжения. Семья продолжала жить в неудобных бараках. Лилии Ивановне, которой исполнилось 15 лет, трудилась на шинном заводе, работала она без хлебной карточки за копейки.

Еще от репрессии пострадал дядя Лилии Ивановны, брат отца. Он работал на складах за Волгой. Его тоже взяли ни за что и дали 10 лет лагеря. Он смог продержаться там совсем недолго - через год умер.

Как вспоминает Лилия Ивановна, «от него прислали только меховой пиджак...».

Даже после смерти Сталина семья еще долгое время жила в бараке (из 34 барачников снесли 23). Уже много позже, когда Лилия Ивановна вышла замуж, а ее брат Валерий женился, родителям выделили квартиру в Ярославле.

Вот такая трагическая история. Каждый отнесётся по-разному к этим событиям, но главное, чтобы каждый знал, что жить было не так просто и легко, как сейчас. Наши предки, какими бы они ни были, являются частью этой истории. Они дали нам жизнь и то «настоящее», в котором мы живем.

Иванова Клавдия Евстафьевна (Колпакова)

Клавдия Евстафьевна родилась 20 ноября 1918 года в деревне Дор Мышкинского района Ярославской области.

Мама Клавдии Александра Ивановна была крестьянкой, в деревне вела свое хозяйство.

Отец Колпаков Евстафий Ефимович 1881 года рождения до революции жил в Петербурге, позже переехал в деревню Дор к деду, где и встретил свою суженную Александру. «Папа был умный, справедливый и очень честный человек, ни про кого плохого не говорил, да и нам запрещал», - вспоминает Клавдия Евстафьевна. Евстафий Ефимович - герой гражданской войны, был награжден именованным оружием: пашкой и револьвером за храбрость и верность революционному правительству.

Колпаков Евстафий Ефимович воевал и в Первую мировую войну. Из архивного документа мы узнаем, что «1 марта 1917 года Колпаков Е.Е., младший фейерверкер 1-го дивизиона 2-ой запасной тяже-

лой артиллерийской бригады (г. Москва), переведен в 1-ый отдельный полевой тяжелый артиллерийский дивизион (с. Богородское)). Данные воинские части участвовали в боях с немцами. Затем служил в Красной Армии с 1918 по 1921 года. Был Евстафий Ефимович и в Бессарабии, и на Кушке.

Несмотря на полученную инвалидность в ходе войны, Евстафий Ефимович продолжал усердно трудиться. Главе семьи необходимо было поднять детей на ноги.

С началом коллективизации Колпаков Евстафий Ефимович в первых рядах вступил в колхоз, работал в поле. Жили, детей растили.

«В семье нас было семеро: три брата и четыре сестры. Еще в раннем детстве умерли два брата, а потом и младшая сестренка Катенька...», - вспоминает Клавдия, - осталось четверо».

Но жизнь трудолюбивой сплоченной крестьянской семьи не давала покоя завистникам, которые писали письма с угрозами и хотели любыми способами выжить семью из деревни.

И именно с этого времени, с 1926 года, начинаются преследования Колпакова Евстафия Ефимовича.

«Ночью неоднократно к нам приходили несколько человек, обыскивали весь дом, но никогда ничего не находили. В доме были именные револьвер и шашка, но их не брали, так как это была награда отца за верность революционному правительству в годы гражданской войны. Было страшно. Мы все сидели в углу, ожидая ухода незнакомых людей», - говорит Клавдия Евстафьевна.

После страшных обысков отец ездил в Москву к всесоюзному старосте Калинину, и, казалось бы, на время преследования прекратились, но потом снова возобновлялись.

Колпаков Евстафий Ефимович, ложно обвиненный в том, что использовал наемный труд в своем земельном хозяйстве, а потом, якобы, «пролез» в колхоз и занимался вредительством, затем был исключен из колхоза и осужден. В 1933 году Евстафия Ефимовича приговорили к расстрелу с конфискацией имущества. Но потом заменили расстрел десятью годами лишения свободы.

«Сначала отец отбывал наказание в Рыбинске, потом в тюрьме в Коровниках в Ярославле», - говорит Клавдия Евстафьевна. - Нам не разрешали ни переписываться, ни видеться с ним. Мы даже не могли передавать посылки отцу в тюрьму. Позже от отца пришло письмо из Коми АССР со словами: «Берегите маму, будьте честными. Больше не увидимся». А в 1937 году семья Колпаковых получила записку: «Вашего отца больше нет в живых».

«Нас выгнали из дома, жить было негде, мы поселились в деревенской бане. Осень. Холодно, а мы - в тапках: у нас не осталось вещей, все имущество конфисковали, не было ни одежды, ни обуви...», - вспоминает Клавдия Евстафьевна.

Колпаковы находились в очень бедственном положении. Не имея надежного пристанища, живя впроголодь, дети вынуждены были пробивать себе дорогу в жизнь самостоятельно, без чьей-либо помощи и поддержки.

Старший брат Иван, закончивший семилетнюю школу с отличием, до начала преследований работавший учителем в Пошехонье, теперь вынужден был искать другую работу. По ночам разгружал вагоны. Но несмотря на тяжелые условия труда, с помощью добрых людей он впоследствии заочно окончил Финансово-экономический техникум. Днем учился, ночью работал. А когда началась Великая Отечественная война, добровольно пошел в армию, храбро сражался за свою Родину. Погиб Иван 13 января 1943 года под Сталинградом. Светлая ему память!

После ареста отца старшая сестра Антонина работала на фабрике «Красный перекоп». По словам Клавдии Евстафьевны, Тоня целый год жила без хлебной карточки. Позже Антонина уехала из Ярославля и вернулась в родные места только в 1955 году. Умерла Антонина Евстафьевна в 1989 году, так и не дождавшись реабилитации отца.

Младшая сестра Анна после того, как семью выселили из дома, уехала в деревню Ромашино, работала нянькой. Анна болела плевритом, была очень слабой, хрупкой девочкой, а работу выполняла тяжелую: и воду носила из реки, и за детьми смотрела.

Аня закончила семь классов, позже переехала в Ярославль и поступила в Медицинское училище. В годы Великой Отечественной войны была операционной сестрой на Калининском фронте. С военным госпиталем Анна Евстафьевна дошла до Берлина. А после взятия Берлина попала еще на одну войну — с Японией. Даже получила благодарность от Сталина. И только в 1953 году Анна демобилизовалась, вернулась в Ярославль и поступила в Медицинский институт, работала в поликлинике. Скончалась Анна Евстафьевна в 1990 году.

Александра Ивановна, узнав о смерти мужа в 1937 году, разлучившись с детьми, осталась совсем одна. Сначала работала на льнозаводе в Фурманове, в войну жила в Каменском. После войны переехала к дочери в Иваново, а в 1953 году вернулась в родной Ярославль. Скончалась Александра Колпакова 29 ноября 1974 года, так и не узнав о реабилитации мужа.

Нележкой оказалась судьба и самой Клавдии Евстафьевны. «Мне было 18 лет, когда отца расстреляли. На работу не брали, поначалу жила у сестры Антонины. Потом взяли на ткацкую фабрику. Позже без помощи добрых людей поступила в медицинское училище. Днем училась, а ночью работала. Закончила с хорошими отметками», - вспоминает Клавдия Евстафьевна.

В годы Великой Отечественной войны была медсестрой на фронте. Хрупкая девушка стойко выносила все тяготы войны. Жили в землянках, которые сами и выкапывали, иногда и их не было. Хлеба давали очень мало.

Бывали и странные случаи на фронте. Клавдия Евстафьевна вспоминает один: «Стояли мы на Васильевском острове в Ленинграде. Нас обстреливали самолеты. Однажды мы заметили, что немецкий летчик будто нарочно стрелял мимо нас (девчонок), а потом сбросил плитку шоколада с запиской: «Не бойтесь, ешьте».

По окончании войны Клавдия Евстафьевна была награждена многими орденами и медалями («Отечественной войны», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За Боевые заслуги» и др.). Кроме того, после войны Клавдии Евстафьевне были торжественно вручены Юбилейные медали: «30 лет Отечественной войны», «Ветеран ПВО Отечественной войны», «60 лет победы над Германией».

«За достигнутые успехи в организации медицинского обслуживания военнослужащих», «За безупречную и многолетнюю трудовую деятельность в Воинской части», «За добросовестное отношение к работе, примерную дисциплину, активное участие в общественной жизни», «За высокие показатели в социалистическом соревновании и примерную трудовую дисциплину», «За регулярный выпуск... красочно оформленных и содержательных газет» - это все ее грамоты.

После войны Клавдия Евстафьевна вышла замуж за офицера, родила дочек. «Знала я Николая еще до войны, но встретились мы в Ленинграде», - вспоминает Иванова Клавдия Евстафьевна.

Нелегка была жизнь супруги военного. «Из Ленинграда мы переехали в Великие Луки, потом в Киев, в конце - в Калугу», - говорит Клавдия Евстафьевна. Работала медсестрой в частях, где служил муж. В 1955 году вернулась в Ярославль и до пенсии работала в военном госпитале. «Коллеги мне часто задавали вопрос: «Почему, будучи таким опытным специалистом, вы не хотите стать врачом?». «А я продолжала нести на себе клеймо дочери врага народа», - с дрожью в голосе вспоминает Иванова Клавдия Евстафьевна.

Клавдия Евстафьевна очень верующий человек. В ее душе всегда жила надежда на хорошую и счастливую жизнь. Вера в Бога, надежда

на спасение - все это было заложено в крестьянской семье и осталось на всю жизнь в сердце и сознании Клавдии Евстафьевны. «Я всегда ходила в церковь, это мне и помогало в трудную минуту», - говорит она. Во время войны посещение церкви было затруднено, приходилось ходить тайно: «Ведь даже солдата, поступившего в армию, заставляли снимать крест, все боялись послушаться», - рассказывает Клавдия Евстафьевна. Сегодня, несмотря на свой возраст, она каждые выходные и даже чаще посещает церковь Святой Мученицы Параскевы Пятницы на Туговой горе г. Ярославля.

В 2005 году Ивановой Клавдии Евстафьевне Патриархом Московским и всея Руси была подписана Юбилейная патриаршая грамота в память 60-летия победы в Великой Отечественной войне. А в 2007 году «Во внимание к трудам во славу святой церкви» прихожанка Храма Святой Мученицы Параскевы Пятницы, Клавдия Евстафьевна Иванова, была награждена орденом русской православной церкви в честь святой равноапостольной княгини Ольги III степени.

Клавдию Евстафьевну никогда не покидала надежда установления правды о смерти своего отца, и она обратилась в суд. Ее хлопоты долго не приносили результата.

И только после смерти Александры Ивановны, Антонины и Анны доброе имя любимого мужа, отца, главы семьи Колпаковых было восстановлено. Верховным судом РСФСР г. Москвы от 7 марта 1990 года Ивановой К.Е. была вручена справка: «Постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 31 октября 1990 года приговор суда Ивановской промышленной области от 15 июня 1933 года в отношении Колпакова Е.Е. 1881 года рождения отменен, и делопроизводство прекращено за отсутствием состава преступления».

Совсем недавно 20 ноября 2008 года Клавдия Евстафьевна Иванова праздновала свой юбилей. Фрунзенское отделение Ассоциации жертв политических репрессий тепло поздравило Клавдию Евстафьевну с ее 90-летием, пожелало ей доброго здоровья, мудрости и, конечно же, крепкой веры.

Канарейкин Анатолий Константинович

Анатолий Константинович Канарейкин родился 26 марта 1924 года в деревне Максимцево Даниловского района. Анатолию Константиновичу не было еще и 18 лет, когда началась война. До войны он работал в колхозе, семья состояла из четырех человек: отец, мать, брат и сам Анатолий Константинович. Отец был служащим, секретарем сельсовета. Анатолий закончил четыре класса Федуринской шко-

лы, затем учился в Середи — там окончил 5-7 класс. До школы ходили пешком за 5 километров.

Времена коллективизации Анатолий Константинович помнит смутно, только то, что отняли лошадь, телегу, тарантас. Тогда говорили: «Хочешь - не хочешь, а все сдавай!» В те времена лошадь была основной тягловой силой, поэтому потеря ее тяжело сказывалась на хозяйстве. До войны Анатолия Константиновича отправляли на лесозаготовки, дорожное строительство и на ремонт дороги. «Нас послали на строительство дороги Ярославль — Кострома. Многие шли пешком, кто-то ехал на лошадях, Волгой на пароме. На станции Левашово тоже строили еще дорогу, там были тысячи людей».

Когда началась война, всех мобилизовали, начали отправлять на фронт. Было много слез. Молодых, не достигших призывного возраста, отправляли на трудфронт. Анатолий Константинович рассказывает: «В начале июля мы приехали из деревни в Данилов. На первый путь подали товарный состав и повезли в Ярославль, затем в Рыбинск, потом в город Асташново, и деревню Болаос на озере Селигер. Разместили в сарае всех вместе: стариков, девушек, молодых парней. Кормили очень плохо; бывало по двое суток ничего не ели. На работу ходили за 8 километров. Леса сосновые, почва песчаная, пилили деревья, выкорчевывали пни, песком засыпали ямы и двигались дальше. Работали до осени ходили голыми ногами по льду озера. Домой отпустили оттуда очень грязных, вшивых, больных. Второй раз на работу поехали в Рыбинск. Там копали рвы зимой, когда земля была промерзшая. Потом неожиданно пришла повестка из военкомата: «Срочно явиться в Данилов». Отобрали 12 человек и отправили в Москву в радиошколу. Анатолия Константиновича назначили старшим по группе. В школе готовили радистов - пулеметчиков для танков Т-34, учили азбуке Морзе, приучали к дисциплине. Но кормежка все еще была плохая.

Анатолия Константиновича отправили в Нижний Тагил. Там был танковый завод - выпускали каждые сутки эшелон танков. Экипаж состоял из 4 человек, жил в землянке, потом получили танк. Приехали на станцию Валуй в Воронежской области, а дальше в - село Уразово. Анатолий Константинович вспоминает: «Дома все этого села были из соломы и глины. Танки стояли в соснике, было более ста машин, мы их охраняли. Скоро услышали приказ: «Заводи! Поехали!» Приехали на станцию Прохоровка. Расстояние от Уразово до Прохоровки было около 180 километров. Там дали приказ копать траншею для танка. Было лето, начало июля, а 5 июля началось знаменитое Прохоровское танковое сражение. Самый пик сражения пришелся на 12 июля. Жара

была невозможная, немцы бросили на нас около 100 самолетов. Все горело, из-за дыма и копоти не было видно ничего, казалось, день превратился в ночь, кругом взрывы, - бои были тяжелые. Танков горело больше, чем в Данилове было домов. Командующим был генерал-лейтенант Латутин (позже убит бандеровцами, хоронили его в Киеве на стадионе имени Хрущева). На тридцать километров русские отступили, но потом все же остановили немцев».

Для Анатолия Константиновича первое боевое крещение запомнилось на всю жизнь: командир и заряжающий (оба молодые) находились в башне, сам Анатолий Константинович был внизу, снаружи. Прямо навстречу шел немецкий танк «Тигр». Его удалось подбить, но тот успел пробить башню русского танка. И командир, и заряжающий погибли. Когда танк загорелся, немцы пошли с автоматами. «Не знаю, как я остался жив, - говорит Анатолий Константинович - наверное, высокая трава спасла, в которой удалось скрыться.

Анатолий Константинович неделю искал свою часть. Сформировались экипажи, пришли новые танки. Анатолий Константинович воевал за Украину, там же сгорел его танк. Он пояснял, что в бою нельзя было подворачивать бок танка противнику, потому что на боку меньше всего брони, тридцать пять миллиметров.

Двинулись потом в западную Украину, город Ковель и Ниверы. Оттуда переходили польскую границу. Первым взяли город Люблин. Потом брали предместье Варшавы, вышли на восточную Пруссию. 16 апреля брали Кенигсберг. Война закончилась в 60 - ти километрах от Берлина. Пришла весть, что Германия капитулировала. Все стреляли в небо, обнимались - эта была огромная радость.

Когда закончилась война, Сталин решил отметить это событие. Дали 1, 5 месяца на подготовку к параду. 24 июня был парад победы. Начали отбирать кандидатов на парад. От каждого фронта (всего 10 фронтов, общая численность русских воинов - более 10 миллионов), от каждого рода войск требовалось 200 человек. Выбрали и Анатолия Константиновича. Все были одеты, кто в чем, в мазуте, грязные. Их начали переодевать, выдали форму. Выбирали, чтобы рост не был ниже 178 сантиметров, чтобы была строевая выправка и красивых на лицо. Затем всех отобранных повезли в Штэтин. Там занимались строевой подготовкой. Командующим был Рокоссовский. Когда закончилась строевая подготовка, подали американские танки. Америка помогала техникой. Затем всех повезли в Познань, подали санитарный эшелон и отправили в Москву. «В Москве муштровали здорово! У каждого был пистолет, а когда пошли на парад, оружие отобрали. Кормили отлично, каждый день давали водку. Нас приделели. В 6 часов подъем и пошли на Красную площадь, - с удо-

вольствием вспоминает Анатолий Константинович. Командовал парадом Рокоссовский, принимал парад Жуков. В шеренге было 20 человек, я стоял третьим. Проходили мимо Мавзолея, было много гостей - иностранцев, оркестр состоял из 1200 человек. На следующий день увезли в Германию обратно. Потом дослуживал в Белоруссии».

Послевоенные 1946–1947 года были очень голодными: буханка хлеба стоила 150 рублей. В Данилове, куда вернулся Анатолий Константинович, была страшная безработица. Устроился кое-как на железную дорогу. Образование надо было получать: закончил Вологодский техникум, получил диплом, проработал 47 лет.

Анатолий Константинович 10 лет был председателем совета ветеранов на железной дороге. Сейчас живет в городе Данилове. Он является единственным участником парада Победы во всем Даниловском районе.

Князикова Надежда Яковлевна (Ключевская)

Надежда Яковлевна родилась 3 июля 1934 года в городе Ярославле в семье Ключевских. Главой семьи был Яков Тимофеевич (1886 года рождения), уроженец села Елизарова, Ордовского района Горьковской области. Мать - Анфиса Петровна (1897 года рождения). Надежда Яковлевна вспоминает о том, как мама рассказывала о том, что муж был старше её на 11 лет и как ей не хотелось выходить замуж за «такого старого». «Ему-то было уж 30 с лишним лет, а я была еще молода! Я его и не знала... Но делать было нечего. Раньше сватали!» - объясняет Надежда Яковлевна. Однако, получилась крепкая семья, в которой никто не испытывал недостатка любви. В 1926 году

родился первенец, его назвали Валентин. В 1928 году родился Николай - средний сын. А в 1934 году родилась и Надежда.

Семья жила в частном доме. «Домик был небольшой, три окошка по лицу, - вспоминает Надежда Яковлевна. - Отец был скромный, не пил и не курил, очень любил детей: как придет с работы, одного на руки поднимет, другого подбросит». Яков Тимофеевич работал на Ярославском паровозоремонтном заводе в малярной бригаде. В их обязанности входил ремонт и покраска паровозов. По рассказам матери, краска на паровозе потрескалась, а государство расценило это как вредительство, и всех членов бригады признали врагами народа. Рано утром приехали какие-то люди на черной машине и забрали отца.

20 октября 1937 года постановлением тройки УНКВД Ярославской области Яков Тимофеевич был осужден. Официально - «за участие в меньшевистской контрреволюционной группе, на антисоветскую деятельность и распространение клеветы на вождя народа». 8 января 1938 года семье сообщили, что отца не стало. Анфиса Петровна пыталась выяснить, где находится могила супруга. Специально ездила на Урал, но там с ней обошлись очень грубо и заявили: «Скажите спасибо, что всю семью в Сибирь не выслали!».

Матери с тремя малолетними детьми, оставшейся одной без средств существования, пришлось очень нелегко: работала на фанеротарном комбинате, заводе нефтяной тары, воспитывала детей. Бабушка оказывала семье посильную помощь, присматривая за малолетней Надеей, потому что было очень сложно устроить ребенка в детский садик. Маленький Коля, средний брат Надежды Яковлевны, в 13 лет был вынужден пойти работать на Тормозной завод (ныне Радиозавод). «Мама рассказывала, - вспоминает Надежда Яковлевна, - что Коля из-за маленького роста не дотягивался до ручного пресса, и ему подкладывали ящик под табуретку». «Мы делали минные взрыватели, - вспоминает Николай Яковлевич. - Старший брат Валентин пошел в Ремесленное училище, а когда началась война, его забрали на фронт. С ранением пришел с фронта и устроился на Радиозавод».

Окончив школу, Надежда Яковлевна пошла работать контролером на радиозавод, где она проработала до пенсии. Одной пенсией на жизнь не хватало, и Надежда Яковлевна устроилась социальным работником, отдав восемь лет на заботу о других.

Сейчас Надежда Яковлевна живет со своим супругом, у неё две замечательные внучки.

Котова Нина Ивановна

Нина Ивановна Котова родилась в 1935 году в Ярославле. В тяжелые годы своего детства Нина Ивановна пережила голод, репрессии, страх.

Известно, что отец Нины Ивановны Котовой, Иван Семенович Лаптаков, родился в 1912 году в селе Шемякино Тетюшского района Татарии в семье конюха. Про семью своего отца Нина Ивановна ничего не знает. А вот судьбу отца она поведала.

Когда отец Нины Ивановны был еще подростком, Семен Иванович (дедушка Нины Ивановны) построил деревянный дом на улице Мельничная из купленной им баржи. Позже привел в дом женщину с четырьмя детьми - мачеху Ивана Семеновича. «Тяжело было папе в этой семье», - говорит Нина Ивановна.

Так и жил Иван Семёнович с отцом, работал на ЯПРЗ города Ярославля газосварщиком, пока не познакомился с Александрой Алексеевной (мамой Нины Ивановны) в 1931 году. В этом же году они расписались, и совсем внезапно Иван Семенович записался добровольцем в армию. Служил Иван Семенович во Владимире. А Александра Алексеевна продолжала жить с его отцом. Вернулся Иван Семенович в 1932 году и продолжил работать на ЯПРЗ газосварщиком. В 1933 году у Лаптаковых родился первый ребенок, но, к сожалению, умер через три месяца. В 1935 году родилась Нина, а 1937 году - младший сын Владимир.

«Мне на всю жизнь запомнился один день, когда мы все вместе, всей семьей ходили на елку в клуб железнодорожников. Было много народу. Мне подарили игрушку, которую я хранила долго - долго.

Это был последний раз, когда мы были вместе. Потом папа пропал», - вспоминает Нина Ивановна.

В 1939 году настали нелегкие времена для Лаптаковых. Все началось с того, что к одному празднику необходимо было отремонтировать паровоз. Иван Семенович работал в ночные смены, было тяжело, но все-таки паровоз отремонтировали. Иван Семенович, устав от авральной работы, отказался идти на праздничную демонстрацию. Об этом кто-то донес начальству. Через некоторое время несколько человек пришли к Лаптаковым ночью, обыскивали дом. Ничего не могли найти, и все-таки зацепились за одну деталь: в комнате стояла старая кровать-качалка, над которой находился проволочный «тросик» с тьюлю. Ивана Семеновича и обвинили, что, якобы, он украл эту проволоку с завода. Его забрали в марте 1939 года, отправили в тюрьму в Коровники, осудили по 58 статье, приговорили к трем годам лишения свободы. Просидел Иван Семенович гораздо больше - 9 лет.

Тюрьма находилась недалеко от улицы Мельничной, где жила семья Лаптаковых. Один человек передал Александре Алексеевне, что в заборе, который окружал тюрьму, есть щель, поэтому можно было увидеть заключенных во время их прогулки. «Мама, узнав об этом, потащила нас с братом к тому забору. Сквозь щель почти ничего не было видно. Одна женщина, увидев нас, напугала маму словами: «И ты туда захотела!?» Мы убежали и больше туда не возвращались», - рассказывает Нина Ивановна.

Александра Алексеевна осталась без мужа с двумя маленькими детьми. Работала она на предприятии легкой промышленности «Артельразнопром». А в 1940 году поехала в Ленинград, чтобы выучиться на мастера чемоданного дела.

В конце 1946 - начале 1947 года был особенно сильный голод. Весна. Запасы закончились, да особо их и не было у семьи Лаптаковых. Жили впроголодь, ели очистки, «дуранду» (жмых, оставшийся после производства подсолнечного масла, который обычно шел на корм скоту). Был огород, находившийся достаточно далеко от улицы Мельничной, в районе современного Нефместроя. Александре Алексеевне после тяжелого рабочего дня, в полуголодном состоянии приходилось добираться до огорода и что-то сажать, поливать. Что могла, то и делала. «Однажды, - вспоминает Нина Ивановна, - мама с напарницей возвращались с работы: голодные, холодные, усталые прямиком на огород. Мимо проехала повозка, запряженная коровой или быком, и из ведра выплеснулась «дуранда», они подобрали и съели...» Ходили в обносках. Александра Алексеевна перешивала одежду для

маленьких детей из рубашек своего мужа. Правда, семье помогала бабушка Нины Ивановны по материнской линии. Но у нее самой было 5 дочерей и один сын, а в помощи нуждались все.

Один раз Нина Ивановна, будучи еще совсем ребенком, была свидетельницей очень страшного случая. Тюрьма в Коровниках находилась совсем рядом с той улицей, на которой она жила. «Милиция с собаками по дороге гнала заключенных: и мужчин, и женщин, и стариков, и молодых - в оборванной одежде, в шинелях, босых, голодных, худых».

До сих пор перед глазами стоит молодая женщина в кандалах, а на груди был повязан платок, в котором спал грудной ребенок... Страшно. И когда кто-то хотел что-то передать, охрана тут же пресекала все попытки. Неужели это все воры, злодеи? «Нет...», - вспоминает Нина Ивановна.

Нина Ивановна с братом Владимиром росли в такой обстановке, что все разговоры в доме были о тюрьме. Они ничего не знали о своем отце, оставалось только надеяться, что он жив... В начале 40-х годов от Ивана Семеновича пришло письмо. Тогда семья узнала, что он находится на поселении у реки Колыма, на золотых приисках - добывали золото. А морозы там доходили до -60С, многие умирали, не выдержав суровых условий жизни. И выжил-то Иван Семенович благодаря тому, что был хороший специалист. В трудовой книжке его записано, что находился он на работах на руднике Бутугычаг с 1942 года. Так и трудился там в течение 5 лет. И только в июне 1947 года был уволен. Ивану Семеновичу дали разрешение на выезд в центральные районы СССР. В сентябре того же года он приехал в родные места.

Вернулся он совсем больным - ноги были в язвах. Только позже стало известно, что в тех местах, где Иван Семенович был на поселении, разрабатывали уран. Отсюда и болезни. Уместно привести слова Георгия Иванова:

«Россия тридцать лет живет в тюрьме -
На Соловках или на Колыме
И лишь на Колыме и Соловках
Россия - та, что будет жить в веках».

Жить на прежнем месте с семьей Ивану Семеновичу запретили. Он вынужден был искать работу и жилье за 40-50 км от города. Вскоре смог устроиться газосварщиком на МТС. Ему запрещали даже приезжать и навещать семью. Однажды Иван Семенович приехал домой, и они с женой ушли к родственникам, а в это время в дом к Лап-

такowym пришла милиция с обыском. Отец Нины Ивановны писал письма в Москву с просьбами разрешить жить с семьей.

Вскоре Ивану Семеновичу было разрешено работать в городе, и он в августе 1948 года устраивается в механический цех на Североходе. «Был такой случай на Североходе, - вспоминает Нина Ивановна. Отцу приказали вскрыть какую-то бочку. По технике безопасности вскрывать бочку с неизвестным содержимым запрещалось. Папа так и сказал начальству. Но в ответ над ним посмеялись, сказали, что струсил. Чтобы доказать обратное, отец вскрыл бочку - она взорвалась, обожгло все лицо».

На Североходе Иван Семенович продолжал работать до 1967 года, пока его не парализовало. Последующие 8 лет Иван Семенович жил парализованным, а в 1975 году - скончался.

Нину Ивановну никогда не оставляла надежда восстановления доброго имени ее отца Ивана Семеновича Лаптакова. И в 1997 году она получила справку, в которой говорилось, что 16 апреля 1997 года Лаптаков И.С. реабилитирован «определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ».

«В детстве и юности я всегда боялась людского осуждения, боялась, что узнают, что мой отец был в тюрьме...», - говорит Нина Ивановна. Будучи школьницей Нина Ивановна боялась, что ее не примут в пионеры, комсомольцы. После школы она боялась, что будут задавать вопросы про родителей при поступлении в институт. Но все же в 1955 году Нина Ивановна поступила в Медицинский институт. Хорошо закончила учебу. «Я всегда тянулась за достойными, образованными людьми», - говорит Нина Ивановна. По окончании института её по распределению послали в Калининскую область. Там и познакомилась Нина Ивановна со своим будущим мужем - военным, приехавшим в отпуск к матери. Вот так и сошлись судьбы. В 1961 году они поженились, вскоре родились двое детей - мальчик и девочка.

Нелегкая судьба у жены военного. «Служил муж под Байконуром (закрытый полигон), и требовалось специальное разрешение на допуск... И снова сведения о родителях...». Позже в 1962 году семье Котовых дали квартиру в Казахстане. Переехали. А в 80-е годы муж Нины Ивановны Котовой демобилизовался. Вернулись в Ярославль.

Всю жизнь Нина Ивановна проработала врачом-гинекологом. Сначала в больнице на Липовой Горе, а с 1984 года - в больнице № 8 на Суздальском шоссе. В 2006 году Нина Ивана Котова вышла на пенсию.

Нельзя оставить без внимания, что в 2004 году в Москве был открыт Государственный музей истории ГУЛАГа. Мэрия города Ярославля выделила деньги жертвам политических репрессий на посещение этого музея. 10 декабря 2008 года состоялась поездка в Москву. Вот как вспоминает о поездке Нина Ивановна: «Было очень интересно. Заходишь внутрь и попадаешь за колючую проволоку. Вышки. Портреты репрессированных. Мужчина-экскурсовод одет в форму 40-х годов. Карта с «точками» - местами ГУЛАГа и многое другое...».

Страшные годы репрессий навсегда останутся в памяти пострадавших.

Короткевич Анатолий Павлович

«Мои родители оказались по иронии судьбы в детском доме имени «Красного Профинтерна» в Кронштадте. Их там воспитали в духе любви к Родине, они были активные комсомольцы.

Мать была до конца жизни предана советской власти, хоть ее и 3 раза высылали. Маму звали Василиса Дмитриевна (1903 года рождения), а отца - Павел Иванович (по паспорту 1907 года рождения, а на самом деле 1904). Отец родился в Кронштадте, а мама - в селе Лом Тверской области. В 1905 году погиб отец матери, а в 1915 году, после войны с японцами, начался голод. Моя бабушка со своей дочкой (моей матерью) переехали в Поволжье. Бабушка умерла от тифа. После революции 1917 года моя мать приехала в Кронштадт, где жила тетя с мужем без детей. Они не приняли мать и отправили ее в детдом имени «Красного Профинтерна».

В 1933 году после военной службы мой отец получил звание офицера, стал начальником Гражданской противовоздушной обороны города Кронштадта. В начале войны отец писал, что на войну просился, но «врагов народа» туда не отправляли.

В апреле 1937 года родился я, а уже в мае нас выслали в Казахстан. Мы жили в городе Гурьев. У матери было среднее образование, она работала продавщицей. В 1939 году нам разрешили вернуться в Кронштадт, где мать стала работать заведующей детским садом. Там она проработала до 1942 года, после чего нас отправили в Краснодарский край. Моя мать завербовалась на завод «Ленинградский красный напильник». Поработав там несколько лет, она попросилась назад в Кронштадт. Но в скором времени после возвращения в город моя мать вместе с остальными людьми была вынуждена покинуть город. Она переехала в Ярославль, а я остался в Кронштадте, чтобы доучиться и получить среднее образование. Позже и я переехал в Ярославль. Работал шофером. Потом окончил курсы механиков в Москве, получил звание старший лейтенант.

В Ярославле о нашей семье никто не отзывался плохо. Я ни разу не слышал в свой адрес «враг народа», мать пользовалась льготами как мать-одиночка. Отец умер в 1959 году в поселке Билибино Магаданской области. Он отсидел весь срок, и когда его освободили без права выезда, остался жить в спецпоселении. После ареста мы больше никогда его не видели. Получали от него только письма».

Крайнова Ольга Александровна

Я родилась в семье скромных служащих: отец Александр Гаврилович Крайнов был кадровым военным, мать Лидия Яновна работала фельдшером в больнице. В семье нашей было трое детей, я младшая. Жили мы в городе Казани, на родине отца. Мне было два года, когда арестовали папу. Мама рассказывала, что отца, получившего военное образование, выходца из обедневшей дворянской семьи, подозревали в неблагоденности, часто приходили из ГПУ с проверкой документов. Он был вынужден уйти с военной службы на гражданскую. На момент ареста он работал помощником главного бухгалтера одной из больниц Казани, где работала и мама. Арестовали папу в декабре 1937 года: пришли ночью и увезли. На следующий день после ареста папы его сестра заставила маму собрать документы, вещички и уехать из города, так как оставаться в Казани было рискованно: как

жену «врага народа» ее могли арестовать в любую минуту. Так началось наше странствие по России. О судьбе папы никто не знал: ни мама, ни сестра отца.

Чтобы избежать ареста, мама долго нигде не задерживалась – так она спасала нас, своих детей. Мама уезжала с нами на север, где по ее мнению, мог быть отец. Потом мы переехали в Свердловскую область. Во время войны маме удалось поработать в городе Асбесте, в лагере для заключенных, но в 1944 году ей снова пришлось пуститься с нами в бегство: она боялась «внимания» НКВД. В этот раз мы направились к западным границам страны и оказались в Тернопольской области, где устроились в сельской местности. Все эти годы мама думала об отце, страстно мечтала отыскать его, но, увы, безуспешно. Потеряв надежду увидеть его, она приняла решение уехать в Польшу (мама была полячкой). Но в это время в Западной Украине бесчинствовали бандиты, убивали и русских, и поляков. Были перекрыты все границы. Начались облавы. Остаться и здесь было уже нельзя.

В 1951 году мама решила переехать в Одессу, где жила до замужества и где были ее родственники. Здесь мама встретила подругу, которая работала врачом в Магадане и приехала на родину в отпуск. Подруга говорила, что встречала в Магадане человека по фамилии Крайнов (это наша фамилия). Мама тут же собралась в дорогу и без денег уехала вместе с сыном в Магадан. Ехали они три месяца. Мама зарабатывала деньги прямо в поездах: была и уборщицей, и грузчицей. По приезде в Магадан сразу начала поиски отца. Она нашла человека по фамилии Крайнов, но это был не папа, а только однофамилец. Здесь, в Колымских краях, она и осталась, работала в больнице, на фельдшерских пунктах, пока не ушла на пенсию. Мама умерла в 1977 году, так и не узнав ничего о судьбе папы.

Я же училась в Одессе в школе, поступила в медицинское училище и после окончания его поехала по комсомольской путевке в Магадан. Там вышла замуж, вырастила двоих детей и проработала сорок три года фельдшером-акушером, как и моя мама.

Вот такая судьба моей семьи. Моя мама всю жизнь искала отца, не теряла надежду встретить его, пускалась на его поиски. Сколько себя помню, мы были всегда в дороге, с узелками за плечами. И в этих условиях мама смогла, сумела (каким образом?!) сохранить фотографию отца – нашу семейную реликвию. Это похоже на подвиг. Мама, несмотря на невыносимые трудности, которые ей пришлось испытать, дала нам всем образование и воспитала добрыми,

честными людьми, не прививала нам ни злобы, ни ненависти, ни чувства мести.

В 1994 году моя дочь послала запрос о судьбе моего отца, своего деда. Пришел ответ: отец был арестован в декабре 1937 года и расстрелян в январе 1938 года как «враг народа». Приговор вынесен презловутой «тройкой».

Крайнова Ольга Михайловна

По семье Крайновой Ольги Михайловны прошла не одна волна репрессий.

Первыми были репрессированы в начале 30-х годов дед Ольги Михайловны, Добронравов Ефим Андреевич и брат его жены, Белорусов Иван Александрович, служившие священниками в сельских приходах Ивановской и Московской губерний. Оба были сосланы на заполярные стройки в Мурманскую область. Жена Ефима Андреевича и четверо его детей остались в сельской местности одни, без мужской помощи и средств к существованию. Пришлось поехать вслед за мужем и братом на Север.

Но едва подросли и начали работать старшие дети, Ефима Андреевича и Ивана Александровича отправили в другие места ссылки – одного в Сибирь, другого на строительство Беломоро-Балтийского канала, откуда они уже не вернулись.

В городе Кировске Мурманской области дочь Ефима Андреевича, Александра, вышла замуж за Ивановского Михаила Тимофеевича. На Севере Михаил Тимофеевич оказался после национализации лесопильного завода, принадлежавшего его семье в Новгородской области. Окончив сельскохозяйственный техникум, он работал зоотехником в совхозе «Индустрия» в посёлке Апатиты Кировского

района Мурманской области. В те годы работник со средним специальным образованием, особенно в отдаленных от центра районах, ценился высоко. Михаил Тимофеевич в небольшом заполярном совхозе был одним из ведущих специалистов, пользовался уважением и авторитетом.

01 января 1937 года в семье родилась дочь Ольга. А 15 мая 1937 года Ивановского Михаила Тимофеевича арестовали. Ему было тогда 30 лет. Репрессиям подверглись тогда ещё шестеро руководящих работников совхоза, в том числе его директор, ветеринар, агроном. Все они обвинялись во вредительстве (уничтожении поголовья скота) и контрреволюционной агитации, то есть по ст.58-7 - 58-10 Уголовного Кодекса РСФСР (в ред. 1926 года).

В материалах уголовного дела на Михаила Тимофеевича содержатся записи показаний «свидетелей» вменяемых ему и его товарищам преступлений. Это и куски проволоки, якобы умышленно подмешанные в сено; и переработка молока в масло вместо передачи его в свободную продажу. На обвинения заключенный дает обстоятельные ответы: проволока оставалась после освобождения сена от транспортировочной упаковки, а заявки совхоза на поставку магнита для её извлечения не удовлетворялись. Молоко же передавалось в переработку с целью предотвращения убытков от его порчи – не хватало фляг, бидонов, чтобы всю производимую продукцию отправить на продажу.

Эти вполне понятные сегодня объяснения не оправдывали «преступников» в 30-е годы прошлого века. В ноябре 1937 года Михаил Тимофеевич был осужден Особой Тройкой УНКВД по Ленинградской области, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 12 ноября 1937 года в г. Ленинграде.

Но узнали об этом родные намного позже, в феврале 1990 года.

В первой справке о судьбе мужа после ареста, полученной Александрой Ефимовной в 1947 году, говорилось, что Михаил Тимофеевич умер в апреле 1945 года от воспаления легких в городе Кировске Мурманской области.

«Хрущевская оттепель»...Её начало в 1953 году позволило снять ярлыки «врагов народа» с сотен тысяч граждан нашей страны, пострадавших от репрессий.

Двадцатилетняя Оля в апреле 1957 года узнала о том, что дело её отца 31 октября 1955 года пересмотрено президиумом Мурманского областного суда и Ивановский Михаил Тимофеевич полностью реабилитирован.

Но только через 33 года, после того, как на государственном уровне было принято решение о дополнительном изучении мате-

риалов, связанных с репрессиями 30-40-х годов, Ольге Михайловне и её матери сообщили правду о последних днях отца и мужа и позволили ознакомиться с материалами открытого на него в 1937 году уголовного дела.

До этого же были голодное военное детство, бомбежки Кировска в начале войны, эвакуация в Ивановскую область. Школьные тяжелые послевоенные годы в Заполярье с клеймом дочери «врага народа». Трудности не сломили Ольгу Михайловну. Таких, как она, на Мурмане было много – северные стройки предвоенных лет требовали бесплатных рабочих рук, репрессированных направляли сюда эшелонами. Их дети умели дружить, помогали и поддерживали друг друга.

Оля в 1960 году вышла замуж. Окончив сначала педагогическое училище в Рыбинске, а затем педагогический институт им. Герцена в Ленинграде, более 40 лет проработала на Севере педагогом по дошкольному воспитанию. Любимые и любящие муж, дети, внучка, верные друзья – словно награда за тяжёлые первые десятилетия жизни, омраченные трагической судьбой отца.

В 2009 году семья Ольги Михайловны переехала в Ярославль, откуда родом её муж, Александр Александрович - с возрастом тяжело стало переносить длинную северную зиму и холодное лето. В этом прекрасном городе супруги отметили золотой юбилей совместной жизни, затем свои 75-летие.

Но в памяти у всей семьи навсегда остались каменистые склоны Хибинских гор, покрытые мхом и «карликовыми» березками, и стоящий у их подножия барак, откуда в далеком 37-м ушёл и не вернулся домой Михаил Тимофеевич.

Кузнецова Ольга Александровна

Я, Кузнецова Ольга Александровна родилась 19 мая 1948г. в д. Деревне Большесельского р-н в семье Зайцева Александра Евламповича. Работающего вет-врачом в Ярославском сельском районе. В семье, кроме моей матери Иды Яковлевны были две сестры Нина и Софья и брат Михаил. Нине было 4 года, когда был арестован мой отец – без предъяв-
лений каких – либо обвинений. Мать осталась одна с четырьмя маленькими детьми без всяких средств к существованию. Для того, что бы выжить нам приходилось сменить место жительства. Мы переехали в д. Чартово Большесельского р-н. Мама вступила в члены колхоза, работала в полеводстве, а затем в животноводстве. Мы были предоставлены сами себе. Мама работала от зари до зари, но получала на трудовни мизерную зарплату. В доме часто не хватало еды. Часто спать ложится голодными. С малых лет нам приходилось помогать по дому в домашних делах. А когда подросли, стали летом работать в колхозе, выполняя посильную работу. Участь в школе мы были обрадованы освобождению отца из мест лишения свободы. Лишения лагерной жизни оказались на здоровье отца. Омой он вернулся инвалидом 2ой группы. По окончанию школы старшая сестра поступила в сельскохозяйственный техникум. Я по окончанию школы поступила в торговое училище № 9 г. Ярославля. После окончания училища было направлена в Большесельского райпотребсою. В дальнейшем по Комсомольской путевке уехала в Барнаул. На строительство шинного комбината. По возвращению я устроилась на Ярославский электровозоремонтный завод, где проработала в гальваническом участке 23 года. На пенсию я пошла с завода, как ветеран завода. Сейчас нахожусь на пенсии. Общий трудовой стаж свыше 40 лет. Преждевременно ушёл из жизни муж, вырастила и воспитала сына, дала ему образование. Сейчас растёт внук школьник.

Кукушкина Инна Павловна

*«Спаси, Господь, от новых бед, спаси,
Всех павших от репрессий помяни.
Из памяти страх гибели сотри,
Покой и мир на землю принеси».*
С. Масликова
"Реквием павшим от репрессий"

Слова из Гимна Российской ассоциации жертв незаконных политических репрессий, впервые прозвучавшие в городе Геленджике 5 октября 2003 года, западают в душу и не дают покоя людям, которым не безразлична судьба их предков и цена сегодняшнего благополучия. Политические репрессии 1937–1938 годов уносили жизни сотен тысяч человек, разлучали любящие семьи, оставляли сиротами детей.

Инна Павловна Кукушкина одна из тех, кто не понаслышке знает о том, что значит потерять близкого человека. Горечь утраты пронизывает всю ее жизнь и не дает покоя даже сейчас, когда события страшных лет, казалось бы, миновали.

Её отец, Пейсах Исаакович Рабкин, был арестован 11 февраля 1937 года. Тот страшный день Инна Павловна запомнила на всю жизнь: скрип колес остановившегося у дома «черного ворона», резкий стук в дверь, двое в черных длинных плащах и испуганные соседи – «понятые». «Мама прижала меня к себе, отца отодвинули и буквально вдавили в стену. На пол полетело содержимое ящиков, шкафов, этажерок. Весь пол был завален письмами, фотографиями, книгами, которые затаптывались сапогами. Выпотрошили матрасы, подушки, одеяла, испортили диван. Отцу приказали одеться, а когда он хотел поцеловать меня, его ударили по рукам и грубо обругали. Проститься с мамой не разрешили», - так описывает Инна Павловна ту ужасную сцену.

В городе Бобруйске Белорусской ССР подобных случаев было немало. Сотни жителей города, известных всем врачам, партийных работников, «брали» именно так. А отец подруги маленькой Инны, крупный партизнец, повесился на чердаке, не выдержав ожидания позорного ареста. Инна Павловна вспоминает, что в 6 классе, где она училась, у половины ребят был репрессирован кто-то из родителей, поэтому отношение сверстников и старших к ней не изменилось. Возможно, повлиял авторитет арестованного отца, который в городе был уважаемым человеком: знал 14 языков, работал в школе учителем математики, помогал ребятам дома, объясняя наиболее сложные задания.

Мама Инны Павловны, как и многие другие родственники репрессированных, не хотела мириться с несправедливостью. Она писала в различные инстанции. Изначально выяснилось, что Пейсах Исаакович получил 25 лет без права переписки. Но последняя оговорка свидетельствовала отнюдь не о сверхстрогом режиме, а скорее о возможности смерти любимого человека.

У дочери любовь к безвременно утраченному отцу перешла в увлечение наукой, которую он преподавал. Позже Инна Павловна связала с математикой свою жизнь.

Еще одно бедствие постигло семью, как и весь советский народ 22 июня 1941 года. Началась война. В 4 утра мать с дочерью разбудил страшный грохот. Как потом узнали, это бомбили аэродром, расположенный, за городом, на земле были уничтожены все самолеты, не успев взлететь. 26 июня должна была состояться битва за город, и мирным жителям предложили эвакуироваться. Для тринадцатилетнего ребенка это была страшная картина: люди, подгоняемые страхом, уходили прямо из ям, в которых прятались, кто-то тащил кое-какие вещи. Мама, Элька Залмоновна, пошла в дом за документами и деньгами, а Инна Павловна чуть было не потерялась в том хаосе. Ее одну посадили в машину, а мама осталась. Но маленькой Инне повезло: на привале знакомая матери увидела ее, стоящую в кузове одной из машин. После воссоединения с матерью девочка больше не отпускала ее из виду, держалась за мамину юбку, страшась новой разлуки. Путь из осажденных западных городов был опасен: беженцев постоянно бомбили, они голодали, в некоторых деревнях даже не подпускали к колодцам, оставляя людей без воды.

Инна Павловна с сотнями других горожан уничтоженного города прошли пешком до Кричева, потом до Старого Оскола и Нового Оскола. В последнем городе всех посадили в товарные вагоны и привезли в город Орел. На орловском эвакуационном пункте произошла быстрая переброска в другие «телячьи вагоны», и дальше везли до города Курска, потом до

Саратова. Конечным пунктом стало село Сокур Вязовского района. Их с мамой подсадили к одной деревенской семье. На этот раз им повезло: хозяева оказались очень отзывчивыми людьми и даже приехали и подкармливали переселенцев. Элька Залмоновна вскоре получила работу в сельской библиотеке, продовольственные карточки, а Инна Павловна продолжала учебу в школе. Будучи ученицей 9 и 10 классов, Инна Павловна заменяла ушедшего на фронт учителя математики и сама вела эту сложную дисциплину в младших классах. Нужно отметить, что юная учительница (16 лет) была талантливым педагогом: из 23 ее учеников 22 поступили в институты. Как и все дети войны, Инна Павловна после занятий вместе со своими учениками собирала колоски на полях, вязала носки и варежки. При получении паспорта мать Инны умудрилась изменить ее отчество: Пейсаховна на Павловна, чтобы упоминание о национальности и аресте отца ее девочки не повлияло на ее будущее, а именно на поступление в институт.

В 1944 году, еще во время войны, Инна Павловна закончила школу и решила поступать в институт. Главным для нее при выборе института оказалась связь будущей специальности с любимой математикой. У их семьи были родственники в Москве, они посоветовали ей Московский институт железнодорожного транспорта. Инна Павловна поступила на факультет «Мосты и тоннели» без экзаменов, так как школу закончила с отличием. В апреле 2002 года она нашла в себе силы вернуться и продолжить борьбу с всевластными чиновниками. Следующей инстанцией стала Генеральная прокуратура РФ. Ее заявление пронизывает крик души почти отчаявшегося человека: «Я искренне не могу понять, какими еще документами должны быть подтверждены эти факты». Вероятно, господа чиновники почувствовали всю силу отчаяния человека: запрос был рассмотрен, и Инне Павловне была выдана справка о реабилитации. Вот так, пройдя через эти «мытарства» она была признана пострадавшей от политических репрессий и сейчас получает 100 рублей прибавки к пенсии.

Инна Павловна, сделав главное дело жизни, обрела душевное спокойствие. В этом и во многом ей помогла обретенная на склоне лет вера в Бога. В молодости, как и многие люди, изучающие точные науки, она верила лишь в силу человеческого разума. Но пережив столько потрясений, потеряв родных, близких, на склоне лет жизнь Инны Павловны освещает вера

Лисовский Станислав Антонович

В 1937 году руководство страны начало проведение так называемых «спецопераций», во время которых осуждали целыми списками. Людей обвиняли в самых разных преступлениях: в шпионаже, изменах, вредительстве. Часто подвергали репрессиям вовсе без всякого обвинения.

Это коснулось и семьи Станислава Антоновича Лисовского (1927 года рождения). Его отец Антон Антонович Лисовский по происхождению был поляком, его жена - уроженкой западной Белоруссии. В семье подрастали трое детей: сестра и два брата. Станислав Антонович был самым младшим ребенком. Они жили в поселке Рыково Ярославской области. Отец работал крановщиком на Ярославском паровозоремонтном заводе. Мать не работала, занималась воспитанием детей. Многого уже стерто из памяти, но момент ареста отца Станислав Антонович не может забыть до сих пор: «За ним пришли ночью 1938 года. В дом зашли двое или трое мужчин. Мы все проснулись, встали, долго не могли понять, что происходит. Почему они пришли за отцом, сказано не было, никто ничего не объяснял. Да и разве у них потребуешь объяснения? В доме у нас что-то искали, хотя так ничего и не нашли. Но отца, больного, увели, посадили в «черный ворон» и увезли. Мать бежала вслед за автомобилем, плакала и просила не забирать».

Скорее всего, арест Антона Антоновича был связан с секретными приказами советского руководства по «ликвидации шпионов по национальному признаку», по которым репрессиям подвергались поляки, немцы, корейцы, китайцы. Известно, что арестованных везли восемь месяцев в «телячьих» вагонах на Дальний Восток, издевались, не давали еду. Семье сказали, что Антон Антонович осужден на десять лет без права переписки, но вскоре родные получили сведения, ут-

верждающие, что он умер в дороге в поезде из-за болезни и тяжелых условий переезда, и был похоронен на одной из станций.

Наступили тяжелые дни для его жены и детей. Мать Станислава Антоновича, потерявшая мужа и кормильца, вмиг превратилась в жену «врага народа», из-за чего долго не могла найти работу. Кое-как она устроилась в ресторан на Московском вокзале официанткой. Кроме этого сама шила вещи для семьи и знакомых.

На следующее утро после ареста дети, опоздавшие в школу из-за случившегося ночью, поняли, что там уже все знают: накануне так же забрали еще нескольких отцов семей. Станислав Антонович говорит, что это было очень тяжелое время, как для матери, так и для детей. В семье зарабатывала одна мать, сыновья пока были малы для работы, старшая сестра была инвалидом с детства.

Станислав Антонович окончил только пять классов. Чтобы помогать содержать семью, необходимо было устроиться на работу. Это было достаточно трудно, приходилось скрывать, что он сын «врага народа». В 1943 году Станислав Антонович устроился на Ярославский паровозоремонтный завод учеником электрика. Там он закончил курсы, получил разряд, начал работать. В итоге отличного, добросовестного и ответственного труда назначения не заставили себя ждать и следовали одно за другим: так он становится мастером по сборке паровой машины, начальником первой комплексной бригады, начальником паровозоремонтного сборочного цеха, начальником механического цеха. Затем Лисовского ставят начальником транспортного цеха, после очередного назначения – начальником электровозсборочного цеха (с 1965 – 1968 гг.) - ведущего цеха всего ЯПРЗ, затем снова начальником механического цеха, старшим мастером по сборке вагонозамедлителей, с 1973 года – начальником электровозсборочного цеха (до 1975 г.). Перед пенсией, в 1982 году, переведен в транспортный цех старшим мастером. В мае 1989 года уволен по собственному желанию в связи с уходом на пенсию.

Старший брат его, Виктор Антонович Лисовский, также всю жизнь проработал на ЯПРЗ (более 40 лет); участвовал в Великой Отечественной войне, был танкистом, получил ранение, награжден многочисленными медалями.

В 1972 году Станислав Антонович Лисовский был лично награжден министром железнодорожного транспорта Бещевым именными позолоченными часами.

Реабилитирован 7 августа 2002 года.

Сейчас Станиславу Антоновичу Лисовскому 83 года, он пенсионер, живет вместе со своей женой Маргаритой Александровной, на

которой женат уже 63 года! Про них часто пишут в разных газетах и журналах. Одна из таких статей называлась «Танец длиною в жизнь». Так пусть танец этих двух замечательных людей продолжается еще много-много лет!

Лобанова Ольга Михайловна

«Как арестовали папу, помню до сих пор, хотя была совсем ребенком. Пришли ночью 25 января 1937 года, за день до моего пятилетия. Незнакомцы разбросали мои детские книжки и игрушки; а когда я заплакала, один из них швырнул куклу, чтобы я замолчала... Они что-то искали. Вся квартира была перевернута. Папу увели. Так он исчез из моей жизни...», - вспоминала Ольга Михайловна Лобанова о страшном для многих семей 1937 года.

Семья Лобановых жила простой, но счастливой жизнью в небольшом старом доме. Михаил Николаевич Лобанов работал преподавателем в техникуме при тогдашнем автозаводе (сейчас моторный завод), готовил профессиональные кадры для родного предприятия. О его юности Ольга Михайловна узнала позже со слов мамы.

«Родился он в Шуе. Хотя родители его были бедны, он был послан властями Шуи на платное обучение в институт соседней области и получил высшее образование. Был большим радиолюбителем и сам в домашних условиях собирал радиоприемники. С малых лет, - рассказывала Ольга Михайловна, - он приучал меня к классической музыке: через самодельный приемник мы слушали знаменитые произведения разных композиторов. Я хорошо помню оперу «Руслан и Людмила», «Кармен». Еще он считал, что с самого детства нужно знать

творчество великого русского поэта А.С. Пушкина, и уже в четыре года я знала некоторые строки из «Руслана и Людмилы».

До ареста отца семья из четырех человек (родители, дочка и бабушка) должна была переехать в новый дом в Народном переулке, в квартиру на третьем этаже, номер которой они уже знали. Но...Теперь... Счастливая жизнь была разрушена в один момент, когда отца забрали. Но за что? «Почему он был арестован, до сих пор не могу понять, - продолжала Ольга Михайловна, - был бы партийный деятель или еще кто-либо, а так просто учитель, преподаватель техникума. Он даже членом партии не был...». Официальное обвинение связывало его арест с членством в эсеровской организации и участием в антисоветской агитации.

То время, которое Михаил Николаевич Лобанов провел в заключении в Коровниках, его верная жена ездила в тюрьму с передачками - свидания не разрешали. Она обращалась с заявлениями в Верховную прокуратуру РСФСР и СССР. В своей последней записке Михаил Николаевич просил принести ему лишь чистое белье: так она поняла, что его готовят к расстрелу. Больше они не виделись. Семье сказали, что его переслали в другое место.

Лобанов М.Н. был расстрелян через два с половиной месяца после ареста. Но точная дата смерти семье не известна. Родные оплакивали его два раза, так как получили два свидетельства о его гибели: первое в 1947 году - справку, информирующую о том, что Лобанов М.Н. погиб в дальних лагерях от остановки сердца; второе в 1956 году - справку, составленную по документам Ярославской области, о его расстреле в марте 1937 года. Семья склонна считать последнюю дату соответствующей истине.

В январе после ареста главы семьи женщины остались на улице: ордер на новую квартиру аннулировали, и им пришлось долгое время ютиться на чердаке дома.

Во время войны Ольга Михайловна училась в школе, и уже тогда начали возникать некоторые трудности как у «дочери врага народа». В пионеры она была принята, но с вступлением в комсомол возникли проблемы. В виде исключения ее приняли, так как она была отличницей, но случилось это лишь в 8 классе. После окончания школы Ольга Михайловна Лобанова хотела ехать в Москву и поступать в МГУ, но ее предупредили, что после случившегося с отцом поступать в университет можно даже не пытаться. Ольга Михайловна выбрала Ярославский педагогический институт имени К.Д. Ушинского в родном Ярославле.

Мать Ольги Михайловны также окончила ЯГПИ. Работала учителем математики в школе №39 им.М.Горького. Коллеги не отвернулись от нее, как от жены «врага народа». В 1938 году отправили ее на полгода в Крым, где врачи поставили её, болевшую после пережитого туберкулёзом, на ноги. Работала она до самой пенсии в 1963 году.

Как же дальше сложилась судьба Ольги Михайловны? Обучение в ЯГПИ дало возможность взглянуть на мир по-новому: вокруг она увидела замечательных людей, интересен был сам процесс обучения и практика преподавания в школе, профессия учителя русского языка явилась истинным ее призванием. После успешного окончания института по предложению директора школы № 43, в которой Ольга Михайловна училась и проходила практику, она стала там преподавать. В 1956 году она поступила в аспирантуру при кафедре русского языка, которую окончила в 1959 году. По собственной инициативе послала заявления в самые дальние педагогические институты страны. Пришли ответы из Мурманска и Уссурийска. Выбор сделала в пользу Уссурийского педагогического института. В нем она проработала три года. За это время Ольга Михайловна защитила кандидатскую диссертацию. «Очень хорошо помню этот день,- говорила она, – он совпал с днём, когда вся Москва встречала Ю. Гагарина - 14 апреля 1961 года!» В сентябре 1964 года начался период работы в ЯГПУ: сначала старшим преподавателем, потом доцентом (с 1968 года), замдекана (1970-1973), заведующим кафедрой русского языка(1982-1985 гг.) историко-филологического факультета. За все это время Ольга Михайловна много раз выезжала за границу преподавать русский язык.

Ольга Михайловна Лобанова не считает, что ей сломали жизнь, потому что главное, по ее словам, что на жизненном пути всегда встречались люди, которые помогали ей пережить все испытания судьбы.

Но главным человеком в жизни Ольги Михайловны была ее мама: «Моя судьба, - говорит Ольга Михайловна Лобанова, - осталась не исковеркана благодаря маме, которая в тех сложных обстоятельствах все взяла на себя. В войну мама была вынуждена кормить себя, меня и бабушку, работать за троих. Она же оставалась опорой психологической стабильности в семье».

Лобанов М.Н. был реабилитирован посмертно 10 ноября 1956 года постановлением президиума Ярославского областного суда. Когда выдавали справку об этом, родным сказали: «Вы можете гордиться вашим мужем и отцом, он не подписал ни одного обвинения». Ольга Михайловна Лобанова получила свидетельство о реабилитации как пострадавшая от политических репрессий лишь 14 ноября 2001 года.

Так, за все время мучений, связанных с потерей отца, отношение людей к родным обвиняемых менялось от крайне отрицательного до крайне положительного. Но добрые и честные люди были, есть и будут всегда. Всегда будут те, кто поможет в трудную минуту, как помогли когда-то друзья и знакомые семье Лобановой Ольги Михайловны, которым она благодарна и признательна по сей день.

Магаева Антонина Васильевна

Антонина Васильевна родилась в селе Ново - Воскресенское Владимирской области в 1929 году. Это было родное село её отца Графова Василия Егоровича, там у его семьи имелся хороший дом, в котором и вырос отец, с 9 лет воспитывавшийся мачехой. Всего у Антонины Александровны было двое сестёр и брат. Мать - Александра Ефимовна - работала дояркой в колхозе, а также ухаживала там за свиньями. Семья была работающая, и каждый стремился укрепить домашнее хозяйство. Маленькая Тоня с раннего детства помогала матери в колхозе, она работала даже по ночам.

В 1933 году Василия Егоровича судили по 58 статье, но, к счастью, просидел он всего несколько месяцев, и затем его отпустили обратно в село. В 1937 году все вновь почувствовали угрозу репрессий, и брат Александры Ефимовны посоветовал Василию уехать из села, так как опасался за его жизнь. В 1937 году отец Антонины Васильевны переехал в Москву, где устроился работать на ВДНХ. Его местом жительства в столице стала комната в общежитии, в которой помимо него проживали ещё шесть человек, таких же работяг, как и он. Жена с детьми остались в деревне, и лишь иногда он навещал их. Александра Ефимовна подолгу работала, приходила домой лишь в 11

часов вечера и буквально падала от усталости. На женщине лежали все домашние обязанности: косить сено, доить коров, убирать дом, а также воспитание детей.

В 1939 году Василию Егоровичу дали грамоту за хорошую работу и 500 рублей премии.

Но началась Великая Отечественная война, которая не пощадила никого: главу семейства 2 августа 1941 года забрали на фронт. Вскоре стало известно, что он был тяжело ранен и умер в госпитале в Горьковской области.

В 1942 году Антонина Васильевна была направлена в Орехово - Зуево в ремесленное училище. А в июне 1946 года она переехала в Москву, от министерства иностранных дел её сначала направили работать ученицей швеи, а затем уже перевели в мастерскую. Жила она с другими девушками, такими же выпускницами училища, в бывшем здании министерства на Мещанской улице. В комнатах проживало по 16 человек. Так как Антонина Васильевна была дочерью «врага народа», то ей организовывали постоянные проверки, вызывали в специальный отдел, и это весьма омрачало существование девушки. Жизнь была тяжелой: карточная система, непосильный труд, каждый кусок хлеба давался очень непросто. Но в 1951 году Антонина Васильевна вышла замуж за замечательного человека - Магаева Сергея Ивановича, в Москве он служил на центральном аэродроме. Молодой семье выделили комнату в 9 квадратных метров. В 1952 году в семье Магаевых произошло пополнение: родилась дочка, которую назвали Любовью. В 1953 году мужа Антонины Васильевны направили служить в Корею, где он пробыл около полугода. Следующим пунктом его назначения стала Туношна, куда Сергей Иванович и переехал со всей семьей. Там Магаевы прожили 12 лет, а затем вновь произошла смена места жительства: на этот раз они отправились в Иваново. В Ярославль Магаевы вернулись, потому что Сергей Иванович находился в предынфарктном состоянии, и ему нужна была специализированная клиника. Кроме того, и сын Александр, окончивший Ракетное училище, проживал в Ярославле.

Антонина Васильевна и сейчас живёт в Ярославле, о ней заботиться сын, а из Москвы часто приезжает дочь. Антонина Васильевна, с детства привыкшая добиваться всего в жизни непосильным трудом, до сих пор ловко управляет со всеми делами и даже успевает заниматься с внуками. Она сохранила жажду действовать, не стоять на месте, идти по жизни уверенной поступью, зная, что все невзгоды преодолимы, особенно когда рядом близкие люди.

Мамышева Вера Александровна

Отец Веры Александровны Кашин Александр Фёдорович родился 21 августа 1902 года в селе Никола-Выкса, мать – Басалаева Мария Тимофеевна родилась 26 октября 1902 года в селе Пустошь. Оба населённых пункта находились в Мяксинском районе Вологодской области. Родители Веры Александровны обосновались в селе Никола-Выкса. Александр Фёдорович занял довольно почётное положение – стал бригадиром в колхозе «Север», а Мария Тимофеевна работала на сыроварне.

В 1929 году у молодой пары родилась дочка Валентина, а два года спустя на свет появилась её сестра Вера. Мария Тимофеевна и Александр Фёдорович жили в большой любви, в их семье был всегда уют и покой. В 1933 году Мария Тимофеевна подарила своему мужу ещё одну дочь, которая, к горю для всей семьи, родилась слепой. Но эта крепкая, дружная и любящая семья не отчаивалась, а продолжая поддерживать друг друга, жила в мире и согласии на зависть всему селению. В ночь на 25 июня 1937 года арестовали главу семьи Кашиных – Александра Фёдоровича. Неизвестные написали донос на него. Нельзя точно сказать, что послужило поводом для зависти и мести.

«Каждую ночь в деревне кого-нибудь арестовывали, и слышался плач из разных концов селения», - делится своими детскими воспоминаниями Вера Александровна.

Александра Фёдоровича осудили по ст. 58 – 10 ч. 1 и 58 – 11 УК РСФСР. Мария Тимофеевна осталась одна с тремя маленькими дочками на руках. Без мужа она встретила горестную весть о том, что село Никола-Выкса находится в затопляемой зоне и им нужно за короткий промежуток времени покинуть территорию. Женщина, решила переплавлять дом на плоту по Волге вместе с детьми и всем своим нехитрым скарбом. В этом ей обещал помочь брат мужа. Вере Алек-

сандровне было всего 6 лет, но всё же в её памяти всплывают фрагменты того тяжёлого плавания. Например, как мать сходила с плота в ледяную воду, чтобы подтолкнуть плот, когда тот садился на мель. Эта опасная переправа длилась несколько дней. Семья высадилась в селе Куйбышевское.

Мария Тимофеевна восстановила дом, который пережил переезд в разобранном состоянии, но нуждался в существенном ремонте. Несмотря на то, что жили в страшной нищете, Мария Тимофеевна, как могла, пыталась прокормить, одеть и обуть девочек. В связи с отсутствием состава преступления отца Веры Александровны освободили 28 февраля 1940 года, и он вновь воссоединился со своим большим семейством. Александр Фёдорович пришёл из тюрьмы в лохмотьях и лаптях. О том, что происходило за решёткой, он вспоминать не любил. Да и распространять информацию бывшим заключённым строго запрещали. Лишь иногда, когда он оставался наедине с женой, проскальзывали воспоминания о тех страшных временах. Маленькая Вера однажды подслушала рассказ матери с отцом и из него узнала, что отца сильно пытали: он с другими заключёнными стоял по колено в холодной воде, а сверху капала такая же ледяная вода. Вера Александровна вспоминает, что Александра Фёдоровича трясло, когда он начинал хоть что-то рассказывать о тюрьме.

Вскоре Александр Фёдорович устроился на фанерно-тарный завод, туда же пошла работать и Мария Тимофеевна. Несмотря на все испытания и разлуку, любовь Александра Фёдоровича и Марии Тимофеевны лишь только окрепла, и в детях своих они души не чаяли. «Бывало, отец придёт с работы уставший и вроде уж не до детей ему, а всё равно встаёт на корточки и катает нас на спине по двору, а нам весело, мы смеёмся», - вспоминает со слезами на глазах Вера Александровна.

В 1941 году началась Великая Отечественная война, которая сделала несчастной каждую семью. Вот и Александра Фёдоровича в октябре 1942 года забрали на фронт: совсем не вспомнило государство о том, что недавно считало этого человека «врагом народа». Мария Тимофеевна в это время была беременна четвёртым ребёнком, и Александр Фёдорович очень хотел сына. Он написал жене в письме, что если родится сын, то пусть носит имя Саша. Мария Тимофеевна лежала в роддоме, когда пришло известие о том, что Кашин Александр Фёдорович без вести пропал на фронте, защищая Родину. Эту весть несчастной женщине не сообщали до тех пор, пока она не родила здорового мальчика Сашу. Мария Тимофеевна ещё верила, что любимый муж вернётся, но чуда не произошло. Она осталась в войну с четырьмя детьми, которых как-то нужно было кормить и одевать. Мария за-

вела козу и кур, правдами-неправдами доставала манную крупу для маленького сына. Дочери помогали ей как могли: на поле собирали колоски, искали в земле старую картошку, из которой мать потом пекла оладьи. Выжили.

После войны Мария Тимофеевна пыталась вылечить глаза своей дочери Тане, но безрезультатно. И тогда женщина приняла тяжёлое решение отправить Таню в Костромскую школу слепых, где бы занялись её образованием. После того как Мария Тимофеевна навестила дочь в Костроме, она вернулась домой со слезами на глазах и с твёрдым решением забрать маленькую Таню забрать обратно домой. Она увидела дочь в синяках (та натыкалась на все предметы и углы в интернате), а пальчики её были все опухшими от холода, так как здание плохо отапливали. Но Таня сама отказалась покинуть школу, так как решила получить образование и обрести профессию. В 1950 году Мария Тимофеевна, сильная женщина, которая перенесла столько горя, лишений и тягот жизни, заболела. Умерла в этом же году, оставив своего маленького сынишку на воспитание дочерям, которые и сами были невелики. На помощь к ним из Алма-Аты приехала сестра отца Татьяна Фёдоровна, которая взяли воспитание Саши в свои руки.

Валентина и Вера успешно окончили школу, а затем и торгово-кулинарное училище. Вера Александровна стала работать в магазине «Электросбыт», который раньше находился на улице Кирова. Сестра Татьяна, получив образование в Костромской школе слепых, осталась там работать. Брат Александр служил в армии на Северной флоте и после возвращения в Ярославль женился.

Вера Александровна вышла замуж за Михаила Мамышева, с которым познакомилась на танцах. Жить пришлось в ветхом от времени доме Веры Александровны. Михаил, как настоящий хозяин, хотел лучшего для семьи, в которой уже появилась дочь Нина. Михаил сговорился со своим товарищем, и они решили вместе строить дом на две семьи. Когда был готов фундамент будущего дома, Михаилу удалось взять ссуду в банке, и на эти деньги они заказали финский фанерный домик. Семья стала проживать в городе Ярославле на улице 3-я Тормозная во Фрунзенском районе. Вскоре Вера Александровна родила вторую дочь Марину.

К счастью для Михаила и Веры Александровны, судьба их детей сложилась хорошо. Девочки окончили институты, и вышли замуж за своих бывших одноклассников. Дочь Нина вышла замуж за космонавта. Нина работает строевого отдела. Вторая дочь Марина вышла замуж за молодого человека, окончившего военно-морское училище.

Сейчас они проживают в Кронштадте. Марина работает завучем в школе. Брат Александр скончался в 2005 году. С сестрой Татьяной Вера Александровна продолжает видеться, навещая её в Костроме. Сама Вера Александровна в 1996 году получила удостоверение «Ветеран труда», сейчас на пенсии. Счастлива в своей семье.

Морозов Виктор Иванович

Как жизнь иногда бывает жестокой по отношению к человеку, стремящемуся просто быть счастливым, жить для семьи, защищать её и дарить любовь... История эта берёт своё начало в местечке под названием Струнино, Владимирской области, недалеко от города Александра. Повествует она о мальчике Вите, ставшем настоящим мужчиной. Родился Витя 29 июня 1926 года. Рос любознательным, начав учиться в школе, показал отличные результаты.

Отец трудился то секретарём, то бухгалтером. Мать работала ткачихой на комбинате. Была в семье и сестра, Клара (на данный момент умерла).

В 1937 году отца посадили, присудили 4 года, отправили в Коми. Маленький Витя остался с мамой и сестрой, которой было 13 лет. Самому Вите было 11 лет. Маме было тяжело работать и дети, как могли, помогали по хозяйству. В конце концов, отец вернулся в 1950 году. Сестра выучилась на медсестру и в первые дни войны ушла на фронт. Только в 1950 году вернулась домой.

Маме жилось трудно. Маленький Витя подрастал, к началу войны ему было 15 лет. Он не стал учиться в школе, зато выучился на тракториста и работал до 1945 года. 1 января 1945 года его призвали на фронт. Служил во Владимирской области в запасном полку, потом,

в середине февраля, его отправили на фронт, который на тот момент находился около Кёнигсберга (нынешний Калининград). Воевать ему много не пришлось. 25 марта Виктора ранило навывлет в левое плечо. Он практически ослеп и ночью только по звукам пополз вдоль железнодорожных рельсов, оказалось, что не в том направлении. Он услышал немецкий разговор, но не растерялся и повернул обратно, наткнулся на маленький деревянный домик, около которого стоял русский часовой. Там ему оказали медицинскую помощь, и зрение начало возвращаться. В одно утро он проснулся и увидел офицера, который призывал кого-нибудь из раненых, но уже набравших силы, сражаться, заменить его товарища, и Виктор по собственному желанию пошёл к этому капитану в его отряд помощником.

Пришло сообщение, что в роте пострадало артиллерийское орудие, многие винтовки раздробило. Капитан и Виктор отправились на передовую с целью заменить орудие, но тут началась стрельба. Они нашли воронку и решили переждать, пока закончится стрельба. Виктор поднял пилотку на дуле автомата, в тот момент её прострелило. Тогда капитан принял решение: «Ждать больше не будем, пошли». Виктор побежал за ним, и тут, как будто «по плечу ударило поленом». Он упал, оказалось, что ему прострелили плечо. Капитан увидел его лежащим и закричал, чтобы он вставал. Позднее Виктор оказался в медсанчасти, а потом в госпитале. Выписали его в конце апреля 1945 года. Предложили 2 варианта: в запасной полк или на передовую. У Виктора сильно болела рука, и он пошёл в запасной полк учиться на сержанта. По приказу, Виктора отправили в Белоруссию, где он и служил в Бобруйске и Минске. Только в апреле 1950 года его отправили домой.

Когда приехал домой, то жить было негде, квартиру у семьи забрали, матери дали половину комнаты. Приехавший сын спал на полу. Ещё в армии, после перенесенного тифа, Виктору дали отпуск, во время которого он познакомился с девушкой Ниной. Она писала ему письма. Когда закончилась война, сыграли свадьбу. В 1951 году у них родился сын Женя, а 4 года спустя - дочь Наташа. Жена работала портнихой, а у Виктора специальности не было. Зато отец купил ему аккордеон, и он стал музыкантом: он с малых лет стремился к этому. Устраивался в пионерские лагеря на лето. В итоге решил учиться, поступил во Владимирское музыкальное училище, получил диплом учителя музыки и дирижера хора. Но в школу не пошёл, работал с хором в Доме Культуры города Струнино. Виктор Иванович работал много: в детском саду, в музыкальной школе. Имел успех, получил первое место в областном конкурсе

хоров. 60 лет ему исполнилось в 1986 году. Но отдыхать не стал, продолжал работать в Доме Культуры руководителем Хора ветеранов до 1995 года. Ушёл на пенсию в возрасте 70 лет. Жена Виктора Ивановича много болела и ей дали инвалидность с 40 лет. Последние годы лежала в постели. В 2002 году семья переехала из Струнино в Ярославль с надеждой вылечить её, но надежды себя не оправдали, она умерла.

Дети выросли, получили образование в Ярославле, переняли профессию отца и тоже стали музыкантами. Дочь Наталья - певица, работает в симфоническом оркестре и гордится своей профессией. Сын, потерявший любимую жену, рано умер.

Виктор Иванович справился с горем. В этом ему помогла любящая дочь Наталья, которая ухаживает за отцом и помогает во всех трудностях. Теперь он живёт в Ярославле со своим внуком и его семьёй, занимается музыкой, сочиняет стихи и песни. «Бывает такое ощущение, - говорит Виктор Иванович, - что стихи мне кто-то диктует, может Бог?» В его коллекции уже более тысячи стихов и 120 песен разной тематики. И это не предел...

Вот такие бывают трудности в жизни, но сильный человек может преодолеть все невзгоды и пережить все несчастья, глядя только вперёд и никогда не оглядываясь...

Ни Моисей Алексеевич

Время бежит. Оно меняется, меняет нас и всё вокруг. Неизменной остаётся лишь память, не дающая забыть важные моменты жизни. К сожалению, плохое и печальное человек запоминает лучше и забывает сложнее, чем радости и победы.

Одно из таких печальных жизненных событий детства до сих пор в памяти Моисея Алексеевича Ни – человека, ощутившего на себе всю тяжесть сталинских репрессий в отношении людей разного происхождения и статуса.

Моисей Алексеевич родился 4 января 1934 года в семье корейцев, проживавших в селе Чезас Приморского края. В семье было 7 детей, он самый младший. Сначала семья проживала в Корее, затем переехала в Россию, так как дедушка построил склад для торговли с русскими. Но из – за случившейся в то время в России революции все границы закрыли, и семья не смогла вернуться обратно. Так они остались в России.

Отец Моисея Алексеевича, закончивший ещё царскую офицерскую школу, был участником Первой мировой войны. В годы гражданской войны воевал под Нарвой, служил в частях Блюхера, командовавшего советскими войсками на Дальнем Востоке. Семья жила тяжело, но ещё хуже стало во время начавшихся в 1937 году репрессий.

Всех корейцев собрали за 24 часа и посадили в трюмы кораблей. Никто ничего не успел взять с собой в дорогу. В памяти у Моисея Алексеевича остались лишь очертания кое – как сколоченных досок, на которых сидели люди. Везли их до Владивостока, где пересадили в «телячьи» вагоны (вагоны для перевозки скота). Теснота и неудобства были страшными. Весь путь занял несколько месяцев, и это были самые тяжелые дни: люди гибли от холода; во время коротких остановок выстраивалась длинная очередь к единственному крану за кипятком; туалета не было. Часто на этих же остановках появлялись тройки (офицер и 2 солдата), они выкрикивали фамилии и уводили в неизвестном направлении всех грамотных людей. Так же увели и отца Ни. Семья думала, что никогда больше его не увидит. Но, к счастью, у отца Моисея Алексеевича оказались при себе документы, подтверждающие, что он служил в армии Блюхера. Его отпустили. Избежав расстрела, он смог догнать эшелон и вернуться к родным.

Корейцев привезли в Южный Казахстан и высадили в пустую, пыльную, голодную степь. Но у этих людей не было выбора, и они стали обживать. Из – за непривычного климата и нехватки воды многие болели и умирали.

Скоро научились строить дома из глины и соломы – саманы. В итоге постепенно вырос целый корейский посёлок. Он стал называться Молотов.

В 1941 году началась война. Люди жили бедно. Всех мужчин посёлка забрали на фронт, остались одни женщины и дети. Люди уми-

жал службу. Служил под Мурманском, потом меня направили на остров Кильдин комендантом этого острова. Это самый Север. Потом повышение дали: был комендантом поселка Гремиха. Там дослужился до капитана. Получилось, что я больше 15 лет пробыл на крайнем севере. В это время происходило значительное сокращение вооруженных сил. И вот решил я уволиться, когда нашу часть расформировывали. Была возможность поехать в Рыбинск, стать начальником элеватора. Я решил. Доехал до Мурманска и там совершенно случайно встретил одного знакомого, который сыграл важную роль в моей дальнейшей судьбе. Это был друг детства, с которым мы жили в деревне Пустошке по соседству. Прошло 20 с лишним лет, а мы все-таки узнали друг друга. Разговорились. Оказалось, он работал в системе МВД в отделе кадров. Зашли к нему в кабинет, я ему рассказал, что мне надо ехать в Рыбинск, скоро поезд, а он сказал: «Зачем тебе этот Рыбинск? Давай-ка ты переходи в органы, звание твоё сохранится, северный стаж будет учтен при зачислении зарплаты, а должность мы тебе подберем». Я остался. Отправили меня в город Мончегорск в уголовный розыск. Поступил заочно в Юридический институт, закончил его. И пошел уже по милицеейской стезе. Проработал больше 10 лет. Стал просить, чтоб меня перевели в Ярославль. Не сразу это получилось, отказы были. Потом в один из отпусков я поехал в Москву в МВД, и мне пообещали помочь. Помогли, и я перевелся в Ярославль. Когда пришел в отдел кадров, мне говорят: «Тут у нас новый район образовался, надо создавать отдел внутренних дел, нужен начальник, а у тебя уже опыт есть, давай ты садись в это кресло». И вот с 1975 года в этом отделе я был на руководящей должности, прослужил до выхода на пенсию.

Про отца так ничего и неизвестно, лишь добился документов, что я потерпевший от политических репрессий. И ещё получил документ, что я тоже реабилитирован».

Нуждина Зоя Николаевна

Я, Зоя Николаевна Нуждина, родилась в селе Пळेщево Гаврилов-Ямского района Ярославской области. Семья состояла из семи человек. Отец - Николай Григорьевич Бахарев (1887 года рождения); мать - Анна Афанасьевна Бахарева (1888 года рождения); старший брат - Леонид Николаевич Бахарев (1914 года рождения); сестра - Екатерина Николаевна Бахарева (1918 года рождения); брат - Евстафий Николаевич Бахарев (1922 года рождения); я - Зоя Николаевна Бахарева (1924 года рождения); сестра - Евстолия Николаевна Бахарева (1928 года рождения).

У отца было трёхклассное образование. В те времена считалось, что человек, закончивший 3 класса, грамотный. Девочек же тогда учили всего 1 год. Отец устроился в Гаврилов-Ям бригадиром строительной бригады. Получал 30 рублей. Всё в то время стоило копейки, поэтому считалось, что мы богачи.

Старший брат работал в Ярославле шофёром. Купил велосипед, правда, поддержанный. Отец привез велосипед в село. Все соседи стали называть нас кулаками, так как велосипед был в то время вещью не распространенной. Дошло до того, что соседи стали наговаривать, будто бы мой отец ругает советскую власть – чего на самом деле не было. Забрали его 5 августа 1937 года. Мы в это время бегали, играли. Пришли 2 милиционера. Всё в доме перевернули. Уж не знаю, чего они там и искали. Арестовали отца за то, что он не пошёл работать в колхоз.

Через месяц после того, как забрали отца, в Гаврилов-Яме в тюрьму посадили много молодых парней - коммунистов. Им было по 22-24 года. Всех их расстреляли...

Этот расстрел происходил в Шопше, недалеко от Ярославля. На том месте стоит обелиск. Мы ездили туда. На обелиске написан спи-

сок погибших. Отца в этом списке не было... Мы обратились в прокуратуру, и там нам сказали, что некоторых арестантов везли на север в вагонах. Многие по пути умирали и их прямо на ходу поезда сбрасывали. По-видимому такая участь была и у моего отца. А ведь ему было всего 50 лет. Он был ещё трудоспособным и мог прокормить семью.

Когда отца забрали, многие с ехидством говорили: «Вот! Ваш отец – «враг народа»! И вы такие же!» Ребята постоянно отнимали велосипед у брата. Обоих братьев донимали драками. Нас миновала участь отца. Мы не были репрессированы. У многих забирали имущество, нас Бог отвёл.

Мама работала в колхозе. Мы ей помогали.

Я выросла и поступила в сельскохозяйственный техникум в Великом селе. Полуголодная, полураздетая ходила каждый день пешком 4 км. Училась я там 4 года. Получила специальность - зоотехник.

В 1943 году, в разгар войны, я закончила техникум. Я и две мои подруги по распределению попали в Краснодарский край. Ехали мы туда на поезде. На станции Тихорецкой была остановка. Вдруг началась бомбардировка. Мы спрятались за свои чемоданы, чтобы остаться в живых. Весь вокзал разбомбили.

Когда мы приехали на место, нам сказали: «Какие же вы работницы! Вы же девчонки!» Наша работа заключалась в том, что нужно было номерами метить скот. На уши ему мы вешали отметку с номером. А я жуть, как боялась коров! Пробыли мы там 1,5 месяца. Никак не могли акклиматизироваться. Все трое заболели лихорадкой. Тогда начальство нам сказала, чтобы мы отправлялись домой.

Вернулись мы в Плещеево. Поняли, что выбрали мужскую специальность. Я переквалифицировалась. Закончила педагогический техникум, получила специальность учительницы младших классов. Проработала я в школе 40 лет. Моя работа мне нравилась.

А вот братья мои попали на войну. От начала и до конца прошли её. Остались живы. Старший брат был шофёром, а младший - машинистом. Наша младшая сестра окончила медицинский техникум и стала медсестрой.

Я вышла замуж за Александра Ивановича Нуждина. Мы жили на соседних улицах, поэтому хорошо знали друг друга. Муж мой воевал, был старшим лейтенантом. Он окончил художественное училище, а потом институт. Был замечательным художником, участвовал в различных выставках. Прожили мы с ним 50 лет. У нас родилась дочь - Ирина Александровна Нуждина (по мужу Агеева).

Сейчас работает в ЯГТУ города Ярославля. У неё двое детей: дочь – Мария и сын - Ярослав.

Мне хочется пожелать нынешнему поколению быть честными, трудиться добросовестно на благо нашей Родины, быть бдительными, не проходить мимо тяжёлых моментов, всегда помогать.

Осипов Василий Иванович

Василий Иванович Осипов родился 26 сентября 1934 года в селе Семцы Почепского района Брянской области в крестьянской семье.

До рождения Василия семья жила в Ленинграде. Его отец, Иван Александрович, работал на железной дороге и одновременно учился в партшколе. Но 14 января 1938 года Осипов Иван Александрович был арестован по ложному обвинению. Он был осуждён по статье 58-8 и статье 58-11 УК РСФСР и приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. После ареста главы семьи Осиповым было предложено в течение суток покинуть город. Мать Василия была вынуждена оставить дом, всё нажитое имущество и с двумя сыновьями покинуть Ленинград.

До окончания войны семья тайно проживала у бабушки и дедушки Василия Ивановича в одном из сёл Брянской области. Послевоенные годы были тяжёлым временем для семьи Василия. Он закончил 5 классов средней школы и, приписав себе 2 года возраста, устроился работать в Архангельск на лесоповал. До ухода в армию работал на лесозаготовках и проживал в Ленинградской области.

В 1958 году Василий Иванович возвратился со службы в рядах советской армии на Брянщину. В этот же год произошло ещё два важных события в жизни Василия Осипова. Во-первых, он женился на своей

односельчанке, Екатерине Степановне. Во-вторых, Постановлением Президиума Ленинградского городского суда дело его отца было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

После войны началось восстановление народного хозяйства. Колхоз нуждался в специалистах. По направлению от местного руководства Василий Иванович окончил ветеринарную школу, а затем ветеринарный техникум. Сначала он работал в колхозе ветеринарным фельдшером, а позднее бригадиром комплексной бригады. В дружной семье Василия Осипова на свет появилось трое детей. Все они получили образование и создали свои семьи.

Будучи уже на пенсии, в 1999 году, Василий Иванович вместе с супругой переехал жить в Ярославль по месту работы и жительства младшей дочери. Но и здесь Василий Иванович Осипов не мог сидеть без дела и стал подрабатывать в должности охранника в одной из фирм города.

В последние годы здоровье Василия Ивановича ухудшалось, лечение в больницах не помогало. Он скончался 13 сентября 2010 года в возрасте 76 лет. Родственники и сослуживцы проводили его в последний путь со слезами на глазах. В памяти всех он остался добрым и отзывчивым человеком, любящим мужем, заботливым отцом и дедушкой.

Писарева Екатерина Васильевна

Жизнь, испытания, любовь и счастье одного человека, одной семьи... Екатерина Васильевна родилась 15 ноября 1922 году в деревне Бечирино Ярославского района в семье Валовых - Василия Ивановича (1881 года рождения) и Марии Тимофеевны (1884 года рождения.), урождённой Перовой. У маленькой Кати было 11 братьев и сестёр, но не все дожили до описываемых событий.

Папа был крестьянином, в наследство от отца получил маленькую маслобойню с лошадиной тягой, и все в округе были обеспечены льняным маслом, так как сеяли, в основном, именно лён. Это был маленький бизнес, говоря современным языком, за счёт которого семья и жила.

Располагалась семья в большой комнате в 3 окна, которая была пристроена к двухэтажному дому. Комната была с большой русской печью. Василий Иванович, накопив денег, выстроил в 1925 - 1926 годах огромный дом. К 1931 году в доме жили отец, мать, Катя, её брат Платон (1912 года рождения) и младшая сестра Елена (1925 года рождения). Старший брат Борис (1906 года рождения) уехал в Сибирь. Сестра Лидия (1906 года рождения) вышла замуж за Евгения Васильевича Леонтьева (1905 года рождения) и жила в Ярославле на улице Салтыкова - Щедрина.

Василий Иванович был самостоятельным хозяином и не желал вступать в колхоз, хотя активно участвовал в жизни деревни. Вместе с другими крестьянами выстроил школу, где Катя закончила первый класс, лил свечи для церкви в селе Селифонтово. «Водил дружбу» с городскими фотографом, парикмахером, которые на лето снимали дачи в их деревне. «Отец мой был высокого роста, с пронзительным взглядом и властным характером, но в то же время очень добрым и любящим», - вспоминает Екатерина Васильевна.

И вот наступил 1930 год - год сплошной коллективизации. Не любили тогда активных и успешных людей из народа. Поэтому в 1931 году Василия Ивановича арестовали. В этот же день переписали всё семейное имущество. А ночью, не дожидаясь ареста, ушёл в город брат Кати Платон. Маму, Катюшу и младшую сестру Лену забрали позднее, 24 мая 1931 года. «Ясный был день, солнечный... Везли нас в Ярославль. На Всполье был деревянный барак. Долго ли мы там были, я не помню», - говорит Екатерина Васильевна. Семью увезли в Магнитогорск. «Огромная площадь, всё ровное, ни одной травинки, а земля колючая вся в трещинах». Бараки не были ещё достроены, поэтому их разместили в каком-то доме. Папа приходил всего один раз, после чего всю семью переселили в барак, огромный, длинный, тесовый. Нары в 4 ряда и ворота с обеих сторон. Народу не счесть. Печек не было в бараках, есть готовить было не на чем.

Наступала зима. Что было делать с маленькими детьми в таких ужасных условиях? По приказу начальства с матерями оставляли детей до 2-х лет, остальных обязаны были отправить в детские дома. Некоторых забирали родственники. Лида и Женя тогда сразу решили, что они возьмут маленькую сестрёнку на иждивение. Так Катенька попала до-

мой, к родным ей людям. В Магнитогорске она пробыла, таким образом, около 5 месяцев. Воспоминания были смутные. До весны 1932 года она болела. Ее водили в поликлинику, лечили. «Я была как маленькая старушка», - вспоминает Екатерина Васильевна. Не скоро научилась она радоваться зеленой траве и солнцу над головой.

Хотя Катюша и окончила 1 класс в Бечихинской школе до ссылки, но документов никаких не было. Её хотели отправить в школу для переростков (ведь ей было уже 10 лет), но Лида, похлопотав немного, добилась того, что её взяли в обычную школу на улице Салтыкова-Щедрина снова в 1 класс. В 1935 году на улице Большой Октябрьской построили Железнодорожную школу №12, и с 4 класса она училась там. Училась Катя хорошо, её географические карты отправляли в Москву на выставку. Она успешно занималась спортом: бегом, лыжами, метанием ядра и диска. Ездил на соревнования в Гомель, ходила пешком тренироваться от Московского вокзала до стадиона Локомотив. Дважды в областной газете печатались её фотографии. С 4 по 9 классы Катюша была бессменной старостой в своём классе.

В 1935 году у семьи появился небольшой участок земли в 2, 5 сотки, на котором они выращивали картошку, капусту. Женя работал технологом машинообмоточного цеха на электромашиностроительном заводе, а на женской части семьи лежала обязанность следить за хозяйством. «Лида стала мамой для нас, а Женин дом - нашей малой Родной», - вспоминает Екатерина Васильевна.

После высылки родителей в доме Лиды собиралась почти вся семья. Какое-то время здесь жил брат Платон вместе с женой и сыном. В 1931 - 1933 году вернулся Борис. В 1935 году его уволили с работы, узнав, что отец был репрессирован.

Началась Великая Отечественная война. Борис ушёл на фронт на 2-ой день войны. Прислал одно письмо с фронта, а через какое-то время пришла похоронка. Лида и Женя взяли сына Бориса Виталия к себе на воспитание. Платон, тоже живший в доме Лидии, первое время работал на заводе «Красный Маяк» в транспортном цехе, позднее был призван в армию и погиб в конце 1945 года, не успев демобилизоваться.

В войну Катерине было 18 с половиной лет, она окончила 9 классов. У девушки уже был военный билет, и она с гордостью могла сказать: «Я - солдат». Катерина прошла курсы медсестры, рвалась на фронт вместе со своей подругой. В госпитале они прошли практику ухода за больными.

Женю как опытного технолога перевели в Томск вместе с семьёй, где нужно было восстанавливать завод. Семья оставила в Ярославле за-

колоченный дом, думая, что отправляется на постоянное место жительства в чужой город. До Томска ехали целый месяц. На каждой крупной остановке состав загоняли в тупик и в первую очередь пропускали поезда в сторону фронта. В тупике, бывало, сидели подолгу. Наконец доехали до места. Выгрузили около завода, в котором были только стены и дверные проёмы, крыши не было, а ведь на дворе глубокая осень и зима на носу. Посредине этого «завода» стояли мангалы с каменным углём, разогретые докрасна, а по краям станки, и снег кругом. Расселили всех по разным местам: кого по квартирам, а семью Катерины в барской даче летнего типа. Дом тот был деревянный, двухэтажный, и жили они на первом этаже. Пытались отапливаться, но холод был страшный - на первом этаже вода замерзала на полу. Прожили они так месяц, Катя это время трудилась на эвакуированном заводе.

В январе 1942 года под Москвой началось контрнаступление, обстановка коренным образом изменилась. Женю вызвали в Ярославль. Вернулись.

Екатерину вызвали в военкомат. В школе №49 на ул. Свободы была организована инфекционная больница №3 - направили туда. Когда прорвали блокаду Ленинграда, в эту больницу везли зараженных сыпным тифом блокадников. Так Катерина и заболела тифом в возрасте 20 лет. Она была сильной, здоровой девушкой, ростом 170 см. «Мне всё нравилось. И топором колола дрова, и пилила. Каждое движение здорового тела было в радость. После тифа для меня началась другая жизнь. Я 15 дней лежала без сознания, потом оказалось, что я сильно кричала в бреду, падала с кровати. И тогда меня перевели в другую палату, отдельно от всех», - горько вспоминает она. Старшая медсестра кормила Катерину с ложки, а сама плакала от жалости к ней. После медленного выздоровления девушке дали бюллетень на 40 дней с разрешением на выезд в деревню для окончательной поправки. Но в деревне Бечихино дома уже не было. Ещё в 30-х годах его раскатали по брёвнам и перевезли в село Шопша, и, восстановив, устроили там школу. Она же сгорела ещё до войны.

В конце октября 1942 года Женя устроил Катю на свой завод ученицей обмотчицы. До 1946 года она работала обмотчицей и изолировщицей. Паёк у рабочего составлял 800 грамм хлеба. После войны в 1945-1946 годах Катя закончила 10-ый класс в вечерней школе рабочей молодёжи, сразу поступила на физмат ЯГПИ. Было 2 группы математиков и 2 группы физиков. Мальчишек почти не было. Война взяла своё. На лекциях сидеть ей было сложно, так как слабость часто брала верх, и она просто засыпала. Сил хватала на 20 минут. Она ходила, пошатываясь. Был такой момент, что она хотела бросить учёбу.

Но всё-таки продолжила, в 1950 году выпустилась из института. «Ректором тогда был Н.Н. Новиков. Мы его называли Н в кубе, - смеётся Екатерина Васильевна. - Он был очень хорошим человеком, умным и добрым. Мог заменить всех учителей. Он любил студентов.

После института Катерина работала старшим лаборантом в Сельскохозяйственном институте, пока тот в 1957 году не был переведен в другой город. Катерина перешла в Ярославский Медицинский Институт на кафедру физики старшим лаборантом и проработала там до пенсии.

Во время нашей беседы Екатерина Васильевна постоянно повторяла одну фразу: «Мне повезло в жизни...». Только сильный человек, неприхотливый и мужественный, может так говорить, пройдя сквозь все невзгоды и несчастья.

Что было в это время с родителями Кати, сказать сложно. Жили они без документов до 1946 года, поэтому выехать никуда не могли. Гибло народу в Магнитогорске очень много, в основном из-за голода. Семья Лиды, как могла, помогала отцу и матери. Продавали всё ценное, что было, покупали еду и отсылали в далёкий город. В 1946 году родителям выдали документы, и они могли свободно передвигаться по стране. В 1947 году Женя оформил документы, свидетельствующие о том, что он берёт маму и папу Кати на содержание, и они вернулись в Ярославль. Папа получал пенсию, а мама была очень больна. Много пережила эта сильная женщина: чёрную оспу, брюшной тиф и порок сердца. «Мать у меня очень верующая была, мудрая, её в деревне все уважали, любили. И сестра моя старшая, и отец, и мама кончили всего 4 класса при церковной школе. А разговор у них был совсем не деревенский», - радостью в глазах вспоминает Екатерина Васильевна.

В 1957 году умерла мама, прожив 73 года. Больная, она пролежала около 5 лет на одном правом боку. «Сейчас бы я её вылечила», - сетует Екатерина Васильевна. Отец прожил до 90 лет и умер в 1971 году.

Старшая сестра отца, Елена Ивановна Валова, после окончания акушерских курсов, ещё до революции, была приглашена сиделкой к Фёдору Алексеевичу Некрасову, брату Николая Алексеевича Некрасова, в усадьбу Карабиха. Она жила в его доме в течение нескольких лет, до его кончины. В гости к Елене Ивановне ездили отец Екатерины и сестра Лидия. За самой Еленой Ивановной ухаживал фотограф из Ярославля, и в фотоархиве Лидии оказались посмертные фотографии Фёдора Алексеевича и совместные фотографии Фёдора Алексеевича и Елены Ивановны. Таких не было в музее. «Моя дочь и внучки

1 февраля 2008 года передали их в собственность музея», - с гордостью говорит Екатерина Васильевна.

Личная жизнь Екатерины Васильевны стала складываться в 28 лет, она «встретила свою половинку» - Анатолия (1919 года рождения). Он со своими братьями ходил на танцы в Институт, где училась Екатерина. Расписались. Свадьбу сыграли 2 мая в 1950 г. «Муж у меня был удивительным человеком. Все его любили и плохого слова про него не говорили», - с удовольствием отметила Екатерина Васильевна.

До встречи с Екатериной судьба Анатолия тоже не баловала. Когда его призвали в армию, он попал в Сталинградское училище связистов. Война началась, а он не успел его закончить. Училище перевели на Урал, где Анатолий прошёл экстренное обучение, получил звание лейтенанта, и сразу был отправлен на фронт. Ему было 23 года. Его рота попала в окружение к немцам. Бойцы хотели пробиться к своим, но не удалось, многих убили. Днём Анатолий и его товарищ уснули и были схвачены немецкими солдатами. 3 года был Анатолий в плену в разных лагерях. Пытался бежать, да не вышло: отправили в лагерь смертников. Врач - француз, который, видя страшное положение русских пленных, подкармливал солдат. Анатолий был освобожден русскими. Шли освобождённые военнопленные самостоятельно до тыловых пунктов, через покинутые деревни. Его наконец-то отправили домой. А тех, кто был освобождён американцами, отправили в Сибирь на 10 лет.

Пришёл Анатолий домой худым и больным. При росте 170 см весил 57 кг. Прожили Екатерина и Анатолий 35 лет, ни разу не ругались. Муж ласково называл свою любимую жену «Катена». Екатерина Васильевна оказалась счастлива в семье, в своем маленьком мире. Когда дети были маленькими, Екатерине Васильевне было очень тяжело вести одно хозяйство, поэтому муж взял няню ей в помощь. Няня прожила в семье 17 лет и стала для них родным человеком.

Екатерина Васильевна вырастила сына и дочь. Правда, рано потеряла мужа, лишившегося в немецком плену здоровья.

Сейчас Екатерина Васильевна живёт со своей большой и дружной семьёй в доме, где всем хватает места. Дочь, Софья Анатольевна, окончила школу редких профессий, работала одно время там мастером производственного обучения группы гравёров. С 14 лет посещала театральную студию. Руководила драматическим театром в Детском Доме Культуры Моторного завода. Родила троих детей: Руслану, Дарью и Арсения. Талантливые растут ребята. Две сестры, Руслана и Дарья, как одно целое, делают всё вместе, хоть и разница у них 1,5

года. Учатся в индустриально - педагогическом колледже на специальности «изобразительное искусство и черчение с дополнительной подготовкой в области декоративно-прикладного искусства и народных промыслов». Можно даже сказать, что они прирождённые художницы. Собираются пойти по стопам бабушки и работать в школе. А ещё они поют на клиросе в церкви Благовещенья в Норской слободе. Арсений помогает батюшке. Арсений отличается интересным складом ума и строптивым характером. «Этим он похож на моего отца и брата Платона», - говорит Екатерина Васильевна. Сын Екатерины Васильевны, Борис Анатольевич, работает слесарем-электриком на Заводе дизельной аппаратуры в цехе по ремонту оборудования. Его сын Анатолий, внук Екатерины Васильевны, заканчивает МУБИИТ по специальности «бухгалтерский учёт».

Наверное, самое главное в жизни - это любовь и тепло, которое дарят тебе близкие и родные люди.

**Романова Наталья Аркадьевна о своём отце
Романове Аркадий Михайловиче**

*Дорогому Аркадию Михайловичу,
величайшему Человеку, чей светлый образ
навсегда сохранится в моем сердце.
Ярославль, 17 октября 1944 год*

Автор этих строк - один из учеников Аркадия Михайловича, для которого его уроки стали этапом в становлении личности, а учитель литературы - наставником и другом. Несмотря на успешную педагогическую карьеру, Аркадию Михайловичу пришлось разделить судьбу

бу многих советских интеллигентов, пострадавших от политических репрессий.

Аркадий Михайлович Романов родился 18 января 1897 года в селе Новоселки Паньковские Ростовского р-на. Отец умер в 1905 году, когда маленькому Аркадию было 8 лет. Семья была вынуждена переехать в Ростов, где мальчик в 1915 году закончил Кекинскую гимназию с золотой медалью и в этом же году поступил в МГУ на историко-филологический факультет, где весь первый год учился отлично. Однако в 1916 году, в связи с участием России в I Мировой войне, студенты были мобилизованы в армию. Аркадий Михайлович был направлен в 4 Московскую школу подготовки прапорщиков пехоты, откуда в феврале 1916 года был командирован в 206 пехотный запасной полк, стоявший в Ростове. Он работал в Культпросветкомиссии 206 полка до 1920 года, а потом был редактором «Известий Мышкинского уездного исполкома». В благодарственной грамоте неоднократно подчеркивается его «доброе, гуманное и товарищеское отношение к рабочим», которые были покорены его отзывчивостью. Председатель Исполкома даже в 1919 году ходатайствовал перед центральной Московской Комиссией по учету бывших офицеров о «предоставлении ему отсрочки от призыва в ряды войск, как незаменимому работнику и специалисту». Однако ходатайство было отклонено, и Аркадий Михайлович был призван в Красную Армию и направлен в 6-пехотный полк МВО, где служил в качестве Председателя Культпросветкома, откуда вскоре был переведен в Культпросветком армии Кавказского фронта.

Вернувшись в родной Ростов, Аркадий Михайлович с сентября 1921 по июнь 1922 годов был режиссером Ростовского городского театра. В 1922 году он поступил в Ярославский педагогический институт на литературно-лингвистическое отделение, которое окончил в 1926 году с красным дипломом. Вернувшись в Ростов, работал в школе преподавателем русского языка. С 1928-1932 гг. был приглашен в качестве преподавателя русского языка и литературы в ростовский педагогический техникум, где познакомился с Клавдией Николаевной, тоже учительницей, и создал с ней семью. Через год Аркадия Михайловича пригласили в ярославский педтехникум, где он преподавал и вел драматический кружок. Помимо этой деятельности талантливый педагог успевал проводить уроки в 33 школе им. К.Маркса, руководил кружком самодеятельности учителей в доме работников просвещения и вел курсы повышения квалификации учителей по методологии языкознания и литературе XIX века. Планов у

Аркадия Михайловича было много, но, к сожалению, им не суждено было сбыться. 4 апреля 1934 года он был арестован по ст. 58 п. 10-11.

Его жена, Клавдия Николаевна, вспоминает тот страшный день: «17 февраля 1934 года прямо с репетиции в доме работников просвещения Аркадия Михайловича вызвали в фойе. Мы спустились вместе. Там стояли двое в штатском. Один сразу увел Аркадия Михайловича, а второй пошел со мной обыскивать квартиру. Конечно, ничего не нашли. В тот же день были арестованы еще несколько человек. В их числе замечательный методист и завуч училища В.С. Царапкин. Его жена, Ольга Акимовна, решила вместе с другими женами арестованных ехать в Иваново, в то время административный центр Ивановской промышленной области, куда с 1929 по 1936 год вошла Ярославская губерния, и хлопотать о пересмотре дел. С такими, как эти женщины, не церемонились. Комната, предназначенная для свиданий, была совсем маленькой. Следователь все время кричал. Вскоре раздалось неумолимое: «Свидание окончено!». Аркадия Михайловича увели, а следователь просил подписать Клавдию Николаевну какую-то бумагу, взглянув на которую, женщина сразу поняла, что это оговор на многих ее знакомых из Ярославля. Она наотрез отказалась что-либо подписывать, но с ней все же провели еще несколько бесед, обещая смягчить мужу приговор. Бедную женщину издевки следователя довели до того, что она схватила со стола тяжелую чернильницу и швырнула ее в это ненавистное лицо. Чернильница ударилась о стену, оставив на ней большое фиолетовое пятно. Клавдию Николаевну отпустили, но следователь в феврале 1934 года затаил на нее злобу. Жены арестованных во главе с Ольгой Акимовной отправились за правдой в Москву. Но там на их прошение был заранее готов ответ: «Пересмотру не подлежит». Вскоре Клавдия Николаевна узнала: Аркадия Михайловича сослали на юг Казахстана. Она, как и другие жены ссыльных, отправилась за мужем в Чимкент. В маленьком городе на юге Казахстана оказались очень известные люди: автор школьного учебника по географии Баранов, бывший ярославский губернский архитектор Г.В. Саренко, знаток русской литературы А.М. Суворовский, преподаватель математики М.К. Студецкий. Аркадий Михайлович стал неофициальным завучем местной школы, официально же числился другой человек. Клавдия Николаевна вела начальные классы, тоже неофициально. Эти годы не вошли им в стаж, как будто и не было их, а они были...

На протяжении времени ссылки дочь Клавдии Николаевны и Аркадия Михайловича Наталья Аркадьевна находилась в Ростове у бабушки. Ей было всего 2 года, когда папу взяли. О том, что случилось,

она ничего не знала, даже называла бабушку мамой. Вернувшись домой в 1937 году, отец ничего не рассказывал родным и близким, а его ученики тем более ничего не знали о прошлом их любимого учителя.

С 1937-1939 годы Аркадий Михайлович жил в селе Красное на Волге, поскольку ему было запрещено пребывание в крупных городах. Там он преподавал в школе художественной обработки металлов. Ученики его очень любили и называли лучшим учителем школы.

В 1939 году семье все же удалось вернуться в Ярославль. Заведующий ГОРОНО посодействовал Аркадию Михайловичу и устроил его в школу № 22, где он проработал до конца жизни. Конечно, это была самая отдаленная на тот момент городская школа на Липовой горе. Поначалу вся семья жила прямо в помещении школы - все в одной комнате. С 1939-1941 годы Аркадий Михайлович преподавал русский язык и литературу в старших классах, с 1941-1945 годы был заведующим учебной частью и учителем русского и немецкого языков, а с 1945 года и до конца жизни талантливый учитель занимал пост директора школы, продолжая вести русский и немецкий языки. Его и здесь любили все ученики, учителя называли «ходячей энциклопедией» за готовность заменить преподавателя по любому предмету. Это был истинный эрудит, который знал немецкий язык и латынь, читал в подлиннике древнеримских поэтов и писателей. С открытием Ярославского медицинского института Аркадий Михайлович был приглашен туда преподавать латинский язык. Он успевал везде. 10 ноября 1956 года его дело было пересмотрено и отменено за отсутствием состава преступления.

Помимо глубоких академических знаний Аркадий Михайлович был светлым, солнечным человеком высочайшей нравственной чистоты. Под обаянием его личности находились не только ученики и учителя, но и родители учеников. «Каждый, кто видел папу, - вспоминает его старшая дочь Наталья Аркадьевна, - всегда чувствовал удивительную доброту. Он был очень деликатным, скромным, мягким человеком, но беззащитным перед хамством. Наш дом был всегда открыт, папа не делил людей на бедных и богатых, хороших и плохих - он ко всем был одинаков». Его бывшие ученики не забывали его даже в самые тяжелые моменты своей жизни и писали письма с фронта. 3 апреля 1943 года Миролубов, один из его учеников, написал: «Часто вспоминаю я школу и ее воспитателей. 10 класс. Драмкружок. "На дне", "Мать" и другие инсценировки. Это самое лучшее, что осталось от воспоминаний и в центре всего этого Вы Аркадий Михайлович!». К нему обращались как к «лучшему из лучших» с просьбами помочь в решении жизненных ситуаций.

Сама же Наталья Аркадьевна была ученицей своего отца: сначала училась в его классе, закончила школу с серебряной медалью. Потом решила пойти по его стопам и окончила Ярославский педагогический институт им. К.Д. Ушинского с красным дипломом. И все же прошлое нет-нет, да и напоминало о себе. Подчас самым грубым и бессовестным образом. Серебряную медаль Наталья Аркадьевна так и не получила, а после окончания института рекомендация ее в аспирантуру была отклонена. Она преподавала в школе №21, вечерней школе при заводе №8, в институте усовершенствования учителей. Наталья Аркадьевна очень любила школу, тоже руководила драмкружком, и ученики к ней относились так же, как к папе.

Аркадий Михайлович умер в 1963 году. Это был человек, жизнь которого прошла ярко и насыщенно. Он занимался делом своей жизни - преподавал, учил детей, сеял в их сознании Разумное, Светлое, Доброе. «Но я всегда Вас помню. Вас невозможно забыть, дорогой Аркадий Михайлович. И не любить Вас тоже нельзя. Мы все Вас очень любим», - написал один из учеников своему учителю. Это высшая награда для преподавателя - любовь своих учеников. Аркадий Михайлович получил ее, несмотря на все трудности жизни. Выше этой награды может быть только сама жизнь.

Седова Людмила Александровна

Людмила Александровна Седова родилась в 1933 году в городе Кронштадте в благополучной и весьма обеспеченной семье. Её отец, Александр Болеславович Горский, служил в должности помощника начальника штаба бригады МПВО береговой охраны, имел звание капитана II ранга. Мать, Таисия Флавиановна Горская, вела домашнее

хозяйство и занималась воспитанием двоих детей: у Людмилы был старший брат Владимир, 1927 года рождения.

Но всё изменил 1937 год. В Кронштадте, как и по всей стране, начались массовые аресты военных командиров. Об этих страшных событиях Людмила Александровна знает лишь по рассказам мамы и брата. Сама она мало что помнит, ведь ей тогда было всего 4 года. «Мама говорила, - вспоминает Людмила Александровна, - что каждый день, приходя с работы, отец рассказывал ей о новых арестах».

Горе с пугающим постоянством врвалось в дома жителей Кронштадта. Арестовывали то одного, то другого. А 13 сентября 1937 года беда пришла и в дом семьи Горских. Накануне той страшной ночи, когда арестовали Александра Болеславовича, мать Людмилы Александровны увидела сон, в котором её муж якобы тонул и звал её на помощь, а она не смогла его спасти. Как оказалось, сон был вещим. На следующую ночь в квартире Горских раздался стук в дверь. Людмила Александровна рассказывает: «Папа открыл. Вошли трое и предъявили ордер на арест. Затем начали обыск по всей квартире. А мама всё просила их быть потише. Она не хотела, чтобы мы с братом проснулись от шума и увидели своими глазами то, что творилось в нашей квартире. Эти трое с неописуемым рвением пытались что-то найти. Перетряхнули всё: белье, книги, бумаги, игрушки - и безуспешно. Даже перевернув весь дом, они ничего не нашли. После надели на руки отца наручники, посадили в машину и увезли в неизвестном направлении. Перед уходом папа попросил разрешения попрощаться с женой и детьми. Он поцеловал нас с братом, обнял маму и сказал ей: « Не расстраивайся. Я ни в чём не виноват. Во всем разберутся, и я вернусь. Детям скажи, что я уехал в командировку». Но больше мы его не видели. Он не вернулся. Мы с братом постоянно спрашивали маму, почему папа так долго не возвращается из своей командировки. Через некоторое время ей пришлось сказать нам правду: папа арестован».

После ареста мужа Таисия Флавиановна каждый день ходила в тюрьму, чтобы передать ему самые необходимые вещи и продукты. Но всё было тщетно: ничего не принимали. Вскоре ей удалось встретиться со следователем, который вел дело Александра Болеславовича. Увидев её, убитую горем, он всё - таки разрешил принести для него мыло, зубную щетку, зубной порошок, полотенце, сменное белье и немного продуктов. Она попыталась узнать, за что же его посадили. Но в ответ на самый главный для всей семьи Горских вопрос мать Людмилы Александровны услышала лишь невнятное: «Пока идет расследование, я сказать Вам ничего не могу».

«Когда мама пришла на прием в следующий раз, - продолжает Людмила Александровна, - принимал уже другой следователь. Обратившись к нему, она объяснила, что принесла передачу для мужа. Но в ответ услышала страшный крик: «Никаких передач Вашему мужу не будет, так как он является врагом народа. А тот, кто обещал Вам помочь, арестован по тем же обвинениям, что и Ваш муж». После этого следователь просто выгнал её из кабинета.

Таисии Флавиановне удалось узнать, что Александра Болеславовича перевели в одну из Ленинградских тюрем, но в какую именно - неизвестно. Она поехала в Ленинград и обратилась в НКВД с единственным вопросом: где находится её муж. Ей ответили, что он осужден на 10 лет по 58 - ой статье (без права переписки как враг народа), поэтому место его нахождения они сообщить не могут. «На всю жизнь, - продолжает свой рассказ Людмила Александровна, я запомнила то время, когда мы втроем ходили к тюрьме, в которой временно находился папа. Мама смотрела куда - то вверх на одно из окон, из которого отец показывал ей буквы, видимо составляя из них слова. А она всё плакала и кивала головой. После ареста отца мы остались без средств существования. Так как мама считалась женой врага народа, её не принимали на работу. Чтобы хоть как - то прокормить нас с братом, она стала продавать вещи на рынке. Так мы жили до декабря 1937 года.»

В конце 1937 года Таисию Флавиановну вызвали в НКВД, где заявили, что она должна вместе с детьми в течение трех суток выехать из Кронштадта: город являлся пограничной крепостью, и семья «врага народа» не имела права в нем проживать. Из всех городов, которые были предложены ей как места будущей административной высылки, мать Людмилы Александровны выбрала Ярославль, так как он располагался в относительно близости от Москвы, где жили её сестры. Тут же в НКВД у Таисии Флавиановны отобрали паспорт, вместо которого выдали временное удостоверение, необходимое для регистрации по месту жительства.

«В Ярославль, - вспоминает Людмила Александровна, - мы приехали 2 января 1938 года. Без паспорта мама не могла устроиться на работу, снять жилье, поэтому целыми днями мы бродили по улицам города. Ночевать нам приходилось на Московском вокзале. В те морозные январские дни мы спали на холодном полу, а мама сидела рядом и всё время плакала. И только однажды ей удалось попасть на ночлег в Дом Крестьянина, который находился тогда на улице Трефолева. Впервые за три месяца мы спали на кроватях». И сейчас при виде Московского вокзала перед глазами Людмилы Александровны

всплывают картинки тех страшных дней, которые она провела здесь холодной зимой 1938 года.

Теперь в Ярославле Таисия Флавиановна каждый день приходила в милицию, чтобы получить паспорт, но постоянно слышала отрицательный ответ. Тогда она обратилась в НКВД города Ярославля и попросила выдать ей временный паспорт, чтобы иметь возможность устроиться на работу и снять хоть какой - нибудь угол. Однажды Таисия Флавиановна встретила знакомую, которая когда - то жила в Кронштадте. Но после ареста мужа, который был сослуживцем Александра Болеславовича, их семья тоже была административно выслана в Ярославль. «Эта тетя Клава, мамаина знакомая, - рассказывает Людмила Александровна, - привезла нас к себе, в поселок Дядьково, где вместе с детьми снимала комнату. Хозяйка квартиры согласилась пустить нас. Так мы стали жить все вместе: мама, брат и я, тетя Клава с двумя детьми, хозяйка и её сын с семьей. Несмотря на сложности быта (ведь туалет и колодец находились на улице, а готовить и вовсе приходилось по очереди), мы были крайне признательны и тете Клаве, и хозяйке, благодаря которым мы могли жить в сравнительно благоприятных условиях».

Вскоре Таисия Флавиановна получила трехмесячный паспорт, после чего она наконец - то смогла прописаться и устроиться на работу на Бондарный завод машинисткой, где и трудилась до самой пенсии. В 1956 году семье Горских дали маленькую, всего 12 квадратных метров, комнату в женском заводском общежитии, но они были рады и этому собственному жилью.

В 1958 году Александра Болеславовича реабилитировали посмертно. Его семью поставили в очередь на лучшее жилье, и уже в апреле 1958 года они получили отдельную двухкомнатную квартиру с печным отоплением. Людмила Александровна вспоминает: «Живя на съемных квартирах, приходилось терпеть всякое унижение. Некоторое время мой брат работал слесарем в цеху Бондарного завода, начальником которого был хозяин последней квартиры, где мы жили. Всякий раз, когда у Володи что - то не получалось при ремонте станков, он повторял: «Не забывай, кто твой отец. Ты тоже можешь оказаться там». И маме при любом случае напоминали, что она жена врага народа. Во время Великой Отечественной войны она работала не только машинисткой, но и секретарем директора. Занимала должность начальника отдела кадров, заведовала заводской библиотекой, выдавала карточки на питание и вела секретную документацию завода. Однажды, уже после войны, на завод пришли американские вещи, которые распределялись между работниками как гуманитарная по-

мощь. Не получив ничего, мама решила узнать, в чем же дело. Ей объяснили, что для неё вещи не были выделены, так как она является женой врага народа. Мама запротестовала, и только после этого ей выдали юбку и кофту. Эти вещи были нам очень нужны, поскольку мы ужасно обносились, и часто мама одну вещь перешивала в другую. Нередко подрабатывала тем, что вечерами, а порой даже ночами шила для людей, которые её просили об этом».

Словом, жизнь семьи Горских и во время войны, и после неё была крайне тяжелой. Нередко они просто голодали. Людмила Александровна рассказывает: «По весне мы с братом ходили на поля, выкапывали мороженую картошку, из которой мама пекла нам лепешки, так называемые чибрики».

Таисия Флавиановна очень опасалась за будущее своих детей. Людмила Александровна: «Мама постоянно повторяла нам, что мы не должны говорить ничего об отце. Уже работая на заводе в течение долгого времени, я не знала, что со мной трудятся такие же, как и я «дети врагов народа».

Таисия Флавиановна не прекращала делать запросы о судьбе своего мужа, но по - прежнему получала один и тот же ответ: «жив, место нахождения сообщить не можем». Ситуация начала меняться только после XX съезда КПСС. Её заявление, написанное на имя Н.С. Хрущева, было рассмотрено сначала в Прокуратуре, а затем в Верховном Суде СССР. Через некоторое время Таисия Флавиановна получила письмо из Военной Прокуратуры Киевского Военного округа и справку, в которой сообщалось, что её супруг, Горский Александр Болеславович, реабилитирован. Но данные о его судьбе по - прежнему отсутствовали, поэтому для дальнейшего рассмотрения дело было направлено в Управление КГБ Ленинградской области, откуда в скором времени было получено свидетельство о смерти. Таисия Флавиановна обратилась в Ярославский Областной Военкомат, куда было выслано личное дело её мужа, где ей сообщили, что она может получить двухмесячную заработную плату за супруга, а также вернуться в родной город Кронштадт.

«Мама, - продолжает Людмила Александровна, - не решилась на переезд, так как мы уже прижились в Ярославле. Получив двухмесячную заработную плату, она купила электрическую швейную машинку, одежду для нас с братом и для себя и немного денег оставила на продукты. Именно тогда нас поставили в очередь на жилье, и в 1958 году мы получили собственную двухкомнатную квартиру. Только спустя 20 лет мы узнали, что отец при отсутствии вины был посмерт-

но реабилитирован. Но за что он был арестован, нам по - прежнему было неизвестно.

Измученная Таисия Флавиановна заболела экземой, перенесла инфаркт и два инсульта. Она умерла 19 апреля 1987 года в возрасте 82 лет. «Мама не хотела ворошить прошлое, - рассказывает Людмила Александровна. Она была абсолютно уверена в том, что отец ни в чем не виноват. Поэтому только после её смерти мы с братом всё - таки начали поиски документов отца, чтобы узнать, за что арестован, где похоронен».

Владимир Александрович и Людмила Александровна обращались в Ярославский Областной Военкомат, Министерство Безопасности города Ленинграда, откуда они получили письмо, в котором сообщалось, что уголовное дело их отца, Александра Болеславовича Горского, находится в Министерстве Безопасности Литвы, куда оно было выслано 25 ноября 1965 года. Министерство Безопасности Литвы в ответ на письмо, отправленное Владимиром Александровичем и Людмилой Александровной, выслали копии документов из архивного уголовного дела на 13 листах и акт под грифом «Совершенно секретно», в котором содержалась информация о том, что Горский Александр Болеславович был расстрелян 16 декабря 1937 года. Свидетельство о смерти, выданное ранее Таисии Флавиановне, содержавшее указание на то, что её муж, Горский Александр Болеславович, умер 16 августа 1942 года от абсцесса мозга, оказалось ложным. В течение двух лет Владимир Александрович и Людмила Александровна собирали документы о своем отце. На основании этих документов ими были получены справки, подтверждающие, что они являются пострадавшими от политических репрессий, а чуть позднее - справки о реабилитации. Вместе с братом Людмила Александровна делала запросы о месте захоронения отца, но, к сожалению, архивные данные не сохранились. «До самой своей смерти, - заканчивает свой рассказ Людмила Александровна, - брат мечтал найти могилу отца. Но его мечта так и не осуществилась. Жена брата, отец которой тоже был арестован, но, к счастью, вернулся, была также реабилитирована. Наша жизнь наладилась, однако те страшные события, что пришлось пережить нашей семье после смерти отца, навсегда остались в моей памяти».

Смирнова Нина Фёдоровна

Нина Фёдоровна Смирнова родилась в 1939 году. И до её рождения, и после семья переживала потерю отца. Фёдор Григорьевич Козлов родился в 1902 году в селе Шишовка Бобровского района Воронежской области. Мать Нины, Наталья Андреевна, так же, как и её будущий муж, родилась в 1902 году. Прослужив в Баку до 1927 года, Фёдор Григорьевич вернулся домой, где его ждали братья и сёстры, и стал главой семьи. Семья держала мельницу. Козловы работали дружно, наёмным трудом не пользовались, а все обязанности были распределены между членами семьи. В 1929 году началось раскулачивание, и всё имущество было отобрано: хата, два гектара земли, два рубленых амбара, лошадь, сад, овцы. А когда пришли за коровой Наталья Андреевна упала в обморок, выронив из рук ребёнка. Мельницу передали колхозу, а мать с четырьмя малолетними детьми скиталась по чужим дворам, соседи помогали чем могли: носили в сарай, где жила Наталья Андреевна с детьми, молоко и хлеб. С раскулаченными даже нельзя было разговаривать, и все чего-то боялись.

Арестованных увозили в вагонах для скота, многих расстреливали, не довозя до вокзала. Отца тоже могли расстрелять, но он был мастером на все руки и, когда начали распространяться вши, он оказался единственным человеком, который мог стричь волосы.

Когда сменился председатель сельсовета в 1932 году, матери разрешили жить у её родителей.

В 1932 году в Воронежской области началась засуха, неурожай и суховей. Люди пухли и умирали от голода. Ели лебеду и крапиву, и отец торопился уехать оттуда. В 1933 году С. И. Шишлов, армейский сослуживец, помог Фёдору Григорьевичу переехать в Ярославль. Они пилили лес. В том же году отец перевёз туда свою семью. Козловых поселили в комнате в бараке в посёлке Дьдково в районе судоверфи.

25 сентября 1940 года случилась новая беда: отец, будучи столяром судостроительного завода №345, был внезапно арестован и осуждён по ст. 58 ч. 1 УК РСФСР, приговорён к семи годам лишения свободы как «враг народа». Судила его тройка в Сером доме, а свидетелями были те, кто принимал участие в раскулачивании, В. Антреков и А. Касаткин, уроженцы села Шишовка, которых Фёдор Григорьевич спас от голода и помог переехать в Ярославль.

Когда отца забрали, Нине Фёдоровне был год. У неё было пять братьев: Василий (1923 года рождения) – инвалид с детства; Иван (1924 года рождения) – участник Великой Отечественной войны, 40 лет проработал автоинспектором в Ярославле; Николай (1929 года рождения) с 15 лет работал на судостроительном заводе; Валентин (1936 года рождения).

«Мать пролила реки слёз. Мы боялись стука в дверь, жили в бедности, подвергались унижительным преследованиям на улице и в школе. В нас тыкали пальцем. Моих пятерых братьев не брали в военное училище. В годы Великой Отечественной войны детям выдавали тёплые кофты и валенки, а нам, как детям «врага народа», этого не полагалось», – вспоминает Нина Фёдоровна.

В 1947 году отца отпустили, но ему не разрешили жить в городе. Он должен был жить и работать за сто один км. от города. Но зато семья была одета и сыта. А в 1961 году Фёдор Григорьевич был реабилитирован, и его дело было прекращено Верховным судом за отсутствием состава преступления. До своей смерти он работал в музее Некрасова в Карабихе, восстанавливая его. Умер Фёдор Григорьевич от гангрены, которую получил в тюрьме.

Нина Фёдоровна была признана пострадавшей от политических репрессий. Она закончила 10 классов в школе №21, позже поступила в Горьковский Радиотехнический техникум. Работала на Радиозаводе регулировщицей, а потом технологом по радиоаппаратостроению с 1960 по 1973 года. В 1965 году вышла замуж за Владимира Сергеевича Смирнова. По семейным обстоятельствам ушла с работы в отделение Северной железной дороги продавцом и до пенсии работала там.

У Нины Фёдоровны не было жилья 15 лет. После долгого ожидания в 1969 году ей дали комнату без удобств в частном доме напротив таксопарка. Жить там было невозможно: из-за постоянной сырости дети всё время болели.

В 1985 году Нине Фёдоровне дали квартиру. Помог В.А. Ковалёв, которых был сначала директором судостроительного завода, а потом зампредседателем горисполкома. «Он знал всю нашу семью. Все братья мои, и отец, и мать работали у него. Я рассказала ему о своей про-

блема, и он помог. Низкий поклон ему за это!», - радуется Нина Фёдоровна.

Теперь Нина Фёдоровна много времени проводит с двумя любимыми внуками, занимается рисованием, вышивкой и лоскутной техникой. Уже организовала 3 выставки для пенсионеров. Надеемся, их будет гораздо больше.

Субботина Галина Константиновна

Субботина Галина Константиновна родилась в 1940 году в Архангельской области. Семью ее отца, Юникова Константина Михайловича, а следовательно, и саму Галину Константиновну самым непосредственным образом коснулись репрессии 30-х годов XX века. Галина Константиновна Субботина - дочь осужденного по 58 статье «врага народа» - поведала нам историю нелегкой судьбы семьи Юниковых.

«Мой отец, Юников Константин Михайлович, родился в 1911 году в большой трудолюбивой семье: дедушка Михаил Владимирович, бабушка Ольга Алексеевна, старший сын Виктор Михайлович, дочь Раиса и самый младший сын Константин», - сообщает Галина Константиновна.

Жила семья Юниковых в селе Солодовка Волгоградской области.

«Я считаю, - говорит Галина Константиновна Субботина, - работающие люди никогда не пропадут!». У Юниковых была большая трудолюбивая семья, они имели крепкое хозяйство, построили дом. Но в 1929 году Михаила Владимировича раскулачили и отправили на спецпоселение в Архангельскую область. Отцу Галины Константиновны было тогда 18 лет. По постановлению СНК и ЦИК СССР от

1.02.1930 года он, Юников К.М., был репрессирован по политическим мотивам и в административном порядке признан лицом социально опасным по классовому признаку».

Михаил Владимирович писал письма в Москву с просьбами не трогать семью. Но никто не посчитался с ним, и в 1930 году семья Юниковых также отправили на спецпоселение в Архангельскую область. Везли поселенцев в товарных вагонах. Ранняя весна. Холодно. Голод. Многие умирали. Охрана останавливала вагоны и выбрасывала трупы. Во время переезда дедушка простудился, болел потом 6 лет.

На спецпоселении жили в бараках. Виктора Михайловича поселили вместе с беременной женой, отец которой был заслуженным красным кавалерийским командиром. Так как Михаил Владимирович сильно болел, ему с Ольгой Алексеевной выделили свой угол. С Раисой Константиновной случилось несчастье: она не могла смириться с несправедливостью по отношению к ее семье, перенесла тяжёлый нервный срыв и долгое время находилась в психиатрической больнице. Константина поселили в бараке с другими ссыльными. По его воспоминаниям, спали ссыльные в неотапливаемых бараках на полу, прижимались друг к другу, чтобы согреться. А когда утром просыпались, находили немало умерших от холода. Работали на лесоповале. Все, что зарабатывал, Константин отдавал отцу и матери, поддерживал их, а сам часто голодал. Он приходил в столовую, где обедали люди, и ждал, когда кто-нибудь оставит ему хоть какие-нибудь крохи в тарелке. Так Константин боролся за свою жизнь.

В 1936 году умер Михаил Владимирович. В том же году спецпоселенцев стали рассылать по разным лесопунктам. Семья Юниковых попала в поселок на реке Емцы. Приехали и сразу же стали обживать. Заниматься постройкой дома приходилось после тяжелого рабочего дня, ночью. Дома возводили из гнилых шпал, которые им продавали на железной дороге. Обмазывали постройки глиной, и получались такие «украинские хаты». «Я родилась в такой хате», - вспоминает Галина Константиновна.

Здесь и встретился Константин с комсомолкой Зинаидой Изюмовной. Поженились в 1938 году. После того, как они стали жить вместе, Зинаиду выгнали из комсомола, а потом и с работы, таким образом поставив клеймо «жены врага народа». В 1940 году родилась Галина Константиновна - единственный ребенок в семье.

«Мой папа был очень талантливый человек, на все руки мастер», - вспоминает Галина Константиновна. Константин Михайлович мог отремонтировать все: часы, ружье, технику. К нему уважительно относились начальство. Константин Михайлович Юников занимался с

молодыми рабочими, учил их, морально поддерживал. За свое доброе сердце Константин Михайлович получал много писем с теплыми словами: «...Вы нам помогли выжить ... спасибо».

Рядом с поселением был лагерь для политзаключенных. Семья Юниковых никогда не отказывала нуждающимся в помощи. Был огород, выращивали картофель. «Мама варила картофель в мундире, складывала в узелочек, и мы относили его осужденным в лагерь, помогали, - вспоминает Галина Константиновна. - А когда осужденных освобождали, они приходили к нам и благодарили за помощь».

У Виктора Михайловича была очень большая семья: 9 детей. Поэтому Константин Михайлович время от времени брал кого-нибудь из детей к себе. Когда родители были на работе, дети ходили в лес за грибами и ягодами, сами ели и родителям приносили.

Интересно то, что, несмотря на тяжелые рабочие будни, спецпереселенцы организовывали драмкружок. В одном из бараков сделали клуб, где проходили концерты. Все жители поселка собирались в этом клубе. Галина Константиновна читала там стихи. А дома у Юниковых проходили репетиции.

Но за ссыльными всегда был надзор. Тяжело было жить под постоянным контролем, ведь даже на выезд в больницу требовалось разрешение.

Когда началась война, Константин Михайлович работал на Шпалозаводе.

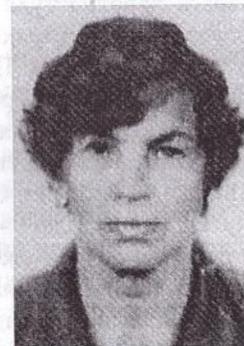
Однажды ему принесли сломанный приемник. Он его отремонтировал. Воспользовавшись случаем, попросил у начальства провести радио в поселке. Разрешили. Константин поставил радиоточки в поселке, а у себя в доме устроил радиоузел. Для ведения радиопередач нужен был диктор. Зинаиде Изофимовне предложили стать диктором. Она вела радиопередачи о положении на фронте.

Однажды в дом к Юниковым пришли военные и попросили пораньше включить радио, ведь война закончилась победой. Спецпереселенцы ликовали со всем народом. А Константину Михайловичу вручили медаль за работу в тылу.

В 1948 году Константин Михайлович Юников был восстановлен в гражданских правах, и семья сразу же постаралась переехать. Дочери Галине необходимо было учиться, а в местной школе было только 4 класса. Семья переехала в Кинешму, а в 1954 году - в Ярославль. Сначала Галина Константиновна поступила в педагогическое училище города Рыбинска. Окончив его, с 1959 года работала в детском саду, а потом в Детском доме.

В 1970 году Галина Константиновна вышла замуж, родила двух сыновей. Сегодня Галина Константиновна счастливая бабушка: у нее три внука.

Галину Константиновну Субботину никогда не оставляла надежда добиться правды и справедливости в отношении ее отца Юникова К.М. Ведь до 2000 года Галина Константиновна Субботина скрывала прошлое своей семьи, боялась людского осуждения. Справка о реабилитации Юникову К.М. была оформлена 8 января 1999 года. В ней говорилось: «На основании пункта «в» ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» гражданин Юников Константин Михайлович реабилитирован». Умер Константин Михайлович Юников в 2007 году.

Сутеева Людмила Александровна

Отца Людмилы Александровны звали Александр Алексеевич Бутырин, родился он в 1905 году в деревне Василёво Ярославского района Ярославской области. Александр Алексеевич был участником финской войны, а позже работал председателем сельского совета. Перед Великой Отечественной войной, обучая военному делу молодых солдат, в качестве учебных пособий использовал винтовки и штыки. Однажды, когда Александр Алексеевич поехал отдавать инвентарь, он потерял один штык, и это посчитали государственным преступлением. Он был арестован 11 октября 1939 года, а 27 апреля 1940 года осужден по статье 58 УК как «враг народа». До 1942 года он пребывал в заключении в Ярославле, а затем был переведен в Горький, в психиатрическую больницу, где и скончался.

Когда Александра Алексеевича забрали, его жене, Ольге Васильевне, было приказано освободить за ночь дом, и семья вынуждена была переехать в деревню Поповское, где проживали в небольшом домике бабушка и дедушка. Ольга Васильевна была беременной, да к тому же на руках с двухлетней дочкой Валентиной. Она много раз ездила в Ярославль, слёзно просила о свидании с мужем, но ей в просьбах все время отказывали.

Дочь Людмила появилась на свет уже в Поповском в 1940 году, а отец даже не знал о ее рождении. «До ареста отца мама никогда не работала, но после того, как она меня родила, ее тут же послали работать на лесозаготовку, а перед этим пригрозили, что если она откажется ехать, то её арестуют вслед за мужем», - вспоминает рассказанное матерью Людмила Александровна. Дочек ей пришлось оставить на попечение бабушки и дедушки. В колхозе были ясли, но девочек как детей «врага народа» туда брать не хотели. Через некоторое время с лесозаготовки под страхом ареста сбежала мать, так как маленькая Люда тяжело заболела. После того как дочка поправилась, Ольга Васильевна устроилась работать на свиноферму, где ей помогала сначала старшая дочь Валя, а потом уже и подросток Люда. «На маму сваливали все прегрешения, бригадир мог забрать себе поросёнка, а винил за пропажу Ольгу Васильевну, и никто не вступался за жену «врага народа», - рассказывает Людмила Александровна. Вообще девочки с 5 лет уже пололи грядки и работали в колхозе, а став старше, пасли по ночам лошадей. Сестры носили на продажу в Ярославль молоко в бидончиках, подвешенных на коромысло, а на обратном пути собирали крапиву себе на пропитание. Помощи семье ждать было неоткуда, даже бабушка и дедушка вели своё хозяйство и практически ничем не помогали своей дочери и внукам, ведь им и самим нужно было сдать определённое количество молока, шерсти, яиц в колхоз.

В школу сестры ходили за 2 километра от дома, во время этого пути другие ребята обижали их. Например, Валентину зимой выкидывали из саней, что подвозили детей, и никто никогда не вступался за девочек. Да и в самой школе учителя относились к сестрам придирчиво и строго. «В наш дом постоянно приходили люди в форме с проверками, поэтому, наверное, исчезли все фотографии отца», - горестно вспоминает Людмила Александровна. Сестры в любом деле были «виновными», дружить с ними никто не хотел и на общие гуляния в деревне их не звали.

В гости к деду и бабушке часто приезжали родственники, которым за праздничным столом всегда отдавалось всё самое лучшее, а

девочки получали всё, что осталось. Если им доставалось в Пасху одно яйцо на двоих, то это уже была радость. Никто особенно не беспокоился, сыты ли они, есть ли у них одежда, обувь. Людмила Александровна теперь уже со смехом вспоминает, как она привязывала большие калоши к ногам.

Она окончила в деревенской школе 7 классов, а затем в Ярославле десятилетку. Тут тяжело заболела мать, и продолжить своё образование Людмила Александровна не могла, ухаживала за мамой.

Пока не было паспорта, Людмила Александровна работала в колхозе, и её даже поставили заведующей фермой. В 1960-е годы, когда выдали паспорт, она ушла из колхоза работать на монтаж термоизделий - изолировала трубы теплотрассы. Там и познакомилась со своим будущим мужем Вячеславом Петровичем Сутеевым. Долгое время они с мужем скитались по общежитиям, а потом Людмиле Александровне как комсоргу дали небольшую комнатку всего 6 квадратных метров в щитовом доме. Там они уже продолжили свою семейную жизнь с родившейся в 1965 году дочкой Олей. Затем семья получила квартиру на улице Гагарина, пускай небольшую по площади, но все же удобнее прежней. В 1983 году семья была осчастливлена пополнением - родилась вторая дочь, Наташа.

Людмила Александровна проработала 20 лет. Монтаж термоизделий - работа очень вредная и тяжелая. Заработав инвалидность, Людмила Александровна устроилась кладовщицей в вагонное депо, там же шофёром работал и её муж. В 1990 году семья Сутеевых получила долгожданную квартиру на Московском проспекте, где проживает и до сих пор. Семья пополнилась внуком. Муж Людмилы Александровны Вячеслав Петрович скончался в 2007 году. Мама Людмилы Александровны Ольга Васильевна дожила до 92 лет. Она осталась в деревне и не стала переезжать к дочерям в город. В Поповском по-прежнему сама вела хозяйство, так как привыкла рассчитывать только на себя, трудиться не покладая рук и не жаловаться на свою нелегкую долю. Этот дух стойкости перешёл и к её дочерям. Несмотря на все невзгоды, горести, равнодушные и жестокость, что принесли им люди, в семье Людмилы Александровны царит любовь, доброта, внимание друг к другу.

Таннер Алевтина Ивановна

Алевтина Ивановна Таннер в прошлом - дочь «врага народа», человек, лишенный отца и кормильца, воспитателя и защитника, наставника и опекуна... Как же так случается, что из-за чьей-то подозрительности рушились судьбы тысяч людей и их семей? Как дочь простого труженика в одночасье стала дочерью «врага народа»?

Репрессии коснулись всей семьи Алевтины Ивановны Таннер: от них пострадали дяди и тети, бабушки и дедушки. Но наибольшую боль она ощутила из-за гонений на своего отца.

Алевтина Ивановна родилась 20 июля 1922 года в крестьянской семье. Ее родители, Иван Романович (1892 года рождения) и Мария Николаевна (1896 года рождения) Карабановы, окончили церковно-приходское училище при местной церкви. Когда в 1914 году началась Первая мировая война, Ивана Романовича Карабанова забрали на фронт. Служил он у генерала Брусилова в войсках западного фронта в Румынии. Случилось так, что там их достаточно крупная группа войск попала в окружение и была пленена.

После войны Иван Романович вернулся домой. Тогда ему уже было двадцать шесть лет, и наступила пора жениться. Вскоре он встретил свою настоящую любовь и будущую жену - Марию Николаевну. Первым у них родился сын - Виктор. Прожил он недолго. В 1922 году родилась Алевтина Ивановна и второй сын, которого тоже нарекли Виктором. Алевтина Ивановна отмечает, что Иван Романович был очень хорошим и ласковым отцом, играл с детьми, учил их грамоте, чтению и письму.

Иван Романович всю жизнь был крестьянином-тружеником, который с любовью работал на своей земле. Побывав во время войны в Европе и видя, как на западе ведут хозяйство, переносил этот опыт на

родную землю: все пытался делать грамотно и последовательно, не было в хозяйстве ничего лишнего, только двор, лошадь да корова.

Но Алевтина Ивановна, вспоминая эти годы, отмечает: «Жить было нелегко. Юность наша была бедной и тяжелой. Жили мы в Гридино, в пяти километрах от Костромы. Деревенька наша состояла всего из тридцати дворов, наш дом был первым при въезде. Родители трудились, как могли, чтобы прокормить семью. Отец все лето работал в поле, только с этого мы и кормились».

С приходом НЭПа Иван Романович Карабанов стал осваивать новое дело, взял патент (лицензию) с одним из своих товарищей и организовал лавку. Начали они торговать луком и яблоками. «Я помню, - говорит Алевтина Ивановна, - как у нас дома стояло много ящиков с ароматными яблоками. Эта картина небольшого изобилия до сих пор стоит перед глазами».

Но к концу 1920-х годов НЭП был свёрнут. Началась эпоха коллективизации, которую Иван Романович Карабанов не принял и вступить в колхоз не стал. В это же время была нарушена спокойная и размеренная жизнь семьи.

Тогда же в двери постучалась беда. Однажды в деревню пришла разнорядка сельсовета о посылке людей на стройку Магнитки. Посылали раскулаченных. «Так папу забрали. Вечером легли спать, а наутро его уже не было». На Карабанова И.Р. было заведено уголовное дело № 835. «20 июня 1931 года тройкой ОГПУ по Ивановской промышленной области Карабанов И.Р. (был) приговорен к высылке на Урал» (Костромской архив новейшей истории Костромской области). Его жена, Мария Николаевна, ходила в тюрьму и узнала, что продержали его там некоторое время, а затем повезли на Магнитку. В это время Мария Николаевна снова ждала ребенка. По весне всем семьям было велено отправиться туда же, вслед за мужьями. Всех женщин и детей со скарбом посадили на телегу и переправили через реку на вокзал, какой-то добрый человек из числа конвоиров пожалел беременную женщину, и ее с детьми отпустили домой.

Когда они вернулись в родную деревню, их дом оказался закрытым. Другого выбора не оставалось, как только выбить окно и залезть внутрь. Все, что у них было до этого момента (скот, орудия труда, другие вещи) отобрали, остался только один большой двор. Алевтина Ивановна часто ходила помогать маме на заводе. Они ходили в соседний колхоз сажать капусту и полоть гряды.

Алевтина Ивановна в эти годы закончила семилетнюю школу. Но это была не одна школа: за эти семь лет дети посещали разные школы, часто находившиеся за пять-шесть километров от дома. Училась

Алевтина Ивановна Таннер хорошо. После школы окончила индустриальный техникум, несмотря на то, что почти все девушки из ее деревни шли учиться на ткачих.

1941 год - год начала Великой Отечественной войны. «Четыре года кошмара, - вспоминает Алевтина Ивановна Таннер, - 12 июля 1941 года я приехала в качестве химика-аналитика в Ярославль на завод лакокрасочных материалов «Победа рабочих». В войну на нем изготавливали сложные краски для танков. Я должна была проверять состав этих красок».

А уже в августе 1941 года, когда немцы приближались к Москве, со всего Ярославля стали собирать эшелоны людей и отправлять копать противотанковые рвы. «Нас направили в Бологое, высадили в поле, где мы и копали, и жили, спали тогда прямо в снопах. Затем нас перекинули на другой объект, недалеко от Калинина. До места мы шли пешком всю ночь, еле передвигая ногами, все были измотанные и уставшие после целого дня работы. Лишь в конце октября, после окончания всех работ, нас повезли домой», - вспоминает Алевтина Ивановна. В это время начались бомбардировки Ярославля. У Алевтины Ивановны в эти дни погибло много знакомых.

Об ужасах войны можно рассказывать бесконечно, но для людей, переживших этот кошмар, это не самые легкие воспоминания. Главное, что люди выстояли перед лицом опасности, держались вместе, держались до последнего и победили.

Стоит лишь отметить, что, хотя Алевтине Ивановне не очень нравилась ее специальность, она проработала на заводе около тридцати восьми лет, а затем еще работала в котельной этого завода.

Что же касается отца Алевтины Ивановны Таннер, то в течение нескольких лет после его ареста дочь и мать получали из ссылки редкие письма, открытки и даже посылки. Пытались сохранить переписку, но вскоре она прекратилась. И только уже много лет спустя после этих печальных событий стало известно, что на следствии он «обвинялся по статье №58 пункт 10 УК РСФСР, то есть в проведении антисоветской агитации, содержался в Магнитогорске. Постановлением тройки УНКВД по Челябинской области от 20 сентября 1937 года Карабанов И.Р. был приговорен к расстрелу. Постановление о расстреле приведено в исполнение 29 сентября 1937 года в городе Магнитогорске.

Сведений о месте его захоронения не имеется...» (по документам Прокуратуры СССР Прокуратура Челябинской области 6.И.1990. № 13-160-90).

Троицкая Лариса Петровна

Репрессии... Страшные годы для многих семей... Поломанные судьбы тысяч людей...

«Сломленная личность, снова жить по-настоящему он уже не смог... Целых двадцать лет оказались просто вычеркнутыми из жизни, двадцать самых осознанных и плодотворных лет... А затем в нем чувствовалась полная нереализованность, отчужденность от настоящего: а ведь мог бы стать неплохим спортсменом», - вспоминает Лариса Петровна Троицкая своего отца Петра Ивановича Троицкого (1905 года рождения), пострадавшего от репрессий и в последствии реабилитированного.

Петр Иванович Троицкий любил лошадей особенной любовью, восхищался ими, чувствовал их. И благодаря этой своей страсти, не задумываясь, пошел на службу в конную милицию. Молодой, высокий, красивый, он был горд и амбициозен, чувствовал себя представителем власти, той самой власти, которая потом выступила против него, стала его главным обвинителем. Обвинения были неожиданно для всех: его самого, жены и дочери. В то время Петр Иванович Троицкий уже работал начальником одной из кавшкол города. Соревнования были обязательным видом их деятельности. Очередные соревнования, на которые были приглашены представители его школы, должны были проходить в Сталинграде. Как начальник он сопровождал своих спортсменов. И именно эта поездка изменила его судьбу. Тогда, в Сталинграде, Петра Ивановича Троицкого обвинили в попытке организации контрреволюционного восстания против существующей власти. Обвинения были выдвинуты по статье №58 УК РСФСР Постановлением особого Совещания от 14 октября 1938 года. Так Петр Иванович Троицкий оказался в заключении. «Сначала жизнь человека идет своим чередом, а затем ее просто отбирают, - сожалеет

Лариса Петровна. - Папа позже со злобой вспоминал о властях, особенно о тюремщиках, помнил, как они пилили зубы, загоняли иголки под ногти, лишь бы добиться от невинных людей признания. Как тут не сознаешься?» Но был и судьбоносный момент в его заключении, ведь именно в тюрьме он встретил свою вторую жену и мать своих будущих детей. «Мама, Александра Васильевна, закончила культпросвет училище, а в те годы заведовала тюремной библиотекой и занималась организацией культурно-массовых мероприятий. Там папа ее и приметил», - рассказывает Лариса Петровна Троицкая.

После освобождения Петр Иванович был направлен на поселение близ места заключения. Там же молодые и зарегистрировали свой брак. В ссылке родилось трое детей: Лариса, Аркадий и Николай. Семья много переезжала, оказалась в Удмуртии. Лариса Петровна так говорит о тех временах: «Жили мы ужасно, своего жилья не было, не было ни мебели, даже шкафов, одни гвозди вдоль стенки и только. Готовили все на буржуйках, стоящих рядом на полу, ели картошку да лук, все варилось на воде. Так как папа считался «врагом народа», на работу его не брали. Выживали, как могли. Папа лечил лошадей, свиней, научился шить: сам делал туфли, сапоги, даже мастерски овладел этим ремеслом. В то время мы, дети, все по-удмуртски бормотали. Сейчас, конечно, уж и не помним ничего. Меня же постоянно водили на разные концерты петь песни, рассказывать стихи в детских садиках», - с улыбкой говорит Лариса Петровна.

20 ноября 1956 года Петр Иванович Троицкий был реабилитирован с формулировкой «за недоказанностью обвинения». В 1957 году семья приехала в Ярославль. Сначала жили за Волгой в деревне, где было подсобное хозяйство швейной фабрики «Возрождение». Петр Иванович стал начальником административно-хозяйственной части.

Но тяжелые переживания не проходят бесследно ни для самих репрессированных, ни для их родных и близких. Петр Иванович Троицкий стал более раздражительным, усилилась его тяга к алкоголю. Однажды случился инсульт. После его не стало.

Все трое детей считаются пострадавшими от репрессий. Лариса Петровна долго искала документы, свидетельствующие о репрессиях против отца, обращалась в кавшколу, ДОСААФ, другие организации. Лишь после запроса в КГБ были получены документы от сталинградского суда и прокуратуры по делу Троицкого П.И.; выдали и документы о его реабилитации.

Судьба Ларисы Петровны Троицкой сложилась удачно. После школы она поступила в техникум легкой промышленности, позже была направлена на Хабаровскую обувную фабрику, где проработала четыре

года. Затем она работала в Управлении местной промышленности в проектно-конструкторском бюро (двадцать пять лет стажа). Сейчас, вот уже пятнадцатый год как Лариса Петровна - бухгалтер в редакции газеты «Городские новости». Несмотря на все трудности жизненного пути, она остается активным и жизнерадостным человеком.

Труфанова Ирина Васильевна

...Я стояла на каком-то пригорке и сквозь слезы смотрела на окна мрачного кирпичного здания красноярской тюрьмы. Казалось, окон тысяча. Из одного окна через ржавые решетки смотрит на меня отец и понимает, что это — я, его дочь приехала на свидание, и оно состоялось.

Мой отец, Аносов Василий Николаевич, родился в 1907 году в городе Гродно, моя бабушка, уроженка Москвы имела несчастье во время командировки мужа родить моего отца в городе Гродно, затем он жил в Московской области на станции Москворецкая, где и был арестован 8 марта 1938 года.

Постановлением особого совещания при НКВД СССР от 14 мая 1939 года он был осужден по статье 58-6 УК РСФСР за шпионаж на восемь лет в исправительно-трудовой лагерь срок отбывал в городе Норильске Красноярского края. Такой приговор был вызван тем, что город Гродно, относившейся в то время к Польше (сейчас это Белоруссия), в случае войны с Польшей мог бы перейти на сторону врага — за что он, выходит, и пострадал. Моя мать подверглась осуждению окружающих. Брат и сестра отца, родившиеся уже в Москве, не пострадали.

Таким образом, я, Аносова-Труфанова Ирина Васильевна, в возрасте шести лет осталась без попечения отца. Время было очень тя-

желое: война, голод. Прятались с бабушкой в бомбоубежище, а мама почти ежедневно на крышах тушила зажигательные бомбы. После ареста отца маму неоднократно вызывали в Москву в «Особый отдел». Мы с бабушкой все время переживали, вернется ли мама обратно, не арестуют ли и ее. Чтобы как-то прожить и не умереть с голоду, мама несколько раз ездил под город Рязань за продуктами, отвозя туда все, за что можно было что-то получить. Однажды ее не было две недели, – оказалось, что их состав – «телятник» – попал под бомбежку, и мама чудом уцелела. Летом 1946 года, после освобождения отца, мы с мамой и бабушкой поехали к нему в Норильск, где оставались до лета 1947 года. Жили в комнате в бараке. На обратном пути, когда мы плыли на пароходе по Енисею, умерла бабушка; мы с мамой вынуждены были сойти у незнакомого поселка Ярцево, где ее и похоронили. Отец остался на пароходе с вещами, а мы на другой день прилетели на самолете в поселок Подтесово Енисейского района Красноярского края, где потом и трудились родители.

Всю свою жизнь мама посвятила детям: работала музыкальным работником в детских садах и школах. Я в 1950 году поступила в Томский медицинский институт. Мама, понимая, что на нищенскую стипендию прожить невозможно, была вынуждена отрывать от своей ничтожной зарплаты и посылать мне деньги, оставляя себе ровно столько, чтобы не умереть с голода.

Летом 1951 года, приехав на каникулы, я узнала от неё, что папу вновь арестовали 21 мая, что он находится в тюрьме города Красноярска. Туда я в конце каникул и отправилась с передачей для него и просьбой о свидании. Но мне было отказано как члену семьи осужденного по политическим мотивам. Именно тогда я и оказалась на пригорке перед многоэтажным тюремным зданием в надежде на то, что передачу приняли, и папа узнал, что я здесь.

1 сентября 1951 года Особым совещанием при МГБ СССР по статье 58-6 УК РСФСР Аносов В.Н. был осужден к ссылке в Пировский район Красноярского края, куда и прибыл из тюрьмы в октябре 1951 года. На следующий год, во время моих каникул, мы с мамой поехали в этот Пировский район к отцу. Он работал слесарем. Условия работы и жизни были очень тяжелыми, питание отвратительным. Через несколько дней на подводе мы уезжали. Отец провожал нас до определенного места. Расставание было ужасным.

За шесть лет обучения в Томске меня неоднократно вызывали «в органы» для беседы об отце. Они по форме и содержанию были для меня и мамы тяжелее голода и других невзгод.

Наконец определением Верховного суда СССР от 10 февраля 1954 года дело в отношении Аносова В.Н. было прекращено.

Отец был освобожден от ссылки 8 марта 1954 года с разрешением по избранному месту жительства, на ст. Москворецкая Воскресенского района Московской области. По прежней судимости реабилитирован. В итоге шестнадцать лет из жизни выброшены: 8 лет – тюрьма, 8 лет – ссылка. Позже его вызывали в Москву, «жали ручки», извинялись за содеянное. Жить на ст. Москворецкой, где был арестован, он не смог. Списавшись с бывшим заключенным Великановым В.Г., переехал в город Ярославль на постоянное место жительства, здесь работал сначала в Строительном тресте, а затем, на НПЗ в должности начальника отдела труда и зарплаты. Умер папа 27 ноября 1995 года на 89 году жизни.

29 марта 1996 года Главной военной прокуратурой города Москвы я признана пострадавшей от политических репрессий. Затем постановлением от 10 декабря 2001 года Главной военной прокуратурой города Москвы признана подвергшейся политической репрессии и реабилитирована.

Турко Тамара Владимировна

Тамара Владимировна Турко родилась 28 мая 1933 года в семье служащих в Архангельской области, в городе Молотовск (сейчас это город Северодвинск). Семья состояла из отца, его сестры и бабушки, мать Тамары Владимировны рано умерла.

В 1937 году в марте был арестован отец, а следом и его сестра, оба по статье 58, как «враги народа». Маленькая Тамара осталась на попечении своей бабушки и через некоторое время была отправлена в

детский дошкольный дом села Емецк Архангельской области, тоже как дочь «врага народа». В 1941 году её перевели в школьный детский дом села Лена, где она пошла в первый класс. «Водили нас строем, а местные называли нас «осужденные», но были и такие, кто жалел и старался дать нам что-нибудь поесть, так как выглядели мы просто ужасно», - делится своими детскими воспоминаниями Тамара Владимировна. Несчастные дети постоянно испытывали чувство голода и, чтобы хоть как-то его заглушить, ели всё подряд, особенно летом. Тамара Владимировна уже в первом классе умела хорошо читать и писать, и этим она, можно сказать, спасла себя, так как учительница Антонина Андреевна забирала её после уроков к себе домой, чтобы девочка помогала ей сшивать и линовать тетради. Иногда учительница оставляла ребёнка у себя ночевать. Судьба Антонины Андреевны тоже была несчастной: муж её был расстрелян, а сын погиб в первые дни войны, а сама она была ссыльной. «Вечером мы с ней сидели у растопленной печки, читали по очереди вслух и иногда плакали. От неё я в возрасте 10 лет узнала произведения всех запрещённых поэтов и писателей: Есенина, Зощенко, Ахматовой, Цветаевой» - с теплотой в голосе рассказывает Тамара Владимировна.

В детском доме каждое лето ребяташек отправляли в колхоз, 1-2 классы пололи, собирали колоски, овощи, и это был праздник для голодных детей, так как там они наедались. Детдомовцев селили в сараях, где они жили предоставленные сами себе, и поэтому среди детей были распространены вшивость, чесотка, дизентерия. Когда возвращались в детский дом из колхоза, все комнаты превращались в изолятор. От вшей избавляли так: головы всем мазали керосином и стригли наголо. От чесотки в тазах разводили соль, и дети вынуждены были держать руки в этом горячем солевом растворе, а потом их мазали серной мазью. Но зато на фасаде здания висел огромный плакат: «Спасибо любимой партии за наше счастливое детство». А рядом с плакатом знаменитый портрет Сталина с девочкой - узбечкой на руках.

В 1943 году из лагеря возвратилась сестра отца, которая сидела вместе с сестрой Марины Цветаевой. Тётя разыскала свою племянницу в 1944 году, но взять из детдома смогла лишь летом 1945: Тамара Владимировна до сих пор помнит свою школьную учительницу, которая буквально спасла её жизнь и очень многому научила.

Тамара Владимировна уже жила с тётей и пошла в 5 класс в посёлке Княж-Погост. После окончания 7 класса ей не разрешили учиться, так как она всё ещё считалась дочерью «врага народа». Дорога для таких детей, окончивших учебу, была одна: ФЗО или РУ. Но Тамара Владимировна училась очень хорошо, и ей позволили посту-

пить в техникум. Документы она подала в медучилище города Сыктывкара, но их вернули и приняли лишь в Воркутинский горный техникум, который Тамара Владимировна окончила с отличием. Ей дали направление в Ленинградский горный институт, но её опять не допустили до учебы, всё по той же причине, как дочь «врага народа». На работу таких, как Тамара Владимировна, направляли только в северные районы, и ее направили в Норильск, где в основном жили сосланные и выжившие дети репрессированных. Каждые полгода нас вызывали в 1-ый отдел и проверяли нашу лояльность по отношению к Советской власти», - вспоминает Тамара Владимировна.

На заводе Тамару Владимировну поставили мастером над работающими там ссыльно-поселенцами, в основном чеченцами. Чеченцы очень уважительно относились к молоденьким девушкам, которые там работали, хотя те и считались опасными для общества. Тамара Владимировна в 1952 году вышла замуж за Николая Терентьевича, который работал вместе с ней на одном заводе.

В 1953 году прошли знаменитые забастовки (это было с июня по август), очень много людей было уничтожено, прежде чем в 1956 году началась реабилитация. В этом же году Тамара Владимировна узнала из личного дела отца, что он отбывал срок на Колыме и в 1938 году умер от сердечного приступа. Ему было всего лишь 28 лет!

На заводе она отработала 23 года. А в 1960-х годах начали создаваться жилищные кооперативы, северянам было дано на выбор несколько городов, куда они могли переехать. Семья Турко решила переехать в Ярославль, так как у мужа там были родственники. В семье выросли две дочери, обе закончили институты, одна сейчас живет в Северодвинске и работает преподавателем иностранного языка, а другая живёт в Ярославле и трудится на заводе. Сама же Тамара Владимировна очень долго работала кассиром - продавала билеты на Московском вокзале. В 1975 году за свой долговременный честный трудовой стаж получила орден.

Сейчас она живёт с дочерью и внуком, муж Николай Терентьевич умер в 2000 году. Тамара Владимировна ведёт активный образ жизни, много читает и даже выходит в интернет. Она много путешествовала и до сих пор продолжает знакомиться с новыми местами. Она всегда видела в жизни больше позитивных сторон, и благодаря крепкой воле и сильному характеру, смогла преодолеть все горести жизни.

Тамара Владимировна радуется каждому дню и старается реже вспоминать те горькие годы лишений несчастного детства и юности.

Ушакова Елизавета Павловна

Елизавета Павловна Ушакова родилась в Костромской области, Нерехтском районе, в селе Новое Родюкинского сельсовета в 1929 году. Отец - Павел Васильевич Барышев (1894 года рождения) и мать - Евдокия Васильевна Барышева (1896 года рождения) жили счастливо со своими детьми. Отец работал кузнецом в колхозе. Так как семья была большая (детей было 5 человек), отец работал очень много. Он уходил в 4 часа утра в свою кузницу. Павел Васильевич был золотых рук мастер, все его уважали и любили.

Но наступил июнь 1937 года. На Троицу, церковный праздник, отец собрался в Ярославль за продуктами, надел новые вещи, уехал и больше не вернулся. Сначала думали, что он решил навестить родственников в городе, но Павел Васильевич все не приезжал, а маленькая Лиза сидела у окна и ждала его. Когда же в напрасном ожидании прошло много времени, мать сказала Лизоньке, что он умер. При детях она старалась держаться спокойно, но они слышали, как она плакала по ночам в подушку. Много тогда было выплакано слез, но Евдокия Васильевна поняла, что надо жить и работать ради своих детей. Она в то время работала на скотном дворе с еще одной женщиной, каждая из них ухаживала за пятнадцатью коровами. Тогда все делали своими руками: носили сено, траву, воду с реки. Воду выливали в большой чан, там ее нагревали, а затем разбавляли и поили коров. Ближе к осени женщины сами подвозили с огородов свеклу, морковь, картошку. Это были тяжелые времена. Одевать было нечего, поэтому люди ходили в старой штопаной одежде. Еды тоже практически не было, и мать Лизы много работала, чтобы прокормить детей. Елизавета Павловна вспоминает: «Помню, как маме за один год изнурительной работы дали 17 килограммов ржи». Когда дети подросли, то стали помогать матери.

Старший брат Лизы, Николай Павлович, работал в колхозе на лошади. Когда началась война, его призвали на фронт. На фронте он пробыл 6 лет, получил множество орденов и медалей. Во время войны Лиза пошла работать в колхоз, где помогала своей маме: кормила коров, заготавливала сено. До войны она успела окончить только 4 класса. Сестры Елизаветы Павловны тоже работали: одна - на трудовом фронте, другая - 3 года на торфопредприятии.

Когда война закончилась, Лиза снова пошла в школу, где окончила 7 классов. На работу в то время сложно было устроиться, но ее взяли ученицей в Бурмакинское отделение госбанка. Там она отработала двенадцать с половиной лет. После войны люди платили большие налоги, и Елизавета Павловна не стала исключением: значительная часть заработной платы шла на их погашение.

В 1949 году она вышла замуж за Александра Григорьевича Ушакова. Через несколько лет Бурмакинский район, где она жила с мужем был ликвидирован, отделение Госбанка закрыто, поэтому они решили переехать в Ярославль. Здесь она работала в АТП ОПС, а муж - кузнецом в локомотивном депо.

У Елизаветы Павловны и Александра Григорьевича родилось двое детей, сын и дочка.

В 2001 году Елизавета Павловна решила узнать, что же на самом деле случилось с ее отцом? Она обратилась в прокуратуру, оставила там свое заявление, не надеясь, что они смогут узнать что-нибудь про отца. В 2002 году ей прислали справку, что ее отец был арестован в Ярославле в 1937 году, а в 1938 году – расстрелян. В справке не указывалось, за что его арестовали, но в ней говорилось, что Павел Васильевич реабилитирован. Елизавета Павловна верит, что ее отца осудили по ошибке.

Сейчас она уже 25 лет на пенсии, инвалид II группы, ветеран Труда. Елизавета Павловна прожила тяжелую жизнь, но ее можно назвать счастливым человеком, потому что она имеет большую и любящую семью.

Чёбнева Нэлла Владимировна

В истории России немало трагических страниц. В годы репрессий пострадало много взрослых и детей. Дети разделили судьбу своих родителей – «врагов народа», перенесли меньшие лишения, чем их осужденные родственники.

Так, Нэлла Владимировна Чебнёва, родившаяся 25 марта 1936 года, подверглась репрессиям в возрасте одного года, когда арестовали ее отца, Виноградова Владимира Антиповича, директора Машино-тракторной станции.

Он приехал в Гаврилов-Ям из Ярославля, куда его направила на льнокомбинат Областная партийная организация.

Владимира Антиповича забрали в 1937 году. Никто не знал, за что, разъяснений жене или родственникам дано не было. Жена, Александра Михайловна, осталась с двумя детьми: сыном Владимиром (ему было 8 лет) и дочерью Нэллой.

Намереваясь узнать о судьбе мужа, Александра Михайловна вместе с дочерью поехала в Ярославль. По воспоминаниям мамы Нэллы Владимировны, когда она вышла из ведомственного кабинета, следом за ней вышел майор, который дал такой совет: « У вас двое детей, вы поберегите их и ни с кем о муже не разговаривайте, молчите, кто бы вас ни спрашивал».

Сама Нэлла Владимировна в 1937 году была еще слишком маленькой и не понимала, что случилось, она не переживала арест отца так, как ее старший брат. Мама очень много работала.

Нэлле Владимировне не удалось получить высшего образования. После семи лет обучения в школе, она не смогла продолжить учебу в дневной школе: нужно было работать, чтобы помочь маме. С момента, как забрали отца Нэллы Владимировны, прошло практически 15 лет.

В 18 лет Нэлла Владимировна вышла замуж за друга брата, военного, который часто приходил к ним в дом. После свадьбы вместе с

ним уехала в Венгрию, куда муж был направлен для прохождения службы. Позже его перевели в Белоруссию. В конце концов они вернулись в Ярославль.

Александра Михайловна всю жизнь считала, что ее муж был помещен в один из лагерей. Ждала, когда тот вернется домой. А оказалось, что он нашел свою смерть недалеко от Ярославля: был расстрелян около села Селифонтово Ярославского района. Но узнать об этом пришлось только дочери и сыну. Сейчас на месте казни открыто мемориальное кладбище, установлен памятник, на котором перечислены имена 187 человек, погибших на расстрельном полигоне, и среди них есть имя Владимира Антиповича Виноградова.

Шанин Лев Николаевич

*"...Нам ужаса из памяти не выбить,
Тяжелым стоном в души он пророс.
И те, кому в те годы вышло выжить,
Состарились от боли и от слез..."*

С. Масликова

"Реквием павшим от репрессии"

Человеческая память устроена так, что стремится избавиться от воспоминаний о горьких моментах жизни. Лев Николаевич Шанин нашел в себе силы говорить о том, о чем многие предпочитают молчать или вовсе вычеркнуть из своей памяти.

Лев Николаевич Шанин родился 1 марта 1924 года в Ярославле. Мама и папа работали в школе: папа - учителем истории, мама - русского языка. Семья жила в достатке. Когда Лев Николаевич закончил 9 класс, началась Великая Отечественная война: школу закрыли, а бывших учеников, достигших 18 лет, призвали в армию. Лев Николаевич был призван Ярославским райвоенкоматом в сентябре 1942 года и направлен в военное училище г. Саранска (Мордовская АССР), которое закончил в декабре 1943 года с присвоением звания младший лейтенант. Был направлен в Московский военный округ, а в дальнейшем получил предписание в декабре 1943 года отправиться на 2-й Украинский фронт на должность командира взвода, где проходил боевую службу до конца войны. В составе этого полка прослужил до 1949 года на разных должностях. Первой из боевых операций, в кото-

рых участвовал Лев Николаевич, стало форсирование реки Вислы в 1944 году.

Ожесточенное сражение длилось двое суток, сильное течение огромной реки унесло тысячи жизней. Страшные картины боя Лев Николаевич помнит, будто все это было вчера: сначала - обстрел вражеского берега, потом солдаты вплавь пересекают реку и захватывают плацдарм, создается понтонный мост, перебрасываются люди, техника, вражеские самолеты бомбят только что созданные укрепления, не желая сдаваться... Лев Николаевич из тех, кто выжил и был награжден медалью «За отвагу» по окончании этой битвы. Весной 1945 года его полк получил задание взять плацдарм на реке Одер. Это был тяжелый бой - немцы яростно сопротивлялись. Лев Николаевич на плоту форсировал реку Одер и был награжден орденом Красной Звезды. В мае 1945 года принимал участие в освобождении Праги и получил орден Отечественной войны II степени и медаль "За освобождение Праги". Лев Николаевич за время боевых действий получил контузию, обморожение, ожоги, лечение проходил в медсанчасти, не покидая своего 294-го стрелкового полка. Дни, проведенные в Праге, Лев Николаевич вспоминает с улыбкой: "Помню, девушки нас встречали с цветами, просили прокатить на танке...". Из Праги полк был направлен в г. Кладна, где солдаты размещались в лесу: рыли землянки, ставили палатки. Служба в Чехословакии длилась год, после чего советские войска были направлены в Австрию. С 1946 года Лев Николаевич вместе с другими солдатами полка охранял нефтеперерабатывающие заводы в Австрии, откуда вывозилось топливо в СССР.

По окончании войны солдаты получили возможность ездить домой. В 1946 году Лев Николаевич женился, а на следующий год у него родился сын. Служба за границей продолжалась до 1949 года, после чего офицеров отправили на Родину. Здесь, в Ярославле, после долгой разлуки он встретился с женой, грезил о послевоенном благополучии. Однажды в компании друзей и знакомых Лев Николаевич рассказал о том, как люди живут в Германии и Чехословакии. Он был впечатлен красивыми домами, хорошими дорогами. Словом, сказал, что там понравилось. Кроме того, Лев Николаевич похвалил американские машины, на которые ставили советские «Катюши».

Кто-то из компании донес на него в КГБ, после чего ночью 29 октября 1950 года Лев Николаевич был арестован. Чекисты ворвались в квартиру и всё обыскали, предъявили ордер на арест. Потом посадили в машину и увезли в «серый дом», где посадили во внутреннюю тюрьму в одиночную камеру. На следующий день ему предъявили обвинение в «восхвалении капиталистического строя», «клевете на

советскую действительность» и «восхвалении американской техники». Процесс по делу длился около года. Решение было принято особым совещанием в Москве, где Лев Николаевич не присутствовал. Ему было даже запрещено разговаривать со следователем.

Приговор по делу Льву Николаевичу зачитали прямо в камере: его осудили по ст. 58 п. 10, в соответствии с которой он должен был 10 лет отбывать наказание в исправительно-трудовом лагере. После этого он был отправлен в Каргополь Архангельской области. Там было очень много лагерных пунктов. Штаб лагеря располагался на ст. Ерцево, а оттуда шли ответвления железной дороги, по которым вагончики уходили в леса на ОЛП - отдельные лагерные пункты, где рубили и пилили лес заключенные.

Поскольку Лев Николаевич умел работать на токарном станке, с тяжелой работы на улице он был переведен на ОЛП, где находились мастерские по ремонту тракторов для перевозки леса. Там он работал по 12 часов 6 дней в неделю. Заключенные работали в ночную и дневную смены, жили в бараках, спали на двухъярусных нарах. Льву Николаевичу повезло: в отличие от тех, которые работали в лесу, рабочих при мастерских кормили хорошо. Туда привозили акул, моржей. Через 2 года за удовлетворительное поведение Лев Николаевич получил пропуск на бесконвойное хождение на работу: с ним он мог без сопровождения передвигаться по территории лагеря и даже сходиться в поселок и на овощную базу. Всего Лев Николаевич пробыл в лагере 5 лет. Освобождение оказалось неожиданным: в декабре 1954 года, перед Новым годом, он был «почетно» освобожден. С собой ему дали документы, проездной билет на железную дорогу, варежки и фуфайку. Лев Николаевич сел на проходящий поезд и вскоре прибыл на ст. Ярославль Главный.

Возвращение домой стало для Льва Николаевича долгожданной наградой, он получил справку об освобождении со снятием судимости. Вскоре начались трудности с устройством на работу: Лев Николаевич не имел гражданской специальности, не было и военной пенсии, поскольку стаж военной службы был менее 20 лет. Через некоторое время Лев Николаевич устроился токарем на Ярославский тормозной завод, который в дальнейшем был преобразован в Ярославский радиозавод. Там работал токарем, бригадиром, мастером ОТК, одновременно учился в вечернем авиационном техникуме. Окончив его и получив специальность техника-технолога, перешел на работу в заводоуправление на должность инженера отдела. Он не остановился, поступил в заочно - вечерний институт на факультет «Планирование и экономика народного хозяйства», который и за-

кончил успешно. По семейным обстоятельствам в 1968 году ему пришлось переехать в Москву, где он был прописан и принят на работу в «Мосгоркомплектснаб» на должность старшего инженера, а в 1969 году переводом был принят в Главное управление заводов "Россельхозтехники" старшим инженером отдела. В 1984 г. ушел на пенсию и вернулся в Ярославль.

Во время проживания в Москве Лев Николаевич подал документы на реабилитацию и возвращение орденов и званий, полученных им во время Великой Отечественной войны. Полностью он был реабилитирован в 1993 году, о чем свидетельствует справка военного Трибунала Московского военного округа. Сейчас Лев Николаевич состоит в Совете ветеранов Ярославской области, является участником парадов ветеранов в честь Дня Победы на Красной площади в Москве.

Шарапова Тамара Павловна (Абрамовская)

Тамара Павловна Шарапова (до замужества Абрамовская) родилась 18 октября 1936 года в посёлке Новый Бор Усть-Целемского района Коми АССР.

В этот посёлок в 1931 году была выслана из Самарской области большая семья во главе с Абрамовским Павлом Семёновичем, дедушкой Тамары Павловны. Павел Семёнович принадлежал к кулакам, которые оказались главной мишенью политики коллективизации.

На поселении сын Павла Семёновича Павел Павлович женился на будущей матери Тамары Павловны, Плятовской Ефросинье Михайловне. Жизненные условия были тяжёлыми. Поселенцы строили собственными силами индивидуальные дома из подручных материалов. Большую семью прокормить было непросто. Приходилось выращивать картошку (другие овощи на огороде не росли), собирать ягоды, грибы в ле-

су, ловить рыбу. Несмотря на голод и холод, в молодой семье появилось на свет пятеро детей. Вторым ребёнком и была Тамара.

До войны отец Тамары Павловны работал на пароходе «Сталинец», а мать была уборщицей в местной школе. В 1942 году Павел Павлович был призван в ряды Красной армии. В этом же году в семье Абрамовских родился шестой ребёнок. В феврале 1944 года, когда Тамаре Павловне исполнилось 8 лет, пришла похоронка на отца. С этого времени жизнь семьи изменилась. Старшие дети должны были помогать матери растить младших братьев и сестёр. Тамара Павловна закончила только 4 класса: продолжать обучение было невозможно, - семья жила очень бедно. Дети голодали, с ранних лет трудились, не имели ни хорошей одежды, ни игрушек. Тамара Павловна с малолетнего возраста помогала матери убирать школу, а затем устроилась работать на ферму. Работа была тяжёлая. Приходилось заготавливать сено, дрова, работать в любую погоду.

Многодетной семье Абрамовских помогали бабушка с дедушкой. Павел Семёнович, дедушка Тамары Павловны, был опытным хозяйственником, уважаемым человеком на поселении. Он добывал необходимые продукты питания и мастерил одежду и обувь для внуков. В посёлке Новый Бор все жили дружно. Благодаря сплочённости и взаимовыручке местных жителей, семья Абрамовских построила небольшой, но тёплый дом. А вот со стороны местного начальства и надзирателей поселенцы нередко испытывали притеснения, сильно осложнявшие жизнь.

Когда Тамаре исполнилось 19 лет, она вышла замуж, родила ребёнка и переехала к родственникам в Самарскую область. Там устроились с мужем на работу, а через некоторое время они получили двухкомнатную квартиру. Жизнь стала налаживаться. Но в 1968 году жизнь приготовила Тамаре Павловне новые испытания, она получила травму позвоночника. Лечение не приводило к желаемому результату, и в 1980 году ей дали инвалидность 3-ей группы.

Через пять лет её семья, семья Шарapoвых, переехала жить в Ярославль. С годами всё реже стали проявляться последствия суровых условий жизни в детстве и молодости, состояние здоровья всё ухудшалось. Женщину признали инвалидом 2-ой группы. В преодолении хворей и тягот шли года, и только в 1995 году Шарапову Тамару Павловну реабилитировали, освободив её от жестокого клейма.

В настоящее время Тамара Павловна выполняет посильную домашнюю работу, находит для себя интересные занятия. Взрослая дочь и внук помогают и поддерживают её.

Шишкова Тамара Ивановна

Отец Тамары Ивановны, Иван Леонтьевич Шишков, родился в 1900 году в деревне Прикалитки Ярославского района Ярославской области. Семья была большая: 5 мальчиков и 3 девочки. Жили бедно. Ивана Леонтьевича отправили в Петербург работать помощником в магазине. В Гражданскую войну он ушёл добровольцем на фронт, там был тяжело ранен и направлен в Воронежский госпиталь. Память об этой кровопролитной войне осталась у него на всю жизнь в виде неразгибающейся руки.

Когда началась коллективизация, Ивана Леонтьевича выбрали председателем колхоза «Красное понизовье». Жили все дружно, хорошо работали, никто не воровал. Но когда началось стахановское движение, многие сильно изменились. К Ивану Леонтьевичу начали предъявлять претензии: почему распределение корма для коров идёт одинаково, если одни – добротные, а другие – тощие. Но несмотря ни на что, коровы этого района отправлялись на Всесоюзные выставки, а одну стахановку даже наградили орденом Ленина. «Было это так», - рассказывает Тамара Ивановна. - Как - то раз эта стахановка решила поехать в Ярославль на очередную выставку, но отец сказал, что лишней лошади нет, и предложил ехать вместе с человеком, который повезёт молоко в город. Ей это не понравилось, она пожаловалась властям, объяснив ситуацию так, будто Иван Леонтьевич, председатель колхоза, тормозит стахановское движение. И в 1936 году отца посадили. Жители деревни писали письма в райком с просьбой освободить его, так как без него колхоз разваливался. Через 2 года отец вернулся домой».

Вскоре началась подготовка к войне, мужчин отправляли на фронт. В деревне оставалась только женская половина населения.

Мать Тамары Ивановны, Клавдия Ивановна, родилась в 1907 году, рано вышла замуж, родила детей. Когда мужа забрали в тюрьму,

ей приходилось тяжело, ведь в деревне без мужика жить сложно. «Она ещё и застенчивая была, намучилась с нами», - вспоминает Тамара Ивановна.

Сама Тамара Ивановна родилась в 1931 году маленькой, худенькой, болезненной девочкой. Ее называли «зеленое золото», потому что она постоянно болела ангиной. Закончив 7 классов в Богословской школе, Тамара Ивановна поступила в техникум на фельдшерско-акушерское отделение. Окончив обучение, стала работать в детской поликлинике. Но работа ей не нравилась, и поэтому Тамара Ивановна поступила в Педагогический институт на географический факультет, который и закончила в 1954 году. Выпускникам предложили ехать в Красноярский край на работу в школу. Одной из тех, кто согласился, была Тамара Ивановна. «Все мы попали в разные школы. Я - в Боградскую сельскую школу, хорошую, большую». Однако по состоянию здоровья работать в горном районе не смогла. Позже вернулась в родной город, где работала в разных школах.

У Тамары Ивановны 3 сестры. Они всегда поддерживали друг друга. «Каждый год летом наша семья собиралась в деревне, мой племянник отделал наш дом, участок земли там небольшой, овощи все свои, выращенные собственными руками», - радостно говорит Тамара Ивановна.

Сейчас Тамара Ивановна живёт в небольшой квартире на улице Слепнева с маленьким котёнком.

Ясникова Варвара Александровна (Павлова)

Варвара Александровна Ясникова родилась в 1917 году в деревне Паздерино Ростовского района Ярославской области. Отец Александр Автономович и мать Александра Ивановна Павловы, оба 1888 года рождения. Вели свое хозяйство. Семья была среднего достатка. Александра Ивановна занималась домом, помогала мужу в огороде. А зимой, когда не было работы, глава семьи Александр Автономович ездил в Ленинград на заработки.

Варвара Александровна была первым ребенком у Павловых. Вскоре родились еще две девочки и мальчик. В 1925 году, когда младшему брату Варвары Александровны исполнилось восемь месяцев, Александра Ивановна умерла. Остался Александр Автономович без жены: на нем и хозяйство, и четверо маленьких детей. Очень тяжело растить детей без матери. Александр Автономович привел в дом

«новую маму» для своих детей, ждавших от нее ласки. Мачеха, воспитывая и своих детей, не очень хорошо относилась к приемным. Она наказывала детей Александра Автономовича, и всех больше доставалось восьмилетней Варваре - старшей дочери. Александр Автономович все это видел, поэтому решил, что будет воспитывать своих детей один. Мачеха ушла. Во время коллективизации Александр Автономович вступил в колхоз «Заря свободы».

Вскоре начались гонения. Первый раз Александр Автономович был осужден в 1932 году «за антисоветскую агитацию», приговорен к пяти годам лишения свободы. Под свою опеку детей взяла сестра Александры Ивановны. Через пять лет вернулся глава семьи, но ненадолго.

1937 год принес новые испытания. По доносу опять забрали отца семейства, якобы «за участие в контрреволюционной повстанческой организации», приговорили к расстрелу. Варвара Александровна даже не знает, куда его тогда увели. Совсем осиротела семья: теперь ни матери, ни отца. «Пришли, выгребли все из дома... вплоть до семенной картошки... Даже платок с меня сорвали. И сказали, что кулацкие дети не умрут...», - вспоминает Варвара Александровна. Эти люди что-то искали, какие-то листовки, но так ничего и не нашли. «Странно, ведь папа даже расписываться не умел, ставил крестик...», - продолжает она. Пятнадцатилетняя Варвара Александровна - старшая из детей в семье Павловых - поначалу сидела с младшими. А потом Прасковья Ивановна (тетя Варвары) договорилась и пристроила ее в Леспромхоз, лес рубить. Для совсем молодой девушки, потерявшей обоих родителей, наступило нелегкое время. Кроме принудительной работы, в это время был и голод, и холод. Одежды совсем не было - все забрали. Да еще и люди смотрели на Варвару как на дочь «врага народа». «В столовой от Леспромхоза меня не кормили... Приходилось ждать, когда кто-нибудь что-то не доест и вынесет на крыльцо кусок хлеба или половинку картофелины...Ведь даже погреться не пускали...», - горько вспоминает Варвара Александровна.

В 1937 году Александра Автономовича расстреляли. Известно, что первое время он сидел в тюрьме в деревне Белогостицы (Ростовский район). Поскольку Александр Автономович не имел права на переписку, то и семья о нем почти ничего не знала. «Однажды понесла я ему шапку... Была зима, холодно...Тетя дала десяток яиц для папы... Я пока несла их, поскользнулась, да и разбила... Как я ревела...», - вновь переживает бывшая Варвара Александровна. Но когда она пришла в тюрьму, Александра Автономовича уже куда-то перевели. Так

и продолжали жить с тетей. Варвара Александровна следила за младшими детьми, заменяла им маму.

А в 1938 году Варвара Александровна вышла замуж, позже, в 1939 и 1941 годах, родила двух мальчиков. Муж работал трактористом в той же деревне Паздерино. Семья купила себе корову, вела хозяйство.

Но в 1941 году началась Великая Отечественная война. Муж Николай ушел на фронт. Осталась Варвара Александровна с двумя маленькими сыновьями: одному - два года, второму - два месяца. Связь с Николаем прервалась быстро. Уже в первый год войны он погиб, защищая Родину. Варвара Александровна осталась совсем одна. А сыновей необходимо ставить на ноги. Помогло свое хозяйство. Варвару Александровну и на работу-то поначалу не брали как дочь «врага народа», только после замужества взяли в колхоз. Однажды через деревню шли люди - беженцы. Варвара Александровна остановила одну женщину, пожалела и оставила ее жить у себя. Эта женщина помогала по хозяйству, сидела с её сыновьями, в то время как Варвара Александровна работала в колхозе. Так потихоньку и жили...

После войны, в 1948 году, Варвара Александровна вышла замуж во второй раз, за Василия Яковлевича Кадулина, а фамилию оставила прежнюю - Ясникова. Василий Яковлевич приехал в деревню Паздерино к родителям, увидел работающую Варвару и предложил выйти за него замуж.

Варвара родила двух девочек. С мужем жили хорошо. Василий Яковлевич, хоть и был не родным отцом двум сыновьям Варвары Александровны, но никогда не делил детей на своих и чужих, всегда говорил: «Все мои». Очень порядочный человек был Василий Яковлевич: ни пил, ни курил, хозяйственный, любящий. Василий Яковлевич работал на железной дороге, благодаря этому были хоть какие-то деньги. Ведь Варвара Александровна продолжала работать в колхозе вплоть до пенсии, до 1977 года. Оплата труда была в основном натуральная: то две копны сена, то картошки дадут. Что производили, тем и платили. У Варвары Александровны даже книжки трудовой не было: минимальную пенсию оформляли по справкам. Кроме того, на семью с четырьмя детьми тяжелым бременем ложились налоги на хозяйство: и на корову, и на куриц. Приходилось сдавать и молоко, и яйца, независимо от того, дает ли корова молоко, несут ли курицы яйца. «Был случай, когда необходимо было сдать молоко, а его не было. Муж съездил на рынок, купил сливочное масло на свою зарплату и сдал его... Иначе бы отобрали корову...», - вспоминает Варвара Александровна.

Но несмотря на все тяготы жизни, дети в семье Ясниковых всегда были счастливыми. Все были одеты, накормлены, и наказывали-то их совсем редко. А о судьбе своего отца Александра Автономовича Павлова Варвара Александровна узнала только в 1994 году, когда получила справку о его посмертной реабилитации.

После смерти Василия Яковлевича в 1994 году дочь Варвары Александровны, Тамара Васильевна, забрала мать к себе. Сегодня 91-летняя Варвара Александровна - счастливая бабушка и прабабушка. Все-таки суровая жизнь, детство без родителей, потеря близких людей не сломили в Варваре Александровне надежду на счастье. Через все смогла пройти.

Алфавитный указатель

А

Акинфин Александр Яковлевич
Андреева Анастасия Владимировна
Антонова Генриетта Николаевна
Арсеньева Людмила Ивановна

Б

Баташева Валентина Петровна
Беляева Екатерина Сергеевна
Белякова Маргарита Ивановна (Осипова)
Бойко Илья Петрович
Бубель Мария Васильевна о своем отце Куприянове Василии Петровиче

В

Василевская Надежда Николаевна

Г

Глуховы Иван Степанович и Галина Николаевна
Горелышева Светлана Нестеровна
Гресс Владимир Ефимович

Д

Данилов Федор Степанович
Драган Галина Александровна (Смирнова)
Добрынина Надежда Антоновна

Е

Еланцева Вероника Александровна
Емилин Виктор Нефёдьвич
Ершова Валентина Федоровна

З

Заборова Лилия Ивановна

И

Иванова Клавдия Евстафьевна (Колпакова)

К

Канарейкин Анатолий Константинович
Князикова Надежда Яковлевна (Ключевская)
Короткевич Анатолий Павлович
Котова Нина Ивановна
Крайнова Ольга Александровна
Крайнова Ольга Михайловна
Кузнецова Ольга Александровна
Кукушкина Инна Павловна
Куприянов Василий Петрович

Л

Лисовский Станислав Антонович
Лобанова Ольга Михайловна

М

Магаева Антонина Васильевна
Мамышева Вера Александровна
Морозов Виктор Иванович

Н

Ни Моисей Алексеевич
Николаев Александр Федорович
Нуждина Зоя Николаева

О

Осипов Василий Иванович

П

Писарева Екатерина Васильевна

Р

Раманова Наталья Аркадьевна о своем отце Романове Аркадий Михайловиче

С

Седова Людмила Александровна
Смирнова Нина Федоровна
Субботина Галина Константиновна
Сутеева Людмила Александровна

Т

Таннер Алевтина Ивановна
Троицкая Лариса Петровна
Труфанова Ирина Васильевна
Турко Тамара Владимировна

У

Ушакова Елизавета Павловна

Ч

Чёбнева Нэлла Владимировна

Ш

Шанин Лев Николаевич
Шарапова Тамара Павловна (Абрамовская)
Шишкова Тамара Ивановна

Я

Ясникова Варвара Александровна (Павлова)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР*

(Редакция 1926 года)

Преступления государственные

1. Контрреволюционные преступления.

58-1. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР.

58-1 а. Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются высшей мерой уголовного наказания-расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах - лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества.

58-1б. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания - расстрелом с конфискацией всего имущества.

58-1 в. В случае побега или перелета за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к

моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет.

58-1 г. Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влечет за собой лишение свободы на десять лет.

Недонесение со стороны остальных граждан (не военнослужащих) преследуется согласно ст. 58-12.

58-2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры влекут за собой высшую меру социальной защиты - расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества.

58-3. Сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего Кодекса.

58-4. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты - расстрела или объявления врагом трудящихся с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с конфискацией имущества.

58-5. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т. п., - влечет за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса.

* Для информирования родственников репрессированных о существовании обвинения.

9

58-6. Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов СССР, - высшую меру социальной защиты - расстрел или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства СССР и изгнанием из пределов СССР навсегда с конфискацией имущества.

Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше, влечет за собой лишение свободы на срок до трех лет.

58-7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных

капиталистических организаций, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст 58-2 настоящего Кодекса.

58-8. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций; и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса.

58-9. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества, влечет за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса.

58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст.ст. 58-2, 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса.

58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, организованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы.

58-12. Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

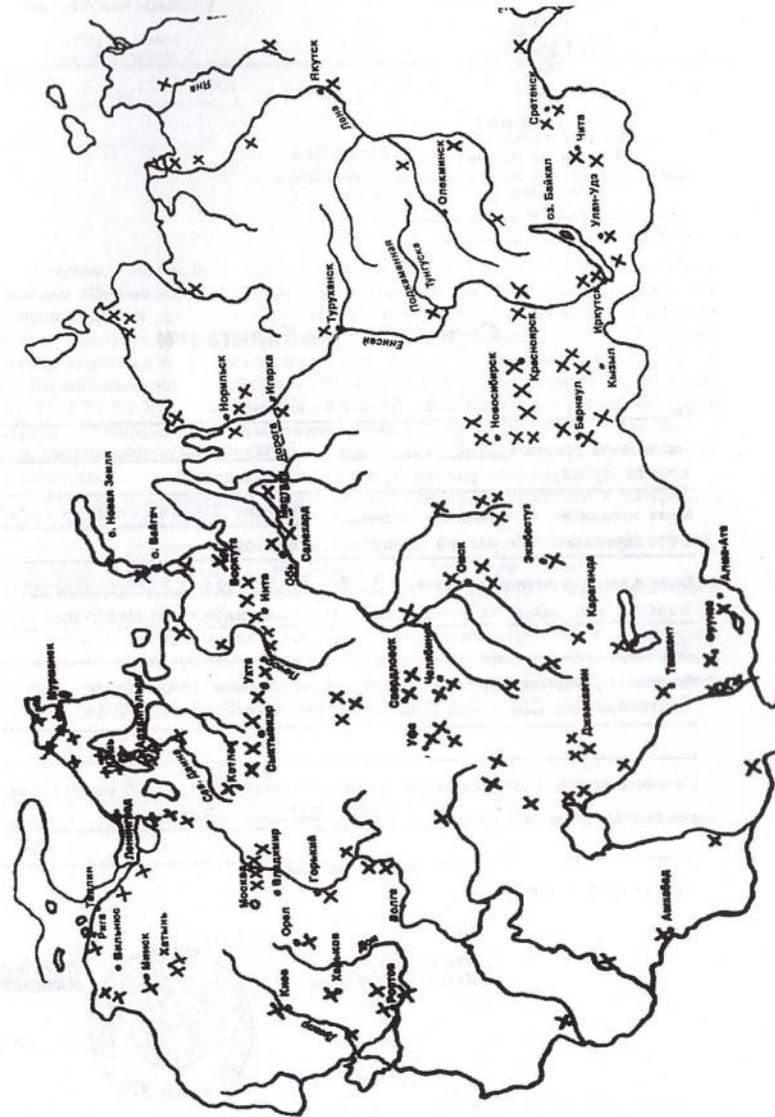
58-13. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской

войны, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса.

58-14. Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собой лишение свободы на срок не ниже одного года с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты - расстрела с конфискацией имущества.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

КАРТА-СХЕМА ГУЛАГА

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

МВД РБ

УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Ярославской области

150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 23
Тел. 29-24-51

03.07.04 № 61

№ _____

от _____

Справка о реабилитации

Гр. ВАСЛОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
[фамилия, имя, отчество]

Год и место рождения 1931 г.р., урож. д.Бечижино Корняцкинского сельсовета Ярославского района Ярославской области

Место жительства до применения репрессии д.Бечижино Корняцкинского сельсовета Ярославского района Ярославской области

Когда и каким органом репрессирован в 1931 г. как кулак в административном порядке направлен на спецпоселение в г.Магнятогорск Челябинской области

Основание применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке Постановление ЦИК и СНК СССР от 01 февраля 1930 года № 195

На основании пункта «в» ст. 3 Закона России от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» гр-(ха) ВАСЛОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
[фамилия, имя, отчество]

реабилитирован(а).

Начальник УВД
Ярославской области

В.В. Петухов

240-05

ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПРАКУРАТУРА МАГІЛЕУСКОЙ ВОБЛАСЦІ

212031, г. Могилев
ул. Добролюбова, 6

ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПРОКУРАТУРА МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

212031, г. Могилев
ул. Добролюбова, 6

57 03. 2004 г. № 13/06 - 2004

На № _____ од _____

СПРАВКА о реабилитации

Решение, вынесенное несудебным органом 05 марта 1933 года по делу в отношении **Шербакова Владимира Кондратьевича**, 1891 года рождения, уроженца и бывшего жителя д. Лысая Слобода Оршанского района Витебской области отменено постановлением президиума Витебского областного суда от 10 октября 1956 года, уголовное дело прекращено и с того времени он реабилитирован.

По постановлению Тройки при ПП ОГПУ по БССР от 05 марта 1933 года по ст. ст. 72 и 76 УК БССР (в редакции 1928 года) был подвергнут репрессии в виде расстрела. Постановление приведено в исполнение 19 марта 1933 года в г. Минске.

Арестован 08 декабря 1932 года, до того времени являлся крестьянином-единоличником.

Сведений о конфискации имущества при аресте и осуждении в материалах архивного уголовного дела не имеется.

Данные о родственниках: жена – Христина, 40 лет; сын – Василий, 10 лет; дочери: Анна, 14 лет; Варвара, 13 лет; Мария, 6 лет; Анастасия, 3 года.

Основание: материалы архивного уголовного дела № 9025 - сд, хранящегося в УКГБ РБ по Могилевской области.

Вопросы восстановления прав реабилитированных граждан и возмещения материального ущерба рассматриваются комиссией Могилевского областного Совета депутатов по оказанию содействия в обеспечении прав жертв политических репрессий 20-80-х годов и увековечении их памяти.

Прокурор Могилевской области
старший советник юстиции

С. А. Дудкин

А.К. Дудкин

Бойко
и то
Пётр Николаевич

Родился в 1896 г. в станице Гостагаевская, Анапского района, Краснодарского края.

Отец дочери Веры 1917 г.р. сыновей Александра 1919 г.р., Ивана 1921 г.р., Григория 1924 г.р., Георгия 1927 г.р., Ильи 1930 г.р., Ильи 1932 г.р.

В 1937 г. был арестован и «тройкой» осужден за подготовку к покушению на «товарища Сталина».

В 1944 г. был расстрелян на станции Пухса, Северной железной дороги.

В 1966 г. Верховным Советом СССР был посмертно реабилитирован.

Мария Владимировна, сестра Анастасии Владимировны, вторая слева.
Проживает в Костроме.

Варвара Владимировна, сестра Анастасии Владимировны. Из-за того, что пошла в лес за берёзками, чтобы отапливать сараечку, где проживала семья, мать, Христина Астафьевну, посадили на 9 месяцев в тюрьму.

МВД РФ
УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ по У. ПЯЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
г. Упяновск, ул. К. Маркса 3170

00 февраля 2008 года

№ 2198-6-2

СПРАВКА о реабилитации

Гр. АКИФИН АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ
(фамилия, имя, отчество)

дата и место рождения: 1947 г. р., п. Югаренок Аллах-Юньского района Якутской АССР

место жительства до применения репрессии: родился на спецпоселении

где, когда и каким органом репрессирован: в 1947 году

основание применения и вид репрессии по политическим мотивам в административном порядке: как к сыну лица немецкой национальности

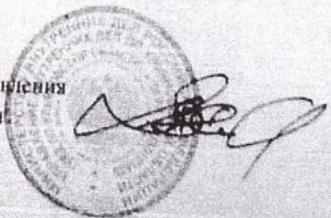
на основании ч. 1 статьи 1.1 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. N 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий»

АКИФИН АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ
(фамилия, имя, отчество)

реабилитирован

Зам. начальника Управления
полковник вн. службы

В.А. СИЛАНТЬЕВ

ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРОКУРАТУРА
ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ
16.06.95 № 13/267-95

г. Ярославль

г. Ярославль,
Московский пр., д. 143, кв. 4
гр-ка Сутеевой Л.А.

СПРАВКА

о признании пострадавшим от политических репрессий

Гр. Сутеева Людмила Александровна

Год и место рождения: 1940 г. р., д. Поповское Ярославского района Ярославской области

Согласно свидетельству о рождении серии И-ПР № 259299, выданному 12 апреля 1995 года Ярославским областным архивом ЗАГС; свидетельству о браке № ГЗ № 102106, выданному 27 ноября 1964 года Ярославским городским домом браковчетания

являющаяся дочерью

гражд(ин) Бутирина Александра Алексеевича, 1905 г.р.

репрессированного(ой) 10 октября 1939 года за антисоветскую агитацию, направленную на подрыв экономической мощи, подвергнут аресту, 6 января 1942 года решением военного трибунала войск НКВД Горьковской области направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу, Бутирин А.А. умер 27 марта 1942 года в местах лишения свободы

реабилитированного(ой) 5 августа 1964 года постановлением пленума Верховного Суда СССР

на основании ч. 2,3 ст. 21 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года признается пострадавшим от политических репрессий.

Зам. Прокурора

Г.Н. Колотов

ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРОКУРАТУРА ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

06.10.94 № 13/461-94

г. Ярославль,
ул. Большая Поляна,
п. 13, кв. 62
г-ну Лобанку Н.А.

СПРАВКА

о признании пострадавшим от политических репрессий

Гр. ЛОБКИН НИКОЛАЙ ЛЬВОВИЧ

Год и место рождения 1939 года рождения, д. Белозерье Ярославского района Ярославской области

Согласно свидетельству о рождении № 63, выданному 26 сентября 1936 года Дзержинским сельсоветом Ярославского района Ярославской области

являющийся сыном

гражд(ин) Лобанца Федора Григорьевича, 1909 года рождения

репрессированного(ой) 26 февраля 1946 года решением областного трибунала войск НКВД Ярославской области по ст. 17-66-8 УК РСФСР за высказывание террористических намерений в отношении руководителей партии и правительства в 6-томии работы "Свобода с порождением и права на основании п.п. "а-г" ст. 31 УК РСФСР на 3 года без возможности амнистии (реабилитированного(ой)) 4 июня 1992 года заключением прокурора Ярославской области, справка о реабилитации № 13/461-94 от 18 августа 1994 года

на основании ч. 2 ст. 9 Закона РФ от 18 октября 1991 года признается пострадавшим от политических репрессий
Первый заместитель
Прокурор А.И. Соколов

06.2.28.09.94.

КАЗАХСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ПРОКУРАТУРАСЫ
КОСТАНАЙ ОБЛАСТЫҚ
ПРОКУРАТУРАСЫ

КАЗАХСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ПРОКУРАТУРА
КУСТАНАЙ ОБЛАСТЫ

440000, Костанай қаласы, Тельмер
жылызы, 57, телеф 4-24-02

440000, Құрманғалиев аяуы, 17,
Тел: 1-34-34

ОБРАТКА
к републике

Г-н Лобанков Николай Львович, г.р. неизвестно (именно) в административном порядке по индивидуальным и иным мотивам
Состоит(а) на службе в органах МВД без права переизбрания
Экспертное заключение от 14.06.1990г. "О предоставлении лист неувязки политических репрессий 40-50 лет" в УВД Кустанайской области Казахстана от 14.04.1992г. "О предоставлении листа массовых политических репрессий" от 14.04.1992г.
Прокурор области
государственных органов
Республики Казахстан
Г.В. Бранков

ПМ КАЗССР
Улуу депутаттары Костанай областы
Сыйыт Атырау депутаттары Кеңесі
БАСКАРМАСЫ

МВД КАЗССР
УПРАВЛЕНИЕ
внутридных дел исполкома
Кустанайского областного Совета
народных депутатов

440000, Костанай қаласы, Тельмер
жылызы, 57-44
24.06.93 № 11/12-1-396

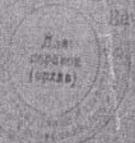
440000, Құрманғалиев аяуы, 17,
9340

СПРАВКА

Виталий Леонов Георгийевич, 1922 г.р., жаса, уроженец Кривошеинского района Ярославской области в 1943 году в июне м-це пришел в Свижковский район, Кустанайской области и встал на учет как спецпоселенец.

Снята с учета в сентябре 1955 года.

Начальник отдела УВД С.Мамбулов

КОРМИЛИЦИНСКИЙ
ДЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
Дроздовского района
Дроздовской области
РОССИЙСКОЙ
Советской Федерации
Социалистической Республики

13 " июля 1970

№ д. Кормилицино

С м о л о в а в м е
настойчивую работу в районе
Белогорья в течение 1968-1970 гг.
Того же года в родном селе
отцу-василью и в семье
Метод Морозов. Дроздовский
Дроздовский район ранее не отмечен
Кормилициновской Советской
Дроздовской Советской Республики

*Коллектив за засл. работы
за успехи достигнутые в выполнении
плана 3,5 лет пятилетки ко
дню выборов в Верховный Совет СССР.*

Секретарь Совета Д. В. Виноградов

ПОЧЕТНАЯ
ГРАМОТА

НА ГРАДИТСЯ

ДРАГАН ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА - ткач

за успехи достигнутые в соц. соревновании *М*

и выполнившей план 3,5 лет пятилетки ко
дню выборов в Верховный Совет СССР. *У*

директор фабрики - *Юлианов* В. Шибанов

заместитель партбиро - *Маша* В. С. Комолова

председатель фабкома - *Гаша* Г. С. Спиридонова

1979 г.

И

Участники проекта

Члены правления Фрунзенского отделения Ассоциации жертв политических репрессий:

Котова Н. И.
Седова Л. А.
Горбачева Р. Н.
Субботина Г. К.
Кадыркова З.В.
Глухова Г. Н.
Таннер А. И.

Исторический Факультет:

Сафонова К.
Невзорова Е.
Иванова Я.
Савченко Т.
Цветкова А.
Бекова Ю.
Салахов А.
Копертехов С.
Гребенщикова Н.
Трубникова Е.
Лукьяненко И.
Рожко К.
Атавина Ю.
Покровская Т.
Полетаева В.

Факультет Русской Филологии и Культуры:

Белякова Т.
Гуляева Я.
Ковалева О.
Комарова А.
Кузнецов И.
Кузьмичева Е.
Курманова К.
и другие

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН - АКАДЕМИЯ НАУК
АНОФ - АПАТИТО-НЕФЕЛИНОВАЯ ОБОГАТИТЕЛЬНАЯ ФАБРИКА
АХО - АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ
АХЧ - АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЧАСТЬ
ВМН - ВЫСШАЯ МЕРА НАКАЗАНИЯ
ВКП(Б) - ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ВЛКСМ - ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛО-
ДЕЖИ
ВОХР - ВОЕНИЗИРОВАННАЯ ОХРАНА
Г.-ГОРОД
ГОИН - ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОКЕАНОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГОРОНО - ГОРОДСКОЙ ОТДЕЛ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ГПУ - ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ГСМ - ГОРЮЧЕ-СМАЗОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ГЭС - ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ
Д. - ДЕРЕВНЯ
Д. - ДОМ
ДК - ДОМ КУЛЬТУРЫ
ЖКО - ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
ЖКУ - ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЖКХ - ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО
И.О. - ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ
ИТЛ - ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ
ИТР - ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ РАБОТНИК
КВ. - КВАРТИРА
КВЖД - КИТАЙСКО-ВОСТОЧНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА
КОМН. - КОМНАТА
КГБ - КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КЭЧ - КВАРТИРНО-ЭКСПЛУАТАЦИОННАЯ ЧАСТЬ
КМ - КИЛОМЕТР
М. - МЕСТЕЧКО
МГБ - МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
МПС - МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ
МТС - МАШИННО-ТРАКТОРНАЯ СТАНЦИЯ
НКВД - НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ОГПУ - ОБЪЕДИНЕННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ОИТЛ - ОТДЕЛ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ
ОРС - ОТДЕЛ РАБОЧЕГО СНАБЖЕНИЯ
ОСВОД - ОБЩЕСТВО СПАСЕНИЯ НА ВОДАХ
ОТИЗ - ОТДЕЛ ТРУДА И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ
ОТК - ОТДЕЛ ТЕХНИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ
ПВО - ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА
ПЕР. - ПЕРЕУЛОК
ПОС. - ПОСЕЛОК
ПР. - ПРОСПЕКТ
ПРОДСНАБ - ОТДЕЛ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ
ПЧ - ПУТЕВАЯ ЧАСТЬ (ЖЕЛЕЗНОДОР.)
РККА - РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ
РОНО - РАЙОННЫЙ ОТДЕЛ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

РСФСР - РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕСПУБЛИКА
РТ - РЫБОЛОВНЫЙ ТРАУЛЕР
С.-СЕЛО
СЕК. - СЕКЦИЯ
РУ - ремесленное училище
СМУ - СТРОИТЕЛЬНО-МОНТАЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
СОЭ - СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫЙ ЭЛЕМЕНТ (В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ)
СРЗ - СУДОРЕМОНТНЫЙ ЗАВОД
СССР - СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
СТ.- СТАТЬЯ (В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ)
СУ - СТРОИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ТПО- ТОВАРО-ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
УВСР - УПРАВЛЕНИЕ (УЧАСТОК) ВОЕННО-СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ
УК - УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР
УЛ.- УЛИЦА
УМГБ - УПРАВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
УНР- УПРАВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА РАБОТ
УЧ. - УЧАСТОК
ФЗО- ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЕ ОБУЧЕНИЕ
ФЗУ- ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЕ УЧИЛИЩЕ
ФСБ- ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
ЧК - ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ
ЭПРОН - ЭКСПЕДИЦИЯ ПОДВОДНЫХ РАБОТ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

Очерки о жертвах политических репрессий
в СССР в 1920-1950 годов
(по материалам Фрунзенского районного отделения
Ассоциации жертв политических репрессий)

Книга издается в авторской редакции

Подписано в печать 20.05.13
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 10,5
Тираж 500 экз. Заказ № 1456

Отпечатано в типографии «Канцлер»
150008, г. Ярославль, ул. Клубная, 4-49
Тел.: (4852) 58-76-37, 58-76-39